

ПРАЕНИСЕЙСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ И ВНЕШНИЕ СВЯЗИ ЕНИСЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ

ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ ПРАЕНИСЕЙСКОЙ ЗВУКОВОЙ СИСТЕМЫ

В последние два десятилетия наши представления о кетском и ближайшем родственном ему югском (или сымском) языках достигли такого уровня, когда не только описаны многие ранее неизвестные особенности этих языков и решен ряд неясных и спорных проблем¹, но и впервые возникла реальная возможность перейти к обстоятельным исследованиям в области сравнительно-исторической фонетики в общеенисейском масштабе (см.: [Топоров 1967; 1968; Иванов 1971; 1975a]; см. также: [Вернер 1974; 1976; 1979]).

Результаты работ последнего времени позволяют в ином свете истолковать ценные материалы по енисейским языкам XVIII–XIX вв. (см.: [Castrén 1858; Дульзон 1961]; ср. также AC²) и внести некоторые коррективы, существенные как для их сравнительно-исторического анализа, так и для реконструкции общеенисейской звуковой системы. Проецируя данные по фонетике современных енисейских языков на соответствующие материалы по этим же языкам у М. А. Кастрена (XIX в.) и в словарях XVIII в., можно установить особенности транскрипции у

¹ Из исследований в области фонетики и фонологии см.: [Дульзон 1964: 26–61; 1968: 25–60; Вернер 1966; 1974; Крейнович 1968: 7–8; 1969: 6–11; Сегал 1968; Либерман 1970; Деннинг 1971] и др.

² Автор выражает свою глубокую признательность Е. А. Хелимскому за предоставление в его распоряжение материалов этого словаря.

авторов XVIII–XIX вв. и учесть неточности в их записях не только по кетскому и югскому, но и по другим языкам, ныне мертвым, — аринскому, ассанскому, коттскому и пумпокольскому.

Словарные материалы XVIII в. по енисейским языкам немногочисленны³, но по ним устанавливается несколько сот надежных енисейских этимологий, которые, будучи дополненными материалами по кетскому, коттскому и югскому языкам XIX–XX вв., позволяют с большой степенью вероятности восстановить общеенисейскую звуковую систему и общеенисейский словарь в весьма важных его фрагментах, что в свою очередь открывает возможность перехода к решению вопроса о генетических связях енисейских языков (во всем объеме доступных енисейских данных и при учете строгой системы звуковых енисейских соответствий), без чего нельзя решить и широкий круг этногенетических проблем, касающихся древних енисейцев.

Ниже следует систематическое изложение сравнительно-исторической фонетики енисейских языков, которое ставит себе целью, во-первых, восстановить исходную праенисейскую фонетическую систему и, во-вторых, продемонстрировать в качестве примеров, доказывающих меженисейские фонетические соответствия, основную часть праенисейского словаря⁴.

Консонантизм

Для ПЕ восстанавливаются следующие согласные:

p	b	m	w			k	g	ŋ	x
t	d	n	r	l		q	G		χ
c	ʒ		r ₁		s	ʔ			h
č	ž	ń	ř	j	í				

³ Ср.: Стр., М., Ф., Срсл., Кл. и некоторые другие источники. К этому нужно добавить довольно значительные данные по енисейской гидронимии, которые, однако, до сих пор лишь в слабой степени используются в работах по сравнительно-историческому изучению енисейских языков.

⁴ В тексте приняты следующие условные обозначения: ~ — ставится перед фонемой, возможной в качестве альтернативной реконструкции; [] — реконструкция праформы на основании только одного из членов языковой семьи; // — ставится в том случае, если есть сомнения в реконструкции данной фонемы либо если допустимы альтернативные реконструкции; // — ставится между формами диалектов одного языка; / — ставится между вариантными формами внутри одного диалекта (языка).

Система соответствий по языкам

	ПЕ	кет.	юг.	кот.	ар.	пумп.
1.	*p	h-, -Ø-, -p	f-, -p	f-/p ^h -, p	p ^h -/p-/(f-), p	p ^h -/f-/p-, p

В коттском *f-* и *p^h-* находятся в свободном варьировании, как это видно по многочисленным вариантным записям. Аналогичная артикуляция, вероятно, была характерна для пумпокольского, что отражается вариантами записи с *p-*, *f-* и *p^f-*. В аринском в основном представлена запись *p^h-* (в некоторых записях также *f-*), что отражает аспирированную артикуляцию; в АС налицо *p-* (видимо, автор записи просто не отражал на письме аспирацию), а в интервокальной и конечной позициях встречается (правда, редко) обозначение данной фонемы и через *b*.

[1] ПЕ **päʔj* ‘кедр’ > кет. *haʔj*, юг. *faʔj*, кот. *fei*, ар. *im-p^haj* ‘кедр’ (ср. еще *p^haj-dá* ‘пихта’), пумп. *pʔ*; ср. также ас. *pej* ‘кедр’.

[2] ПЕ **p/ul/Gam-* ‘мягкий’ > кет. *həm-ílan*, юг. *fəm-ílin*, кот. *fūgam* / *p^hūgam*, ар. (АС) *pima*.

[3] ПЕ **pu-* ‘сердце’ > кет. *hū*, юг. *fu*, кот. *fui* / *p^hui* ‘Inneres’, пумп. *pfi* ‘сердце’.

[4] ПЕ **pitlm-* ‘низкий’ > кет. *hītim*, юг. *fitim*, пумп. *fidam-du*.

[5] ПЕ **pənləŋ* ‘песок’ > кет. *hlnəŋ*, сым. *fanīŋ* ‘песок’, кот. *fənaŋ* / *p^hənaŋ* ‘песок’, ар. *fīnaŋ*, *p^hīnaŋ* ‘песок’, пумп. *pinnīŋ* id.

[6] ПЕ **kulɫp* ‘горноста́й’ > кет. *kulép* (pl. *kułan* < **kulap-an*), юг. *kulep* (pl. *kulaŋin*), кот. *hulur* (pl. *huluran*), ар. *kulep*, *kuleb* (АС).

[7] ПЕ **jəpe* ‘лист’ > кет. *l:* (pl. *l:ŋ*), юг. *l:^hp* (pl. *lfiŋ*), кот. *đipi* (pl. *đipən*), ар. *ipən*, *ipin* (АС), пумп. (*xogon*)-*đipin*; ср. также ас. *jiɾan*. В ар., пумп. и ас. налицо формы мн. ч. (ср. кет., юг., кот.).

	ПЕ	кет.	юг.	кот.	ар.	пумп.
2.	*b	b-, -b-/-v-, -p	b-, -p	p	p	p

В кетском *-b-* имеют диалекты Б, С, а *-v-* — К, Ю. В аринском в начальной позиции изредка встречается написание *-b-*; в пумпокольском в начальной позиции попадает написание как *b*, так и *p*.

[8] ПЕ **bej* ‘ветер’ > кет. *běj*, юг. *bej*, кот. *pěi*, ар. *paɟ*, пумп. *baɟ*; ср. также ас. *pej*, *bej*, кам. *ja-pej*, койб. *ja-pej*.

[9] ПЕ **bis* ‘вечер’ > кет. *bīś*, юг. *bis*, кот. *pīš* (pl. *pīčən*), ар. *pis*, пумп. *bič-idin*; ср. также ас. *pižiga*, *pičiga*.

[10] ПЕ **ʔob* ‘отец’ > кет. *ōp* (pl. *obaŋ*), юг. *op* (pl. *obe:ŋ*), кот. *ōp* (pl. *ōpaŋ*, *ōpaŋ*), ав. *b-ar* (букв. ‘мой отец’), пумп. *ab*.

[11] ПЕ **borba* (~ -ɔ-) ‘гриб’ > кет. *bólba*, *bólva*, юг. *bólba*, ар. (АС) *penbe-tu*.

[12] ПЕ **χɔb-* ‘спина’ > кет. (К, Ю) *qɔv-ət*, (Б, С) *qɔb-ət*, кот. *hap-ar*, ар. *qop*, пумп. *kolpar* (?). В юг. оглушение: *χɔf-ət* вместо ожидаемого *χɔbat*. Пумпокольскую форму, вероятно, лучше относить к ПЕ **χɔlap* ‘сторона, половина’.

	ПЕ	кет.	юг.	кот.	ар.	пумп.
3.	* <i>m</i>	<i>m</i>	<i>m</i>	<i>m</i>	<i>m</i>	<i>m</i>

ПЕ **m*, как и другие носовые сонанты, не встречался в анлауте.

[13] ПЕ **ʔama* ‘мать’ > кет. *ām*, юг. *am*, кот. *āma*, ар. *amä*, *b-aíña* (букв. ‘моя мать’), пумп. *am*; ср. также ас. *ama*.

[14] ПЕ **ʔim* ‘орех’ > кет. *īm*, юг. *im*, кот. *īm*, ар. (АС) *im*.

[15] ПЕ **č/ɛ/m-* ‘гусь’ > кет. *tēm*, юг. *čem*, кот. (М., Сл., Срсл., Кл.) *šame*, ар. *sam*, пумп. *xam*; ср. также ас. *šame*.

	ПЕ	кет.	юг.	кот.	ар.	пумп.
4.	* <i>w</i>	<i>b-, -Ø-, -w</i>	<i>b-, -Ø-, w</i>	<i>b-/m-, -p-, -w</i>	<i>b-, -w</i>	<i>w?/m</i>

В коттском *m-* выступает в анлауте при наличии в словоформе следующего носового. Надежные рефлексы данной фонемы в пумпокольском языке установить не удастся. Она как будто бы дает в пумпокольском *m* в той же позиции, что и в коттском; рефлексы **w-* в анлауте просто не засвидетельствованы, а в других позициях имеющиеся рефлексы можно трактовать либо как *Ø*, либо как *w* (в двух зафиксированных случаях рядом находится гласный *u*, и гипотетический пумпокольский *w* мог быть просто не передан на письме). В аринском (АС) встречается и написание *p-*.

[16] ПЕ **wə-* (**wən-*) ‘частица отрицания и запрещения’ > кет. *bʷí* ‘не, нет’, *bʷíšeŋ* / *bʷtšeŋ* ‘нет’, юг. *bʷí* ‘не, нет’, *bʷšé* ‘нет’, кот. *bō* ‘запретительная частица’, *mon* ‘не’, ар. *bon* ‘не, нет’, пумп. *a-mut* ‘не’ (вероятно < **a-mun-t* < **a-wən-t*).

[17] ПЕ **wɔ-* ‘делать’ > кет. К *bɛ:ri*, Б, С *bɛ:da*, Ю *bɛʳ*, юг. *bɛ:ʰt* ‘делать’, кот. *ba-ttaŋ*) ‘власть, делать’ (прает. *mān-taŋ* < **bā-n-taŋ*), ар. (АС) *ša-pi-te* ‘делаю’.

[18] ПЕ **wir₁-* ‘основа вопросительных местоимений’ > кет. *bíla* ‘как’, *bíléš* ‘куда’, юг. *bire* ‘как’, *bires* ‘куда’, кот. *bílāŋ* ‘какой’, *bili* ‘где’ и т. д.

[19] ПЕ **tuʔw-* ‘глина’ > кет. *tuʔ*, ар. *tuburun*, *tuburuŋ*, пумп. *tu-*; ср. также ас. *tú*, *tʰu*.

[20] ПЕ **χowe* ‘рот’ > кет. *qō*, юг. *xo*, кот. *hōpi*; ср. также ас. *xoboj* ‘рот’.

[21] ПЕ **?aw* (/ **?u*) ‘ты’ > кет. *ū*, юг. *u*, кот. *au*, ар. *au*, пумп. *ue*; ср. также ас. *au*.

[22] ПЕ **χi?w-* ‘береста’ > кет. *qi?j* (стяжение < **qi?w[i]*), юг. *xi?j* (аналогичное стяжение), кот. *hīral*.

	ПЕ	кет.	юг.	кот.	ар.	пумп.
5.	*t	t	t	t ^h -, t	t, -d/-t	t, -d/-t

В аринском (изредка также в ассанском) встречается запись *t̄*; неясно, насколько графическое обозначение палатализации здесь соответствует реальному произношению. Во всяком случае аринская палатализация представляет собой чисто местное явление, не имеющее явного ПЕ источника.

[23] ПЕ **tuxl̄n̄* ‘гребень’ > кет. *tuɣuñ / tu:ñ*, юг. *tugin*, кот. *t^hun*, ар. (АС) *ten*.

[24] ПЕ **täk-* / **tākam* ‘белый’ > кет. *taɣam*, юг. *tig-be:hs* (ср. еще *tigej* ‘белеть’), кот. *t^hegam*, *t^hekam*, ар. *tāma*, *tāma*, пумп. *tam-xo*; ср. также ас. *tegama*, *tiekama*.

[25] ПЕ **t/i/χ-* ‘лодка’ > кет. *ti*: ‘лодка-долбленка’, юг. *ti*: id., ар. (АС) *taj* ‘лодка’, пумп. *tig* ‘лодка, судно’; ср. также ас. *ul-těj*, ар. *kul-těj* ‘сосуд (из бересты или кожи)’.

[26] ПЕ **?el?te* ‘живой’ > кет. (Castr.) *eäte*, юг. (Castr.) *eät*, кот. *ēti*, ар. *atie*, *ätie*, пумп. *atodu*; ср. также ас. *editu*, *etutu*.

[27] ПЕ **tat-* ‘прямой’ > кет. *tataŋ* (ср. еще К *tāt* ‘вправо’), юг. *tatiŋ*, (ср. *tati-liŋ* ‘вправо’), ар. (АС) *tedenga* ‘прямо’.

См. также [4] ПЕ **pitam-* ‘низкий’ и т. д.

	ПЕ	кет.	юг.	кот.	ар.	пумп.
6.	*d	d-, -d/-r-, -t	d, -t	t-, r	t-, -θ(-j)	d-, ?

В кетском *-d-* имеют диалекты Б, С, а *-r-* (при последующем переднем гласном *-r̄-*) — К, Ю. В пумпокольском засвидетельствованы рефлексы данной фонемы только в начальной позиции. В аринском, как и в № 5, встречаются записи с *t̄*.

[28] ПЕ **d/e/s* ‘глаз’ > кет. *dēs̄*, юг. *des*, кот. *tīš* (pl. *tēčagan*), ар. *tien* (форма мн. ч.), пумп. *dat*; ср. также ас. *teš*, *tīš*.

[29] ПЕ **dīne* ‘ель’ > кет. *dīñ*, юг. *din*, кот. *tīni* ‘ель’, ар. *tin* ‘пихта’, пумп. *dīne* id.; ср. также ас. *tin* ‘пихта’.

[30] ПЕ **duʔχ*- ‘дым’ > кет. *duʔ*, юг. *duʔ*, кот. *tu* (Castr.), *tug* (М., Сл., Кл.), ар. *tu*, пумп. *dukar*; ср. также ас. *tu*.

[31] ПЕ **kərləd* (~ *g*-) ‘горло’ > кет. (К, Ю) *kalít / kalát* (pl. *kaláran*), (Б, С) *kalít / kalát* (pl. *kalédəŋ*), юг. *kalat* (pl. *kaladīŋ*), ар. (АС) *u-kurii* (возможна и реконструкция **-ʒ*).

[32] ПЕ **giʔd* ‘жир’ > кет., юг. *kiʔt*, кот. *kīr* (pl. *kīran*) ‘жир’, ар. (АС) *ki* ‘жирно’; ср. также ас. *kir* ‘масло (Öl)’.

[33] ПЕ **χogde* ‘осень’ > кет. *qəgdi*, юг. *xəgdi*, кот. *hōri*, ар. (АС) *kute* (в ар., вероятно, нерегулярное развитие *-d-* в сочетании).

[34] ПЕ **guʔda* ‘поясок’ > кет. (К, Ю) *kuʔt* (pl. *kūreŋ*), (Б, С) *kuʔt* (pl. *kūdəŋ*), кот. *kūra* ‘Strick, Riemen’; ср. также ас. *kura* ‘веревка’.

	ПЕ	кет.	юг.	кот.	ар.	пумп.
7.	* <i>n</i>	<i>n</i>	<i>n</i>	<i>n</i>	<i>n</i>	<i>n</i>

ПЕ **n*, как и иные носовые сонанты, не встречался в анлауте. Как и в случае с другими дентальными, в аринском имеется запись *ń*. В пумпокольском вообще отсутствует вторичная палатализация, присущая аринскому, но в качестве рефлекса **n* спорадически попадает *ń* (возможно, из-за плохой записи).

[35] ПЕ **?iʔn* ‘игла’ > кет., юг. *iʔn*, кот. *in*, *īn*, ар. (АС) *in*.

[36] ПЕ **tiʔn* ‘котел’ > кет., юг. *tiʔn*, пумп. *a-tin*.

[37] ПЕ **?oʔn*- ‘семь’ > кет., юг. *ʒʔn*, ар. *ina*, *ina*, пумп. *oŋaŋ*.

См. также ПЕ **rənləŋ* ‘песок’ [5] и т. д.

	ПЕ	кет.	юг.	кот.	ар.	пумп.
8.	* <i>r</i>	í/l	l/r	<i>r</i>	<i>r</i>	<i>r</i>

ПЕ **r*, как и другие твердые плавные (**r*₁, **l*), не встречался в анлауте. В кетском **r* отражается обычно как *í*, но при последующем заднем гласном наблюдается твердый рефлекс *l*. В югском **r* дает *l*, но сохраняется в виде *r* при исконном гласном *u* (который в югском дает *u*, а в некоторых позициях — *i*). Отметим, что в отличие от других согласных *r* в аринском никогда не имеет графического варианта *ř*.

[38] ПЕ **sur* ‘кровь’ > кет. *śūl*, юг. *sur*, кот. *śur*, ар. (АС) *sur*.

[39] ПЕ *(?*as*)-*plr* ‘облако’ (*?*as*- < *?*es*- ‘небо’) > кет. *aś-pul*, юг. *as-fil*, кот. *aś-par*, ар. *ejš paraŋ*, *es-peraŋ*.

[40] ПЕ **xur*, **xur-es* ‘дождь’ (**es* = ‘небо’) > кет. *ulés*, юг. *ures*, кот. *ur*, ар. *kur*, (АС) *kuraasa* (также ‘туман, иней’), пумп. *ur-ait*. От того же

корня произведено енисейское название росы: кет. *ulan*, кот. *uran*, ар. (АС) *kur-lo*.

[41] ПЕ **t̪iŋgar-* ‘высокий’ > кет. *t̪iŋ(g)ǎl̪*, юг. *t̪iŋg̃il̪*, пумп. *tokar-du*.

[42] ПЕ **?aru-* ‘хитрый, обманывать’ > кет. *al-bet*, юг. *ar-beť* ‘обманывать’, кот. *āru* ‘хитрый’, *āru-pi* ‘обман’. Здесь коттский свидетельствует в пользу наличия в ПЕ *-u-, выпавшего в югском, но вызвавшего там сохранение -r-.

[43] ПЕ **q̃lq̃ar* ‘желчь, горький’ > кет. *q̃l̪:ǎl̪* ‘желчь’, *q̃ɫaŋ* ‘горький’, юг. *x̃l̃x̃ul* ‘желчь’, *x̃l̃x̃iɫaŋ* ‘горький’ (с неясным -ǎ-), кот. *ogar* ‘желчь’, пумп. *leo-xoxar* ‘пузырь’ (вероятно, ‘желчный пузырь’; собственно значение ‘пузырь’ имеет компонент *leo-*).

[44] ПЕ **puʔr* ‘ясный (о погоде)’ > кет. *hiʔl̪*, юг. *fiʔr*, кот. *fur*, *pʰur*.

В ряде случаев в кетском и югском представлены отклонения от нормальной рефлексии; ср. юг. *x̃l̃x̃iɫaŋ* ‘горький’ (при регулярном *x̃l̃x̃ul* < **x̃l̃x̃il̪* ‘желчь’), а также следующие примеры.

[45] ПЕ **xura* ‘влажный’ > кет. *ul̪-tu* ‘мокрый’, юг. *ul* ‘влажный’, кот. *ūra* ‘nass; regnerisch’, ар. *kur* ‘влажно (сыро)’, пумп. *ur-ga* id. Здесь в югском ожидалось бы *ur*, и действительно этот рефлекс налицо в производном глаголе ‘мыть’ (юг. *ur-giŋ*; ср. еще кет. *ul̪-guŋ*, кот. *ur-ōkiaŋ* ‘мыть’, *ur-ki* ‘мытьё’ < ПЕ **xur-gɫ*). Вообще данный корень трудно отделить от приведенного выше ПЕ **xur* ‘дождь’ (однако он должен быть четко ограничен от ПЕ **xuri* ‘вода’, см. ниже).

[46] ПЕ **t̪äx̃ar* ‘выдра’ > кет. *ta:l̪*, юг. *ta:ʰr*, кот. *tʰägär*. Здесь югский имеет -r вместо ожидаемого -l; это могло бы свидетельствовать в пользу реконструкции **t̪äx̃ur* с гласным -u- во втором слоге, однако коттская форма как будто бы не подтверждает такую реконструкцию.

[47] ПЕ **x[i]ʔr-* ‘лягушка’ > кет. *ɫʔl̪*, юг. *ɫʔl̪*, ар. (АС) *kere*. Здесь в кетском -l вместо ожидаемого -ǎ; возможно, это обусловлено позицией после заднего *ɫ*, но других аналогичных примеров нет.

Несмотря на некоторые колебания в кетском и югском, примеров с регулярным соответствием №8 все же гораздо больше, и реконструкция ПЕ **r* представляется нам достаточно надежной.

	ПЕ	кет.	юг.	кот.	ар.	пумп.
9.	*l	ǎl̪	l	l	lʁ	l

ПЕ **l*, как и другие твердые плавные (**r*₁, **r*), не встречался в анлаутной позиции. В кетском обычным рефлексом **l* является ǎl̪; рефлекс *l* наблюдается либо при последующем заднем *a*, либо как результат развития ПЕ сочетания *-lk- (в таком случае имеем кетское -l- или -ll-).

Причины колебания *l/r* в аринском пока неясны (заметим лишь, что *r* попадаетея гораздо реже, чем *l*). Как и в случае с другими дентальными, *l* в арийском может выступать в палатализованном виде (*l̥*).

[48] ПЕ **t/ul̥aq* ‘гнилушка’ > кет. *tulaq*, юг. *tulax*, кот. *t^halak*, *t^halax*.

[49] ПЕ **talkan* ‘мука’ > кет., юг. *tallin*, ас. *talkan*.

[50] ПЕ **soʔol* ‘нарта’ > кет. *śu:l̥*, юг. *so:l* / *soul*, кот. *fun-čol* ‘kleiner Schlitten’ (*fun* ‘дочь’, букв. ‘дочь-нарта’), ар. *šal*, пумп. *cel*.

[51] ПЕ **bul* ‘нога’ > кет. *būl̥*, юг. *bul*, кот. *pul*, ар. *pil*; ср. также ас. *pulan̥* ‘ноги’.

[52] ПЕ **ʔolk-* (~ -ʔ-, *h-*) ‘нос’ > кет. *ʔlin* (ср. еще Кл. — *olgen*), сым. *ʔlin*, ар. *arqij*.

[53] ПЕ **bulor* ‘чулок’ > кет. *bul̥ʔl̥*, юг. *bulʔl*, ар. *proror̥* ‘чулки’.

[54] ПЕ **χol-* ‘щека’ > кет. *qʔlet*, юг. *xʔlat*, кот. *hol* ‘щека’, ар. *bi-qoʔor̥* ‘щеки’ (букв. ‘мои щеки’); ср. также ас. *holan* ‘щеки’.

Нерегулярное *-l̥-* (при последующем *-a-*) налицо в кетском в таком примере:

[55] ПЕ **χʔlab* ‘сторона, половина’ > кет. *qʔlap*, юг. *xʔlap* ‘сторона’, ‘половина’, кот. *halap* ‘Hälfte’, ар. *qubur* (< **qurub-*) в *qubur-saj* ‘полночь’ (*saj* ‘ночь’). Возможно, сюда же следует отнести пумп. *kolpar* ‘спина’.

	ПЕ	кет.	юг.	кот.	ар.	пумп.
10.	*с	t	č-, t̥	h-/t-, t	k-(q-)/t-(d-), t	x-(/c-), t

Данная аффриката, как и следующая (см. №11), реконструирована условно как свистящая. Основанием для этого послужил тот факт, что в коттском, аринском и пумпокольском здесь выступает рефлекс *t* (в противовес мягким шипящим рефлексам аффрикат **č* и **ž*; см. с. 161–162), более естественный при допущении твердого характера данной аффрикаты в ПЕ (югские рефлексы *č-*, *t̥* здесь неинформативны, поскольку те же рефлексы в югском дает и ПЕ **č*). Альтернативным решением могло бы быть восстановление в данном ряду палатального **k̥* (а для соответствия №11 — **ǵ*) ввиду наличия велярных рефлексов в коттском, аринском и пумпокольском языках. Такое решение кажется естественным из-за типологической редкости развития переднеязычных аффрикат в велярные согласные. Тем не менее мы воздерживаемся от указанной реконструкции по следующим причинам: шипящие аффрикаты также могут в енисейских языках давать велярные рефлексы (ср. развитие **č-* > *x-/k-* в пумпокольском, см. с. 161), а допущение двух велярно-палатальных рядов (**k̥1*, **k̥2*) в ПЕ очень маловероятно (неясно, чем они могли артикуляционно отличаться друг

от друга); следовательно, даже при реконструкции палатальных согласных в одном ряду нам не удастся избавиться от «некрасивого» развития «переднеязычная аффриката → велярный взрывной» в другом ряду; внешние соответствия ПЕ *с и *ʒ (см. наст. изд., с. 243) тоже обнаруживают аффрикаты (как правило, свистящие), но не велярные.

Подробное описание развития аффрикат по языкам см. с. 179–193.

В коттском и аринском в анлауте наблюдается раздвоение рефлексов ПЕ *с: в коттском *h-* или *t-*, в аринском *k-* или *t-*. Эти два типа рефлексов обусловлены позиционно: коттский и аринский *t-* выступают при наличии в следующем слове *-k-*, а коттский *h-*, аринский *k-* налицо в остальных случаях, т. е. действуют диссимилятивные факторы.

В аринском встречается и обозначение *q-* (иногда *q̇-*), очевидно, из-за плохого различения записывавшими на слух аринских *k* и *q*.

Если пумп. *cič* ‘мясо’ действительно восходит к ПЕ **cik* ‘рыба, змея’ (семантическое колебание ‘рыба/мясо’ обычно для енисейских языков), то нужно думать, что и в пумпокольском налицо раздвоение анлаутных рефлексов ПЕ *с: *c* — перед исконным велярным шумным, но *x* (*/kʰ/*) — в других случаях.

[56] ПЕ **cēse* ‘валенок, сапог’ > кет. *tε:ši* (Ю *tεš*), юг. *če:ʰs*, кот. *hēči* ‘Schuh’, ар. *qisiŋ* ‘сапоги’.

[57] ПЕ **cəŋe* ‘волосы’ > кет. *t̄ŋə* (Ю *t̄ŋ*), юг. *č̄ŋ*, кот. *heŋai*, ар. *qiaŋəŋ*, *q̄aŋəŋ*, (АС) *keŋan* (< **keŋəŋ*), пумп. *xiŋə*, *qiŋə*.

[58] ПЕ **cl(n)t-* ‘муж’ > кет. *tēt*, юг. *čet*, кот. *hat-kīt* (*kīt* ‘человек’), ар. *kintej* ‘супруг’, пумп. *ils-et* (< **ils-xet*; ср. *ils-em* ‘жена’ < **ils-kem* при кет. *qīm* ‘жена’). Неясно, как относится сюда ар. *bi-qaʳat* ‘муж’ (букв. ‘мой муж’): метатеза из суффиксального образования **-kat-ar*?

[59] ПЕ **c/i/?G-* ‘голова’ > кет. К *tīʔ*, юг. *čīʔ*, кот. *tagai*, *takai*, ар. (АС) *ke-dake*.

[60] ПЕ **c/i/k* ‘змея, рыба’ > кет. *ti:γə* (Ю *tiγ*), юг. *či:ʰk* ‘змея’, кот. *tēg*, *tēx* ‘рыба’, ар. *il-ti* ‘рыба’; ср. также ас. *tig*, *tik* ‘рыба’. Вероятно, сюда же нужно относить пумп. *cič* ‘мясо’.

[61] ПЕ **?äʔc* ‘скоро’ > кет. Ю. *aʔt*, юг. *aʔt̄*, кот. *et-paŋ*, ар. (АС) *ati* ‘скор’.

Нужно отметить, что *с- вообще довольно редкая фонема в ПЕ, а в неначальной позиции — особенно.

	ПЕ	кет.	юг.	кот.	ар.	пумп.
11.	*ʒ	d-, -d/-r-, -t	d, -t	ǰ-, -j-, -i	k-, j	k-, d

В кетском *-d-* имеют диалекты Б, С, а *-r-* (при последующем переднем гласном *-í-*) — К, Ю.

[62] ПЕ **ʒl* ‘ребенок’ > кет. *dīl*, юг. *dīl*, кот. *dál* ‘Kind’, *dalei* ‘Mädchen’, ар. *bi-kal* ‘мальчик, сын’ (букв. ‘мой сын’), *bi-kala* ‘дочь’ (букв. ‘моя дочь’), пумп. *pi-kola* ‘дитя, дочь’; ср. также ас. *jali* ‘дитя, мальчик’.

[63] ПЕ **χäʔʒ* ‘верхняя одежда’ > кет. *qaʔt* (pl. Б, С *qadeŋ*, К, Ю *qaŋeŋ*), юг. *xaʔt* (pl. *xadiŋ*) ‘шуба, верхняя одежда’, кот. *hei* ‘Pelz; Oberkleid’, ар. *qaj* ‘платье (vestis), шуба’. Неясно, как относится сюда пумп. *kal* ‘платье (vestis), шуба’ (ошибочная запись вместо *kadʔ*?); ср. также ас. *hejaŋ* ‘платье (vestis), шуба’.

[64] ПЕ **ʔaʒ* ‘я’ > кет. *āt*, юг. *at*, кот. *ai*, ар. *aj*, пумп. (Кл.) *ad*; ср. еще ас. *aj*, а также формы мн. ч.: кет. *ʔtn*, юг. *ʔtn*, кот. *ajon* (ас. *ajun*), ар. *aiŋ*, пумп. (Сл.) *adiŋ* ‘мы’.

[65] ПЕ **ʔulaʒ* (~ *x-*) ‘ребро’ > кет. *uíet* (pl. Б, С *uíedəŋ*, К, Ю *uíerəŋ*), юг. *uíat* (pl. *uíadiŋ*), кот. *ulai* (pl. *ulajaŋ*) и др.

	ПЕ	кет.	юг.	кот.	ар.	пумп.
12.	* <i>r</i> ₁	í/l	r	l	l	l

Как и другие твердые плавные (**r*, **l*), ПЕ **r*₁ не встречался в анлауте. Точный характер артикуляции данной фонемы в ПЕ неизвестен; возможно, это артикуляция типа одноударного *r*, что объяснит рефлекс *r* в югском, но *l* в коттском, арийском и пумпокольском (латеральный рефлекс в кетском неинформативен, поскольку все плавные дают там *l/l*).

В отличие от рефлексации ПЕ **r*, **l* здесь принципы распределения в кетском между двумя рефлексами — *í* и *l* — не вполне ясны. Можно отметить, что в соседстве с передними гласными всегда выступает *í*; в других случаях обычно имеем *l*, хотя нередок и рефлекс *l*.

[66] ПЕ **kārie* ‘война’ > кет. (К) *ka:íi*, (Б, С) *ka:ía*, (Ю) *kaí*, юг. *ka:ʰr*, кот. *hali* ‘война’, ар. (АС) *kel* ‘войско’.

[67] ПЕ **saGarí* ‘ночевать’ > кет. *sa:l*, юг. *sa:ʰr*, кот. *šagal* ‘ночевка’, *ha-čāgal* ‘ночевать’, пумп. *tōl* ‘ночь’.

[68] ПЕ **piri-* ‘сладкий’ > кет. *hīl* ‘сладкая масса под корой березы’, *hīlaŋ* ‘сладкий’, юг. *fiʔr* ‘сладкая масса под корой деревьев’, *fʔraŋ* ‘сладкий’, кот. *fil* ‘Baumsaft’, *falaŋ*, *pʰalaŋ* ‘süß’, ар. (АС) *kulun-pala* ‘сладко’.

[69] ПЕ **xurí* ‘вода’ > кет. *ūl*, юг. *ur*, кот. *ūl*, ар. *kul*, пумп. *ul*; ср. также ас. *ul*, койб., кам. *ūl*.

	ПЕ	кет.	юг.	кот.	ар.	пумп.
13.	* <i>s</i>	ś/s	s	š-, -č-, -š/-t	s/š/č, -s/-š/-t	t-/c-/s-, t/č/s

Данная фонема — единственный ПЕ сибилант. По-видимому, уже в ПЕ артикуляция *s варьировала между *s и *š (*š), что и обусловило наличие как свистящих, так и шипящих (или палатальных) рефлексов по языкам.

Рефлексация ПЕ *s во многом связана с судьбой в каждом отдельном языке системы ПЕ аффрикат. Лучше всего сохранил систему аффрикат югский язык, поэтому в нем и *s оказался максимально устойчивым; напротив, в коттском, аринском и пумпокольском, где система аффрикат сильно разрушилась, сибилант s стал заменять утраченные аффрикатные фонемы, что и привело к его частичной (а в пумпокольском — к практически полной) аффрикатизации (и далее — окклюзивизации). Дело не обошлось еще и без влияния субстрата (в частности, самодийского), но это уже особая проблема.

Прежде чем приводить примеры на рефлексацию ПЕ *s, прокомментируем принципы распределения рефлексов в отдельных языках.

И. Кетский. Распределение между ś и s (на синхронном уровне уже являющимися отдельными фонемами) здесь очень сложно; s встречается в следующих случаях.

1) В сочетании -ss-, как правило (но не всегда), восходящем к *-sq-; ср. *assur* ‘куропатка’ (*ēs* ‘небо’, *qūr* ‘косач’), *kassat* ‘подошва’ и др. Однако при наличии следующего мягкого -l- вместо -ss- представлено -śś-; ср. *blassem* ‘вдова’ (*blas* + *qim* ‘женщина’), но *blasśāl-git* ‘вдовец’.

2) В сочетаниях -sq- (в новых сложениях) и -st-; ср. *is-qr* ‘рыбачить’ (при *īs* ‘рыба’), *bestaq* ‘указательный палец’, *estij* ‘мешать (кашу)’, *ostak* ‘остяк’. Однако уже встречается и сочетание -št- как результат стяжения из -šVt- (ср. *bīšt* ‘оса’ при юг. *bisset*) или в новых сложениях *dvś-tin* ‘мочиться’ (*dṽś* ‘моча’), *uś-tet* ‘колоть (дрова)’ (*u:śa*, *uś* ‘береза’).

3) После гласного a на конце неодносложных слов (*ammas* ‘мачеха’, *oppas* ‘отчим’, *attas* ‘пальма’, *dinas* ‘будущий год’, *ittas* ‘челюсть’, *llas* ‘оленинок’, *qimmas* ‘жениться’). Из этого правила есть два неясных исключения: *tlnnaś* ‘подушка’ и *baṇaś* ‘порог на реке’ (ср., однако, форму Ю *baṇaś* с другим гласным перед -ś). По-видимому, ошибочны записи *tettaś* ‘выйти замуж’ (ср. *qimmas* ‘жениться’ с -s) и *amaś* ‘колючка’ (ср. регулярное производное *amasin* ‘колючий’).

4) При ауслaute на -aC, где C — любой согласный, кроме, видимо, η (и в производных формах); ср. *asan* ‘топь, трясина’, *asanaj* ‘говорить’ (ср. *aś-klʔt* ‘сказка’), *ensaq* ‘забыть’, *isal* ‘жадный’, *usal* ‘березка’ (ср. *u:śa*, *uś* ‘береза’), но *uśaη* ‘есть, имеется’.

5) В анлауте при последующем заднем гласном (a, o/ɔ, u, но не l, i) в нескольких случаях:

а) когда в словоформе содержится увулярный согласный (*saʔq* ‘белка’, *savaj* ‘беличье гнездо’, *sapqəl* ‘пятка’, *saqtet* ‘топтать’, *savan* / *sān* ‘виноватый’, *suttaq* ‘средний палец’); непонятным исключением из этого правила является *šāvit* ‘детеныш белки’ (< *saʔq* + *kit*);

б) в тех случаях, когда слово имеет третий тон и долгий гласный, восходящий к стяжению последовательности *-VQV-*, т. е. опять-таки когда в словоформе есть увулярный согласный (здесь выпавший); ср. *sa:l̥³* (< **saGar̥i*) ‘ночевать’, *sa:ltə³* ‘мелкая щепка’, *sɔ:m³* ‘стрела с тупым наконечником’ (вероятно, стяжение из **səGl* ‘тяжелый’ + **qām* ‘стрела’; ср. кет. *śl:* ‘тяжелый’, *qām* ‘стрела’), *su:k³* ‘ржавчина’. Характерно, что стяжение последовательности *-V?V-* не приводит к таким результатам; ср. *śu:l̥³* ‘нарта’ (< **soʔol*; см. с. 154);

в) в двухсложных словах со вторым ударным слогом третьего тона (ударный гласный при этом сокращается, см.: [Вернер 1974: 22]): *sa-bót* ‘багаж’ (ср. кет. *śā* ‘багаж, скарб’), *sayej* ‘балованный’ (записано с шестым тоном, но ср. юг. *sagěj* с третьим), *sanó* ‘белковать’ (*saʔn* ‘белок’ + *qɔ:³* ‘убивать’, ср. юг. *saxanou³*), *satíj* ‘стыд’. По существу данное правило является разновидностью правила I.5б;

г) в некоторых поздних русских заимствованиях.

Неясны причины наличия *s* (а не *ś*) в следующих трех корнях: *sagla* / *sayla* ‘жабры’, *saŋan* ‘икра’, *sī-* ‘половина’.

Во всех остальных случаях (статистически — в подавляющем большинстве слов) кетский имеет *ś*.

II. Югский. Здесь последовательно во всех позициях ПЕ **s* передан как *s*. Очень редкие случаи записи *ś* приходится, как правило, на позицию перед передними гласными и не отражают фонологической реальности.

III. Коттский. В этом языке нужно предполагать первоначальную четкую рефлексацию: *š* в ан- и ауслауте, *č* в инлауте. Это распределение по записям М. А. Кастрена хорошо демонстрируется случаями типа *tīš* ‘глаз’ (pl. *tēčagan*), *šagal* ‘ночевка’ (inf. *ha-čāgal* ‘ночевать’) и др. Реально, однако, наблюдаются некоторые отступления от этого правила, связанные с морфологическими аналогиями: ср. *ši-čal* ‘точение’ (регулярное производное с префиксом *ši-* от корня *šal*; ср. *šal* ‘острие’), но *ō-šalan* ‘точить’ уже без ожидаемой инлаутной аффрикатизации; напротив, наряду с регулярным именем *šagal* ‘ночевка’ и глаголом *ha-čāgal* ‘ночевать’ получаем уже новое именное образование *čagal* (по аналогии с *ha-čāgal*) ‘сон, дрема (Schlummern, Schlafen)’ и т. д. Такие процессы типичны, правда, лишь для глагольных парадигм (и отглагольных производных) и обычно не распространяются на старые непроизводные имена.

Характерным является отсутствие перехода $*-s > -\check{s}$ в словообразовательном (атрибутивном и деноминативном) аффиксе $-\check{s}e$ ($< *s-e$) (*urki-še* ‘мыло’ от *urki* ‘мытье’, *fugai-še* ‘соболь’ от *fugai* ‘хвост’ и т. д.). В одном классе случаев в коттском налицо ауслautный рефлекс $-t$: это происходит при наличии в анлауте коттского \check{s} - ($< ПЕ *s-$), т. е. в результате диссимиляции; ср. *šēt* ‘лиственница’, *šēt* ‘река’, *šēt* ‘камус’ (см. примеры [72–74]). При этом получившийся $-t$ распространяется на всю парадигму (ср. *šati* ‘реки’, *šataŋ* ‘камусы’), в отличие от исконно инлаутного $*-s-$, который всегда (в том числе и после начального $*s > \text{кот. } \check{s}$ -) дает коттское $-\check{s}$.

IV. Аринский. Здесь в связи с полной дезаффрикатизацией старых аффрикат осталась единственная фонема *s*, которая могла, очевидно, иметь много аллофонов и свободных вариантов.

Прежде всего нужно упомянуть о практически свободном чередовании *s/š* в записях (в том числе и в записях одного и того же слова). Этот факт, помимо прочего, явно связан с частым чередованием палатализованных и непалатализованных звуков в аринских записях (характерно, однако, что в данном случае записи типа *ś* полностью отсутствуют, а налицо лишь записи *š*).

В анлаутной и инлаутной позициях встречаются записи *s*, *š*, реже — *č*, а также звонкие *z*, *ž*, *ž* и особая запись *š^h*; это указывает на возможность звонкой и придыхательной спирантной артикуляции, а также глухой либо звонкой аффрикатной артикуляции данной фонемы (подчеркнем еще раз, что речь идет о свободных вариантах, между которыми при всем желании не удастся найти ни синхронного, ни диахронического распределения; одно и то же слово может быть записано с несколькими из этих вариантов). В ауслautной позиции встречаются, как правило, лишь записи $-s$ или $-\check{s}$, что указывает на невозможность звонкой, придыхательной или аффрикатной артикуляции *s* в данной позиции⁵.

Вариант $-t$ появляется в арийском там же, где и в коттском, т. е. в ауслaute слов, начинающихся на $*s-$ (*čit* ‘лиственница’, *sat* ‘река’).

V. Пумпокольский. В этом языке наблюдается специфическое распределение рефлексов ПЕ $*s$.

1) Редкий рефлекс $*s > \text{пумп. } s$ представлен в тех случаях, когда в словоформе налицо пумп. $t < ПЕ *t$ (*salat* ‘олень’, *sāt* ‘карась’, *xatis* ‘постель’; ср. также заимствованное *tus* ‘соль’). Кроме того, *s* имеется в пумпокольском в атрибутивном суффиксе $-si$ (ср. кот. $-\check{s}e$ с аналогичной

⁵ Лишь в одном случае наряду с $-s$ зафиксировано (только у Стр.) конечное $-c$ (*jus / juc* ‘сто’).

нерегулярностью — отсутствием аффрикатизации $*\text{-}\check{s}e \rightarrow \text{-}\check{c}e$), в неясном первом компоненте слов *ils-et* ‘жена’, *ils-et* ‘муж’ (вторые компоненты восходят соответственно к ПЕ $*Qim-$, $*ke?t$), а также (по неизвестным причинам) в слове *sogo* ‘есть’.

2) В остальных случаях пумпокольский имеет *t* при соседних задних гласных и *s* либо \check{c} — при передних (*s* выступает в анлауте, а \check{c} — в других позициях). После передних гласных в ауслауте артикуляция была, видимо, близка к $/t/$ — ср. параллельные записи *eč* ‘небо’, но *ur-ait* ‘дождь’ < $*?es$, $*xur_1-es$; ср. также запись *kit* ‘камень’ вместо ожидаемого *kič* (< ПЕ $*čičs$). В некоторых случаях в конечной позиции появляется неожиданное *-g*; это скорее всего случайность (ошибка прочтения?) — ср. записи *eg* ‘бог’ и *eč* ‘небо’, очевидно представляющие собой одно и то же слово (ПЕ $*?es$).

Примеры на рефлексацию ПЕ $*s$:

[70] ПЕ $*sa?qa$ ‘белка’ > кет. *sa?q* (pl. *sa:n*; Castr. *savan*), юг. *sa?x* / *sa?q* (pl. *saxən*), кот. *šaga*, ар. *sava*, *žoua*, (AC) *sova*, пумп. *tak*; ср. также ас. *šaga*, *šaha*.

[71] ПЕ $*s/i/Ga$ ‘год’ > кет. *ši:*, юг. *si:*, кот. *šēga*, ар. *šhej*, пумп. *ciku*.

[72] ПЕ $*se?s$ ‘лиственница’ > кет. *se?ś*, юг. *se?s*, кот. *šet*, ар. *čit*, пумп. *ta/g*; ср. также ас. *šet*, *čet*.

[73] ПЕ $*ses$ ‘речка’ > кет. *šēs*, юг. *ses*, кот. *šet* (pl. *šati*), ар. *sat*, пумп. *tatan*; ср. также ас. *šet*, кам. *satiŋ*.

[74] ПЕ $*sās$ ‘камыс’ > кет. Ю *śas*, К *śa:ši*, Б, С *śa:ś*, юг. *sa:ʰs*, кот. *šet* (pl. *šatan*).

[75] ПЕ $*sisa(l)$ - ‘легкие’ > кот. *šičātn*, ар. (AC) *šišali*.

[76] ПЕ $*χu?s$ ‘чум’ > кет. *qu?ś*, юг. *xu?s*, кот. *hūš*, ар. *kus*, пумп. *hu-kut*.

[77] ПЕ $*?es$ ‘бог, небо’ > кет. *ēs*, сым. *es*, кот. *eš* (pl. *ečan*), ар. *es*, *eš*, пумп. *eč* ‘небо’, *e/g/* ‘бог’; ср. также ас. *ös*, *öš*, *es*, *eš*, *eč*.

[78] ПЕ $*ku?s$ ‘лошадь’ > кет. *ku?ś* ‘корова’, юг. *ku?s*, кот. *huš* (pl. *hučan*), ар. *kus*, *qus* ‘лошадь’, *quše*, (AC) *pinü-kuče* ‘кобыла’, пумп. *kut* ‘конь, кобыла’.

[79] ПЕ $*?ise$ ‘мясо, рыба’ > кет. *īs*, юг. *īs*, ‘мясо, рыба’, кот. *iči*, ар. *is*, (AC) *iži* ‘мясо’.

[80] ПЕ $*χusa$ ‘один’ > кет. *quś*, юг. *xus*, кот. *hūča*, ар. *kʰuzej*, *kuisa*, *qušej*, пумп. *xuta*.

[81] ПЕ $*kams-$ ‘вчера’ > юг. *kisón*, кот. *honč-ig*, ар. *kanži*; ср. также ас. *xonži* ‘вчера’.

[82] ПЕ $*jus$ ‘сто’ > ар. *jus*, *juc*, пумп. *uta-msa*; ср. также кам. *dus* ‘сто’.

[83] ПЕ $*sēr̄e$ ‘олень’ > кет. К *še:li*, Б, С *še:lā*, Ю *še:l*, юг. *se:ʰr*, кот. *šeli*, пумп. *salat*.

	ПЕ	кет.	юг.	кот.	ар.	пумп.
14.	*č	t	č-, t	š-, -č-, -?	s-/š-/č-/k-, ?	x-/k-, -?-, -č

Данная фонема характерна тем, что в своих рефлексах напоминает отчасти *c, а отчасти *s. Причины этого заключаются в том, что в некоторых случаях свистящие и шипящие аффрикаты рано совпали друг с другом (так обстояло дело в кетском и югском, а в анлаутной позиции — и в пумпокольском), в других же случаях *č переходил в *š (ввиду отсутствия *š как особой фонемы в ПЕ), который, в свою очередь, (параллельно с распадом ПЕ системы шипящих аффрикат) совпадал с ПЕ *s — так обстояло дело в коттском, аринском и, вероятно, пумпокольском в ауслатной позиции.

Таким образом, ПЕ *č в кетском и югском дает те же рефлексы, что и ПЕ *c; в коттском — те же рефлексы, что и ПЕ *s. В аринском, очевидно, шел процесс, аналогичный имевшему место в коттском (*č → š/s)⁶, за одним исключением: при наличии в слове последующего *s происходила ранняя (еще до спирантизации) ассимиляция *č → c (→ ар. k-). К сожалению, ауслатные и инлаутные рефлексы *č в аринском не зафиксированы⁷. В пумпокольском в анлауте представлен рефлекс x- или k- (по-видимому, варианты одной фонемы типа /k^h/), т. е. тот же рефлекс, что и у ПЕ *c; в ауслате в единственном известном нам примере налицо -č, т. е. тот же рефлекс, что и у ПЕ *s (при переднем гласном; ожидалась бы также рефлексация -t при задних гласных, но материал отсутствует); инлаутные примеры рефлексации *č неизвестны.

[84] ПЕ *čiʔs ‘камень’ > кот. *tiʔś*, юг. *čiʔs*, кот. *šiš*, ар. *kes*, пумп. *kit*; ср. также ас. *šiš*.

[85] ПЕ *čaq- (*čoq-) ‘бежать’ > кет. *təq-tət* id., юг. *čattat* ‘бежать рысью’, кот. *čagant^hak* ‘бег’. В коттском č- вместо š- в результате перераспределения (ср. с. 158).

[86] ПЕ *čip (~ -b) ‘собака’ > кет. *tīp*, юг. *čip*, кот. *al-šip*, ар. *il-čap*, (АС) *il-čep*; ср. еще (АС) *pinb-il-šaba* ‘сука’, *ara-ul-šeb* ‘кобель’, а также ас. *al-šip*, *al-čip*. Пумп. *ci* ‘собака’, по всей видимости, к данному корню не относится, так как совершенно неясны причины отсутствия конечного губного.

⁶ В двух единственных примерах аринских сибилантно-аффрикатных рефлексов ПЕ *č представлены арийские варианты s, š, č; отсутствие звонких обозначений (z, ž, ž), встречающихся при написании аринских рефлексов *s (см. с. 159), скорее всего случайно (т. е. обусловлено малой выборкой материала).

⁷ Ср., однако, поведение *-č- в сочетании *-nč- (ар. -nč-; см. с. 176).

[87] ПЕ *beʔč ‘снег’ > кет. *beʔt*, юг. *beʔt* ‘снег (падающие хлопья)’, пумп. *beč* ‘снег’.

См. также ПЕ *č/e/m- ‘гусь’ [15] и др.

ПЕ	кет.	юг.	кот.	ар.	пумп.
15. *ž	d-, -d/-r-, -t	d̄-, -t̄	č-, -j-, -i	s-/š-, j	č-, -j/-d̄-, -?

В кетском *-d-* имеют диалекты Б, С, а *-r-* — К, Ю (при передних гласных и *-r̄-*). В аринском в анлауте засвидетельствованы обозначения *s, š, t*, т. е. те же, что и в случае рефлексов ПЕ **s, *č* (см. с. 159, 161); написания *č, z, ž* не отмечены (вероятно, опять-таки, как и в случае рефлексов ПЕ **č*, о которых уже говорилось, из-за малой выборки материала). В пумпокольском в инлауте встречены обозначения *-j-* и *-d̄-* (один раз *-d-*, но это в позиции перед *i*, и скорее всего и имелось в виду тоже *-d̄-*) — очевидно, варианты одной фонемы; ауслатные рефлексy не засвидетельствованы.

[88] ПЕ *žar₁ (~ **-l*) ‘мороз, холодный’ > кот. *čal* (‘Kälte, kalt’, ар. *soloŋa* ‘мороз, стужа’, (АС) *solma* (= /*solŋa*/) ‘мороз’, *šil-tu* ‘стужа, холодно’; ср. еще ас. *čala, čal-tu* ‘холодный’.

[89] ПЕ **-lžan(n)-* ‘плакать’ > юг. (Castr.) *d-īdā* ‘weinen’ (praet. *d-īrdā*, imp. *igdā*), кот. *d̄-āčēnaŋ* ‘weinen’ (praet. *al-āčēnaŋ*, imp. *al-čēn*), ар. *äšīnaŋ* ‘плачу’, (АС) *esende id.*, пумп. *čiin-du* ‘плачу’. В коттском и аринском здесь, несмотря на инлаутную позицию, наблюдаются рефлексy *č* (кот.), *s/š* (ар.), характерные для анлаута. Это объясняется выравниванием глагольной парадигмы (как и в случае со старым **s*; см. выше), причем образцом служат формы типа коттского императива *al-čēn*, где ПЕ **ž* оказывается в начале слога.

[90] ПЕ *žāq- ‘смеяться, смех’ > кет. С *da:вə*, Ю *дав*, юг. *dā:ʰx*, кот. *čake* ‘смех’, ар. *soja-keŋ* ‘смеюсь’, пумп. *jai-či-du* ‘смеюсь’. По поводу пумпокольской формы здесь верно то же замечание, что и по поводу аринских и коттских форм глагола ‘плакать’ (см. выше), т. е. *č* выступает в инлауте в результате парадигматических выравниваний, обычных для енисейского глагола.

[91] ПЕ *qəž- (~ **χ-*) ‘дать’ > кет. К, Ю *qar̄em*, Б, С *qad̄em*, юг. *xl̄d̄iŋ-fiť* ‘отдать’, ар. (АС) *koja-pelä* ‘даю’.

[92] ПЕ *x/ē/ža ‘соболь’ > кет. К *ε:ri*, Б, С *ε:də*, Ю *ε:ř*, юг. *ε:ʰt̄*, кот. (М., Сл., Кл.) *ija*, пумп. *hiju*; ср. также ас. *ija, ija*.

[93] ПЕ *χūža ‘щука’ > кет. К *qu:ri*, Б, С *qu:də*, Ю *qu:ř*, юг. *xu:ʰt̄*, кот. *hūja*, ар. *quj*, пумп. *kođū*; ср. также ас. *huja*.

[94] ПЕ *čīž- ‘корень’ > кет. К *ti:ri* (pl. *tīreŋ*), Б, С *ti:da* (pl. *tīdaŋ*), Ю *tir* (pl. *tīreŋ*), юг. *ti:ht* (pl. *tiđiŋ*), пумп. *keđiŋ*; ср. также ас. (АС) *i-čičan*.

В некоторых формах налицо дис- и ассимиляции: юг. *ti:ht* вместо *či:ht* (регулярная диссимиляция: в начальной позиции в югском невозможны *č-*, *đ-* при последующих *t*, *đ*), ас. *i-čičan* вместо *i-čijaŋ* (оглушение *čīž- > *čič-).

[95] ПЕ *žeʔŋ ‘люди’ > кет. *deʔŋ*, юг. *đeʔŋ*, кот. *čeäŋ*.

	ПЕ	кет.	юг.	кот.	ар.	пумп.
16.	*ń	ń	n	n	n	ń/n

ПЕ *ń, как и другие носовые сонанты, не встречался в начальной позиции. Палатальный характер *ń* сохраняет только в кетском и, вероятно, в пумпокольском (есть, правда, всего два примера рефлексации ПЕ *ń в пумпокольском, причем в одном случае записан *ń*, а в другом — *n*; нельзя даже судить о том, насколько данные рефлекссы обусловлены позицией, возможно, налицо лишь колебания в записи). В югском и коттском фонема *ń* отсутствует, однако в записях встречается написание *ń* в соседстве с гласными переднего ряда. Напротив, в кетском иногда перед передними гласными в записях обозначение палатализации *n* опускается.

[96] ПЕ *ʔ/ē/ńe ‘зять’ > кет. Ю *en*, С *ε:ne*, юг. *ε:hn*, кот. *ani*, *ańe*, ар. (АС) *b-ān* (букв. ‘мой зять’).

[97] ПЕ *kiń (~ *g-) ‘росомаха’ > кет. К *ku:ńe*, Ю *kiń*, Б, С *ku:na* (вместо *ku:ne?*), юг. *ku:hn*, пумп. *kin*.

[98] ПЕ *χāń ‘сажень’ > кет. *qāń*, юг. *xan*, кот. *hen*.

См. также ПЕ *dińe ‘ель’ [29] и др.

	ПЕ	кет.	юг.	кот.	ар.	пумп.
17.	*ř	í(l-)	l-, r	đ-, j-, -i	t-/d-, l	l

ПЕ *ř- довольно редкая фонема, особенно в анлауте.

В кетском обычный анлаутный рефлекс этой фонемы — *l*; твердый *l*- выступает при наличии в слове последующего заднеязычного согласного (*k*, *q*, но не *ŋ* или *ɣ*!) или долгого гласного в третьем тоне (стяжение из *-VQV-). Качество анлаутного аринского рефлекса этой фонемы не вполне ясно из-за того, что налицо всего один пример (‘губа’; см. [100]), в котором представлены разночтения *t*- и *d*- (*di*-); возможно, это просто фонема /t/ (непридыхательный *t*, для которого в инлауте

встречается и написание *d*; о рефлексах ПЕ **t* см. с. 151), но возможно и наличие здесь особой фонемы типа коттского *d̄*-; материала, однако, слишком мало для того, чтобы делать выводы.

[99] ПЕ **ʕs* ‘vulva’ > кет. *lōś*, юг. *los* ‘vulva’, пумп. *lat* ‘cunnus’. Как относится сюда кот. *đōš* ‘счастье’?

[100] ПЕ **ʕn* ‘губа’ > кет. *lōn*, юг. *lon*, кот. *đan*, ар. *e-tan*, *diana*; ср. также ас. (АС) *anag* ‘губы’ (имеется в виду, вероятно, форма типа **anaŋ*).

[101] ПЕ **huʕaŋ* ‘слюна, плевок’ > кет. *uləŋ*, юг. *urŋ*, кот. *hujuŋ*.

[102] ПЕ **suʕ-* ‘желтый’ > кет. (М., Сл.) *sulemam*, кот. *šui*, пумп. *tul-si*.

[103] ПЕ **t/o/ʕ-* ‘легкий, дешевый’ > кет. (Castr.) *tōl-git* ‘дешевый’, кот. *tʰui* ‘leicht, billig’, ар. (АС) *tütelä* (редуплицированная форма) ‘легко’.

[104] ПЕ **ʕiʕʕ* ‘гора’ > кет. *liʕt*, юг. *liʕt* ‘гора; горная гряда, поросшая лесом’, кот. *đi* (pl. *đian*) ‘Berg’; ср. также ас. *jii* ‘гора’.

[105] ПЕ **ʕəq-* ‘товар (пушнина)’ > кет. *l̄əq*, юг. *l̄əx*.

	ПЕ	кет.	юг.	кот.	ар.	пумп.
18.	*j	θ-, j-, -i	θ-, j-, -i	d̄-, j-, -i	θ-(/j-), j	d-(t-)/θ-, j

В аринском в анлауте рефлекс *j* наблюдается лишь в числительном *jus* ‘сто’ (см. [82]), возможно, под тюркским влиянием; в остальных случаях ПЕ **j*- > ар. θ-. В пумпокольском нормальный анлаутный рефлекс — *d*- (в одном случае записано *t*-; вероятно, просто неточная запись), однако при наличии в слове последующего дентального согласного ПЕ **j*- > пумп. θ-.

[106] ПЕ **jeŋ* / **jəŋ* ‘икра, яйцо’ > кет. *əŋ-diś* ‘икринка’, *əŋ-niŋ* ‘икра’, *eŋ* ‘яйца’ (pl.)⁸, юг. *əŋ-diś* ‘икринка’, *əŋ-niŋ* ‘икра’, *eŋ* (pl. *eŋəŋ*) ‘яйцо’, кот. (М., Кл.) *danan* ‘икра’, ар. *ijnin* ‘икра’ (имеется, очевидно, в виду форма типа **inŋin* / **inŋin* = кет. *əŋniŋ*), *aŋ* ‘яйцо’, (АС) *agen* ‘яйца’ (< **aŋ-eŋ*), пумп. *taŋaŋ* ‘яйцо’ (= кет. *əŋniŋ* ‘икра’); ср. также ас. *anaŋ*, *äni* ‘икра’. Корни ‘икра’ и ‘яйцо’ в енисейских языках трудно разделить (хотя можно предполагать различия в вокализме).

[107] ПЕ **jūta* ‘мышь’ > кет. Ю *ut*, К *u:ti*, Б, С *u:tə*, юг. *u:ht*, кот. *đūta*, пумп. *ute*; ср. также ас. *juda*.

[108] ПЕ **ʕej-* ‘сосна’ > кет. *ēj*, юг. *ej*, кот. *ei*, ар. *aja*; ср. также ас. *ej*.

[109] ПЕ **ʕej* ‘язык’ > кет. *ēj*, юг. *ej* ‘язык’, кот. *ei* (pl. *ējaŋ*) ‘Stimme, Laut’, пумп. *aj* ‘язык’.

[110] ПЕ **hejaŋ* ‘ехать’ > кет. *ējeŋ*, юг. *ejŋ*, кот. *hejaŋ*.

⁸ Форма кет. *εʕj* ‘яйцо’, судя по внешним данным, — результат вторичного переосмысления согласного -ŋ как аффикса мн. ч.

См. также ПЕ *jāpe ‘лист’ [7], *jus ‘сто’ [82].

	ПЕ	кет.	юг.	кот.	ар.	пумп.
19.	*í	í	í	ǰ-, l	ʔ-, r/l	ʔ-, l

Анлаутный *í — очень редкая фонема (имеется лишь несколько кетско-югских параллелей и одна не вполне надежная югско-коттская; см. ниже). На другие позиции примеров больше. Как и в случае с рефлексом ПЕ *l (см. с. 153), причины колебания r/l в аринском пока неясны.

[111] ПЕ *íon- (~ -ɔ-) ‘мять’ > кет. *íon-dən*, юг. *íon-dən*.

[112] ПЕ *ía(?)- ‘крепкий, укреплять’ > юг. *íān* ‘крепкий, прочный’, кот. *daʔ-ut* ‘закрепление’, *doʔ-ūtən* ‘vermachen, befestigen’.

[113] ПЕ *kuíe(p)- ‘борода’ > кет. С *kūíe*, Ю *kūí*, юг. *kūí*, кот. *hulur*, ар. *korolep*, (АС) *korürub*, пумп. *xlep-uk*; ср. также ас. *xulür*, *xlur*, *xulur*.

[114] ПЕ *dale ‘ива’ > кет. К *dál-okś*, Б, С, Ю *dál-yit*, юг. *dāl-git*, кот. *tīli* ‘Weidengebüsch’, ар. (АС) *tal-set* ‘ива’.

[115] ПЕ *piʔil ‘кишка’ > кет. *hi:í*, юг. *fi:í* ‘кишка’, ? ар. *phor-ga* ‘брюхо’ (об этимологии данного аринского слова см. [Хелимский 1982: 248]).

[116] ПЕ *tūl ‘кишка (тонкая)’ > кет. К *tu:li*, Б, С *tu:lā*, Ю *tuí*, юг. *tu:hí*, кот. *tʰutul* (редупликация) ‘Darm’, ар. *šodoron*, (АС) *šin-trun* ‘внутренность, кишка’ (в первой части сложения, вероятно, ПЕ *seŋ ‘печень’).

	ПЕ	кет.	юг.	кот.	ар.	пумп.
20.	*k	k, -ɣ-	k, -g-	-k-/-g-, -g/-x	k-/q/-x-,	k/-x-, -θ-/j-, -t/-č
					-g-/j-/θ-, -θ (/j)	

В коттском, как это видно по многочисленным вариантам записи, в интервокальной позиции -k- и -g- находятся в свободном варьировании; в конечной позиции свободно варьировуют в записях -g и -x. В аринском в анлауте встречаются варианты k-, x- и q- (первые два свидетельствуют, очевидно, об аспирированном характере аринского /kʰ/ < ПЕ *k-; наличие варианта q- говорит только о плохом различении записывавшими на слух велярных и увулярных согласных). В инлауте попадаются записи -g-, -j- либо отсутствие согласного, что говорит, вероятно, о рефлексации типа *k- > -ɣ- (/θ-) (в одном случае — см. ПЕ *pak- — в АС записано -k-).

В ауслауте аринский имеет рефлекс -θ или -j; более точно его установить нельзя, поскольку единственное слово с *k-, зафиксированное в

аринском, — *cīk ‘змея’, ‘рыба’ > ар. *il-ti*: данная запись может отражать как *-ti*, так и *-tij*. В пумпокольском в анлауте засвидетельствованы рефлексy k- или x- (очевидно, это варианты фонемы типа /kʰ/); в инлауте — -∅- либо -j-, вероятно, в зависимости от соседних гласных (при задних -∅-, при передних -j-), хотя окончательный вывод сделать трудно из-за недостатка материала. Наконец, из двух примеров на ауслуутный *k пумпокольский в одном случае имеет -t, а в другом -č; распределение пока неясно.

[117] ПЕ *k^hab- ‘поле’ > кет. *ɔ-yur*, кот. *hīp-ēg, hīp-ēx*, ар. *kaba, qabi, qiabi*.

[118] ПЕ *ken- ‘плечо’ > кет. *ken-tə-bul* ‘плечевой сустав’, кот. *hēnar* ‘плечо’, ар. *qinaŋ, xinaŋ*, (АС) *xin* ‘плечо, рука (brachium)’.

[119] ПЕ *keʔt ‘человек’ > кет. *keʔt*, юг. *keʔt*, кот. *het, hit*, ар. *kit, qit*, пумп. *kit*; ср. также ас. *hit*.

[120] ПЕ *qäka ‘пять’ > кет. attr. *qāk*, pred. *qayən*, юг. attr. *xak*, кот. *xēgä, kʰēgä*, ар. *qaga; qala, xala, kala* (< *qäka-la), пумп. *xej-laŋ*. Кет. pred. одуш. *qāŋ*, а также юг. pred. *xaje, xajeŋ* восходят к другой основе, типа *qäj-.

[121] ПЕ *sika ‘четыре’ > кет. attr. *šik*, pred. *šiyəm*, юг. attr. *sik*, кот. *šēgä*, ар. *šaga, šaja*, пумп. *cia-ŋ*. Кет. pred. одуш. *šīŋ*, а также юг. pred. *sije, sijeŋ* восходят к другой основе, типа *sij-.

[122] ПЕ *täk- ‘болото’ > кет. *taɣ-ɔ*, кот. *ol-tēg, ol-tēx*; ср. еще ас. *ol-tegan* ‘озеро’.

[123] ПЕ *čike ‘лебедь’ > кет. *tīyɔ*, юг. *čik*, кот. *šigi*.

[124] ПЕ *boʔk ‘огонь’ > кет. *boʔk*, юг. *boʔk*, пумп. *buč*.

[125] ПЕ *ʔok ‘стерлядь’ > кет. *ōk*, юг. *ok*, пумп. *ot*.

[126] ПЕ *pak- ‘резать’ > кет. *hayej*, юг. *fagej*, ар. (АС) *it-päkuju* ‘режу’.

См. также ПЕ *kuíe(p)- ‘борода’ [113], *täk- / *täk-am- ‘белый’ [24], *c/i/k ‘змея, рыба’ [60] и др.

	ПЕ	кет.	юг.	кот.	ар.	пумп.
21.	*g	k, -g/-ŋ	k, -g-	k-, -k/-g-	k, -g-	ʔ-, -k/-g-

В ауслуте ПЕ *g не засвидетельствован. В югском рефлексy данной фонемы не отличаются от рефлексов *k, а в кетском отличаются только в инлауте (*-g- > -g-, а *-k- > *-x- > -ɣ-). В коттском, напротив, *k и *g различаются лишь в анлауте (*k- > *kʰ > h-, а *g- > k-). Для аринского и пумпокольского существенным является ненулевой инлаутный рефлекс данной фонемы (в отличие от рефлексов *-k-; см. с. 165); характерно в аринском также отсутствие записей типа x- или q- в анлауте слов с ПЕ *g- (налицо только k-); это говорит, очевидно, о неаспирированном характере указанной фонемы. В кетском -ŋ-

наблюдается при наличии в слове последующего носового (ассимилятивный процесс).

[127] ПЕ *gar ‘vulva’ > кот. *kar* ‘weibl. Geschlechtsglied’, ар. *ken* ‘cunpus’ (форма мн. ч. < *ker(л)н).

[128] ПЕ *gəʔt ‘дети’ > кет., юг. *klʔt*, кот. *kat*.

[129] ПЕ *təga ‘грудь’ > кет. *tlga*, юг. *tlga*, пумп. *tike*.

[130] ПЕ *suga ‘назад’ > кет. *śuga*, юг. *sugej*, кот. *šūka*, пумп. *tuk*; сюда же, видимо, относится (с метатезой) ар. *ogoš* ‘назад’ (ср. сходную метатезу в кетской и югской параллельных формах: кет. *uška*, юг. *uskej* — с вторичным оглушением *g > k* после *s*).

[131] ПЕ *kʌg- (~ x-) ‘сова, ястреб’ > кот. *hikei-še* ‘сова’, ар. (АС) *kak* ‘ястреб’, пумп. *xaḡam-kolka* ‘сова’.

[132] ПЕ *həḡane ‘жердь чума’ > кет. *лһн*, юг. *лһни* ‘внутренняя жердь чума’, кот. *haḡini* ‘Zeltstange’.

[133] ПЕ *pʌg- ‘рука’ > кет. *һлһн*, ар. *ḡiaga* ‘рука (manus)’ (АС *и-рега*).

См. также ПЕ *ḡiʔd ‘жир’ [32] и др.

	ПЕ	кет.	юг.	кот.	ар.	пумп.
22.	*η	η	η	η/п	η/g	η

ПЕ *η, как и другие носовые сонанты, не встречается в анлаутной позиции. В коттском *п* налицо при последующем η (диссимиляция); в той же позиции в аринском появляется *g*. В АС при изображении аринского η наблюдается разнобой: в основном попадают записи *п*, *т*, но встречается и отсутствие нотации (в длинных словах).

[134] ПЕ *baʔη ‘земля’ > кет., юг. *baʔη*, кот. *paη*, ар. *peη*, (АС) *pet*, пумп. *biη*.

[135] ПЕ *xaη ‘нос’ > кот. *aη*, пумп. *haη*.

[136] ПЕ *ʔāη (~ *x-) ‘веревка’ > кет. К, Б *a:ηə*, Ю *aη*, юг. *a:ʰη*, кот. *anaη* ‘Riemen’ (< *aη-an).

[137] ПЕ *χōη ‘день, днем’ > кет. Ю *qoη*, С *qo:ηə*, юг. *xo:ʰη* ‘днем’, кот. *hōnaη* (< *hōη-an) ‘unlängst, neulich’, пумп. *xaη-ga-cedin* ‘день’.

[138] ПЕ *paʔη ‘сеть’ > кет. *һлʔη*, юг. *flʔη*, кот. *fuη*, ар. (АС) *pen* (= *peη*).

См. также ПЕ *cəηe ‘волосы’ [57] и др.

	ПЕ	кет.	юг.	кот.	ар.	пумп.
23.	*x	∅-, -γ(-g-)	∅-, -g-, -k	∅-, -j-/∅-, -i	∅-/k-, ∅	∅-/h-, ?

В аринском *k-* перед ПЕ гласными *i, *u; ∅- — в остальных случаях. В пумпокольском ∅- перед ПЕ *u; h — в остальных случаях.

Данная фонема дает в анлауте в кетском и югском те же рефлекс, что и **h* (см. с. 175), а в аринском перед **i*, **u* — тот же рефлекс, что **g* (см. с. 166); в инлауте, напротив, кетский, югский и аринский имеют те же рефлекс, что и **k* (см. с. 165), а коттский — нулевой (глайдовый) рефлекс. Все это может указывать, по нашему мнению, лишь на возможность реконструкции спираанта **x* (обоснование развития по языкам см. с. 179–193). В кетском *-g-* наблюдается в единственном случае при последующем *-d-* (начальный элемент суффикса), см. ПЕ **?ux-*; в остальных случаях имеем *-γ-*. В аринском характерно наличие только написания *k-* (как и в случае с рефлексом ПЕ **g-*), что говорит о неаспирированном характере данной фонемы.

[139] ПЕ **xūsa* ‘береза’ > кет. С *u:śa*, Ю *uś*, юг. *u:hs*, кот. *ūca*, ар. *kus*, пумп. *uta*.

[140] ПЕ **xīže* ‘весна’ > кет. Б, С *i:da*, К *i:ri*, юг. *i:ht* (pl. *idēŋ*), кот. *īji*, ар. (АС) *kej*.

[141] ПЕ **xina* ‘два’ > кет. *in*, юг. *in*, кот. *ina*, ар. *kina*, пумп. *hinean*; ср. также ас. *ineje*, *ina*, кам. *inä*, койб. *ina*.

[142] ПЕ **xime* ‘журавль’ > ас. (АС) *imi*, ар. (АС) *kem*.

[143] ПЕ **xire* ‘рука, локоть’ > кет. С *i:li*, Ю *i:l* ‘рука’, ар. (АС) *karampat* ‘локоть’; ср. еще (АС) *koro-nun* ‘рукавицы’.

[144] ПЕ **xus-* ‘спать’ > кет. *ušen*, юг. *usan* ‘спать’, кот. *uśa* ‘сон’, *uśākŋ* ‘спать’, ар. *kus* ‘спать’, пумп. *utu* ‘спать’.

[145] ПЕ **xus-* (*/*xi?us-*) ‘теплый’ > кет. *ūs* / *u:ś*, юг. *ūs* / *u:s* ‘теплый’, ар. *kuši* ‘жаркий’, (АС) *kuze-tū* ‘тепло’, пумп. *utti-čidin* ‘жаркий’.

[146] ПЕ **xiGa* ‘солнце’ > кет. *i*, юг. *i*, кот. *ēga*, ар. *ega*, *eja*, пумп. *hixet*.

[147] ПЕ **-рлх-* ‘чистить’ > юг. *fɔgət*, кот. *ō-pajaŋ*.

[148] ПЕ **pixe* ‘мужчина’ > кет. С *hīyə*, Ю *hīy*, юг. *fik* (pl. *figin*), кот. *fī* (= *fii*), ар. (АС) *pa-nalikip*. В аринском налицо сложение собственно корня *pa-* с не вполне ясным вторым компонентом (может быть, *pa-nali-kip*; ср. ар. (АС) *kem-elā* ‘женщина’ с корнем *kem-* (возможно < **kem-nelā*), а также ас. АС *pīj-al* ‘мужчина’; *-kip*, возможно = *kib* в ар. *be-kib* ‘дед’ (букв. ‘мой дед’)).

[149] ПЕ **(h)uxl-* ‘кричать’ > кет. С *d-ūyə*, Ю *dūy* ‘кричать’, кот. *hujei* ‘крик’, *hujej-ākŋ* ‘кричать’.

[150] ПЕ **?ux-* ‘длинный’ > кет., юг. *ug-də* ‘длинный’ (также Castr. юг. *ug-si*), кот. *ui* ‘длинный’, ‘долго’; ар. (АС) *u-ta* ‘долго’ (*-ta* — наречный суффикс; ср. *pa-ta* ‘далеко’ и др.).

См. также ПЕ **x/ē/žə* ‘соболь’ [92], **tuxlŋ* ‘гребень’ [23] и др.

	ПЕ	кет.	юг.	кот.	ар.	пумп.
24.	*q	q, -ʁ/-θ-	x, -x/-q	x-/k ^h -, -k/-g-, -k/-g/-x	k-/q-, ∅ (u, j)	k/x, -k

В кетском процесс выпадения интервокального *-ʁ-* (< *χ- < *q-) начался относительно недавно: в записях М. А. Кастрена регулярно фигурирует *-ʁ-* (реже *-g-*) в большинстве случаев, где сейчас налицо *-θ-*. В современном кетском языке *-ʁ-* всегда сохраняется в открытом слове (в диалектах, где конечный гласный отпадает, в таких случаях налицо *-ʁ-* в ауслушной позиции). В закрытом слове *-ʁ-* сохраняется в диалектах К, Ю, но пропадает в Б, С. В последнем типе примеров возможны парадигматические выравнивания.

В югском в ауслушной позиции *-x* и *-q* находятся в свободном варьировании при втором тоне (глоттализированном); в остальных случаях имеется только *-x*.

В коттском рефлексы данной фонемы обнаруживают большое количество свободных вариантов; в анлауте *x-/k^h-* (ср. *f-/p^h-* < ПЕ *p-), в инлауте *-k/-g-*, а в ауслауте *-k/-g/-x*. Последние две позиции демонстрируют те же варианты, что и при рефлексации ПЕ *k (а также *g), что говорит о совпадении в коттском рефлексов ПЕ неначальных *k, *g, *q и *G, а в конечной позиции и *χ (см. с. 171, 173).

В аринском ПЕ *q ведет себя очень похоже на *k: в анлауте налицо написания *k-*, *x-*, *q-*, в других позициях — ∅ или *j*. Есть, однако, и некоторые отличия: 1) в анлауте попадает обозначение *h-*, не засвидетельствованное при рефлексах ПЕ *k, и, напротив, отсутствуют написания *k̄*, *q̄*, встречающиеся при рефлексах ПЕ *k; 2) в инлауте зафиксирован способ заполнения зияния через *-u-* ~ *-v-* ('белка'), не отмеченный при рефлексах ПЕ *k-, и, наоборот, отсутствует написание *-g-*, встречающееся при рефлексах ПЕ *k-. Ввиду недостатка материала и плохого качества записей пока неясно, насколько существенны эти различия. В ауслушной позиции аринский обнаруживает рефлексы *-∅* (*oo* 'лес') либо *-j* (*il-koj* 'звезда'), совпадающие с рефлексами ПЕ *k (→ ар. *-∅/-j*). Отметим также, что в АС встречается написание *-k* в ауслушной позиции (*il-xok* 'звезда'), а также перед последующим согласным *-t-* (*-iktu* 'хороший').

Пумпокольский отражает ПЕ *q так же, как *k в анлауте (написания *k-/x-*), но имеет другие рефлексы в ин- и ауслауте, как будто бы говорящие о единообразном отражении ПЕ *q в пумпокольском как /k^h/ (в инлауте *-k/-x-*, в ауслауте *-k*). Единственный случай нулевого рефлекса в пумпокольском — это *jai-č̄i-du* 'смеяться', т. е. в позиции перед *-d-* (возможно, что это просто ошибочная запись формы типа **jai-č̄ig-du*).

[151] ПЕ *qāʔj ‘гора (лесистая)’ > кет. *qaʔj*, юг. *xaʔj*, кот. *xē-*, *kʰē-* в *xē-lēx*, *kʰē-lēg* ‘Bergrücken’, ар. *ena-haj* ‘лес’ (в первой части, вероятно, форма мн. ч. от *aja* ‘сосна’; ср. кет. *εʔní*, юг. *εʔn*, кот. *en*), пумп. *koppoŋ* ‘гора’ (форма мн. ч.; ср. кет. *qaŋŋeŋ*, юг. *xaŋŋeŋ*).

[152] ПЕ *qaj- ‘сухой’ > кет. Ю *tɔ-vai-ŋ*, С *tōji-ŋ* (Castr. *tovaŋeŋ*), юг. *tɔ-xoiŋ* / *tɔ-xai-ŋ*, кот. (М., Сл., Кл.) *xuj-ga*, ар. *qoija*, пумп. *ič-koj-ŋa*; ср. также ас. (М., Сл., Кл.) *xuj-ga*, (Кл.) *huj-tu*.

[153] ПЕ *qɔ- ‘умирать, смерть’ > кет. Б, С *qɔ-deŋ*, К, Ю *qɔ-řeŋ*, юг. *xɔ-dəŋ*, кот. *xa*, *kʰa* ‘Tod’, *on-xa*, *on-ka* ‘tot’, *da-xajaŋ* ‘sterben’, ар. *in-qo* ‘мертвый’, (АС) *in-ko-to* ‘смерть’, пумп. *ka-donđu* ‘мертвый’.

[154] ПЕ *qä(?)G ‘слово’ > кет. *qaʔ* (pl. *qa:n*), юг. *xā* (pl. *xa:n*), кот. *xēg*, *kʰēg* (pl. *xēgan*).

[155] ПЕ *ʔagan (~ h-, x-) ‘варить’ > кет. *ʔn* / *l:n* (Castr. *əagan* ‘gekocht’), юг. *lxan*, кот. *auganaŋ* ‘kochen’.

[156] ПЕ *ʔaqe ‘ветвь’ > кет. Ю *ʔv*, С *ʔvə* (pl. *l:n* / *lvín*), юг. *ʔx* (pl. *lxín*), кот. *oge*, *ōge*, *ōke* ‘Zweig’, пумп. *keđiŋ jaxi* ‘сук’ (*keđiŋ* ‘корень’).

[157] ПЕ *təq- ‘глина, грязь’ > кет. *tuyit* (< *tʔv-kít) ‘мазать (глиной)’ (ср. еще кет. (Кл.) *tagar* ‘глина’), юг. *tʔx* ‘глина’ (*tix-keʔ* ‘мазать глиной’), кот. *tʰagar* ‘Schmutz’ (ср. ас. (АС) *tagar* ‘глина’), *tʰagan*, *tʰakan* ‘Sand’, ар. (АС) *tanen* (форма мн. ч.) ‘песок’.

[158] ПЕ *pōqe ‘глубокий’ > кет. Ю *hɔv* / *hɔiv*, К *hɔvi*, юг. *fɔ:hx*, кот. *fōge*, *pʰōge*.

[159] ПЕ *xaʔq ‘деревья, древесина’ > кет. *aʔq*, юг. *aʔx*, *aʔq* ‘деревья, дрова’, кот. *āx*, *ag* (pl. *āgan*) ‘Wald’, ар. (АС) *oo* ‘дрова’, пумп. *hoxon* ‘дерево, лес’.

[160] ПЕ *qōqa (~ x-) ‘звезда’ > кет. Ю *qɔv* (неясна К, С форма *qɔʔ*) (pl. *qɔ:n*), юг. *xɔ:hx* (pl. *xɔxín*), кот. *alaga*, *alak*, *alax* (< *alxaga), ар. *il-koj*, (АС) *il-xok*, пумп. *kaken*.

[161] ПЕ *kəqan ‘лисица’ > кет. *kl:n* (Castr. *kəavan*), юг. *klxín*, кот. *agan* (< *kakan с устранением последовательности двух велярных).

[162] ПЕ *bɔq- ‘рукавица’ > кет. С *bōq* (pl. *bɔ:n*), К *bɔxɔn*, юг. *bɔxɔn*, кот. *ragan*.

[163] ПЕ *tɔq ‘вид утки’ > кет. С *tɔ:və*, Ю *tɔv* (pl. *tōvín*), юг. *tɔ:hx* (pl. *tɔxín*) ‘гоголь (разновидность утки)’, кот. *al-tʰax* (pl. *al-tʰagan*) ‘Quakerente (Anas clangula)’.

[164] ПЕ *haq- ‘хороший’ > кет. *aq-ta*, юг. *ax-ta*, кот. *haq-ši*, ар. (АС) *bergar-iktu* ‘добр, хорош’ (*berga(r)-* ‘большой, очень’) и др.

См. также ПЕ *qlqlr* ‘желчь, горький’ [43] > кет. *ql:l* ‘желчь’, *qōliŋ* ‘горький’ (Castr. *qēgeŋaŋ*), юг. *xlxul* ‘желчь’, *xlxíŋaŋ* ‘горький’, кот. *ogar* ‘Galle’ (по регулярному коттскому правилу об устранении редупликации

заднеязычных согласных < **qoqar*), пумп. *leo-xoxar* ‘пузырь’ (очевидно, желчный).

Ср. еще ПЕ **qāka* ‘пять’ [120]; **saʔqa* ‘белка’ [70]; **žāql-* ‘смеяться’ [90] и др.

	ПЕ	кет.	юг.	кот.	ар.	пумп.
25.	*G	q, Ø	x-, Ø	k-, -k-/-g-, -k/-g/-x	k-/q-, -Ø-(u, j) / -g-, -Ø- ~ -j-, -u	x-, -k-(-g-) /-x-/-Ø-, -Ø

В анлауте ПЕ *G- встречается исключительно редко (все имеющиеся примеры см. ниже). В других позициях, однако, это достаточно частая фонема. В кетском *-G- выпадает; при этом последовательность *-VGV переходит в -V:- с третьим тоном (в записях М. А. Кастрена в таких случаях обычно налицо долгий гласный, реже попадаетея -k-). В югском также представлен нулевой рефлекс, а при стяжении — долгий гласный с третьим (или четвертым) тоном; записи -k- для югского у Кастрена не засвидетельствовано, что, вероятно, отражает различия в артикуляции тонов между кетским и югским. Коттский имеет здесь те же рефлексы, что и в случае ПЕ *g (см. с. 166). Аринский отражает данную фонему так же, как *k и *q. При этом, если судить по имеющимся написаниям, рефлексация *G ближе к *k, чем к *q (есть палатализованные написания *k̄, q̄*, встречается инлаутный рефлекс -g-)⁹; однако попадаетея и инлаутная рефлексация -u- ~ -v-, отсутствующая в примерах с ПЕ *k (но существующая в случае с ПЕ *q).

Как и в случае с ПЕ *q, в АС один раз зафиксирован ауслаутный рефлекс -k (при обычном нулевом рефлексе) — ПЕ **deʔG*. Все это говорит о том, что на самом деле рефлексы ПЕ *k, *q и *G (но не *g!) в аринском одинаковы (в анлауте звук типа /k^h/-, в инлауте — типа -/ɣ/-), а отмеченные различия в написаниях объясняются просто малой выборкой материала. В ауслауте аринский также имеет те же рефлексы, что и в случае с ПЕ *-k и *-q, но здесь добавляется еще и -u (для *-k и *-q зафиксированы только примеры рефлексации в виде -j), что тоже вряд ли является существенным. В пумпокольском в инлауте встречаются написания -k-/-x-/-g-/-Ø-, вероятно свидетельствующие о наличии здесь звука типа /ɣ/; в ауслауте — регулярный нулевой рефлекс.

[165] ПЕ *G*l̄ja* ‘дось’> кет. К *qa:ji*, Б, С *qa:jə*, Ю *qaj*, юг. *xa:hj*, кот. *kōja*, ар. *o-kä-ši*, *o-ǰaj-ši*, пумп. *xaju*; ср. также ас. *koja* ‘олень (rangifer)’. Не исключено, однако, альтернативное сравнение кетских, югской, аринской,

⁹ В одном случае («голова») в АС налицо написание -k-.

пумпокольской форм и кот. *huj* 'Hirsch', ас. *huj* 'олень (cervus)' с возможной реконструкцией ПЕ **χlj*.

[166] ПЕ **G/ūlj* 'пустой' > кет. К *qu:ji*, Б, С *qu:jə*, Ю *quj*, юг. *xu:hj*, кот. *koi*. И в этом случае возможно альтернативное привлечение к кетскому и югскому материалу кот. *hui* 'пустой', что дало бы ПЕ реконструкцию **χij*.

[167] ПЕ **Gɔ/G/ant-* 'голод' > кет. *qɔ:t* (Castr. *qovat*), юг. *xəxat*, кот. *kajante* 'голод', ар. *qogət* 'голодный', (АС) *kogodinko* 'голод'. Сложный случай. Кетская и югская формы скорее отражают здесь ПЕ форму типа **qoqante*; такую же форму в принципе может отражать и ар. *qogət*¹⁰. Сложности связаны с коттской формой *kajante* (ср. также ас. *kajauinan*, *kajajnan* 'голодный'). Указанная форма либо передает нерегулярный ПЕ вариант **Goχante* (с инлаутным рефлексом **-χ-* > *-∅-* (*-j-*)), либо представляет собой все же рефлекс **GoGante* > кот. **kogante* > *kojante* со специфическим устранением в коттском последовательности двух велярных в начале слова (обычно такая последовательность устраняется за счет утраты первого согласного). Не вполне ясно отношение сюда пумпокольского *xaldi-din* 'голодный' (неточная запись вместо **xagdidin*?)

Три приведенных примера исчерпывают все возможности реконструкции ПЕ **G-* в анлауте; проблематичность их ставит вообще под сомнение правомерность реконструкции данной фонемы в начальной позиции.

Примеры на **G* в других позициях:

[168] ПЕ **?oG-* 'луг' > кет. *u:*, юг. *o:* / *ou*, кот. *ōx* (pl. *ōgan*) 'Wiese', ар. *jujuŋ* 'трава' (с не вполне ясным начальным *j-*).

[169] ПЕ **səG-* 'тяжелый' > кет. *śl:* (Castr. *śoava*), юг. *sv:* / *svu*, кот. *śik-ŋ*, ар. (АС) *šoga* 'тяжело'; ср. также ас. (АС) *šiuoga* 'тяжело'.

[170] ПЕ **puGaz* 'хвост' > кет. *hu:t* (pl. Б, С *hūdəŋ*, К *hūrīŋ*), юг. *fu:t* (pl. *fūdīŋ*), кот. *fugai*, *p^hugai*, *fukai*, ар. *p^hugaj*, (АС) *is-bugej*; ср. также ас. *pugaj*.

[171] ПЕ **xi(?)G* 'день' > кет. *i?*, юг. *i:^h* / *i:*, кот. *ig*, *ix*, ар. *ji*, пумп. *ha*; ср. также ас. *i*, *ī*.

[172] ПЕ **χGa* 'десять' > кет. *qō*, юг. *xo*, кот. *hāga*, ар. *hioga*, *qoa*, (АС) *kova*, пумп. *xajəŋ*.

[173] ПЕ **siG-* 'есть' > кет. (Castr.) *śī*, юг. (Castr.) *sī* 'essen', кот. *šig* 'Speise', ар. *ša-n*, *šau* 'есть', пумп. *sogo id*.

[174] ПЕ **?iG* 'имя' > кет. *ī*, юг. *ī*, кот. *ix*, пумп. *ī*.

¹⁰ Это, кстати, говорило бы о возможности рефлексации ПЕ **q* как *q̄-*, *-g-* в аринском и подтверждало бы тезис о совпадении в этом языке рефлексов ПЕ **k*, **q* и **G* (см. выше).

[175] ПЕ **siG* ‘ночь’ > кет. *śī*, юг. *si*, кот. *šīg*, *šīx*, ар. *saj*, пумп. *teč* (редупликация < **sis?* или сложение **tl* ‘ночь’ + *eč* ‘небо, бог’?).

[176] ПЕ **de?G* ‘озеро’ > кет. *de?*, юг. *de?*, кот. *ūr-tēg*, *ūr-tēx* (*ūr-* ‘влага’), ар. *kur-tu*, (АС) *kur-tūk* (*kur* ‘влага’), пумп. *danniŋ* (форма мн. ч.).

[177] ПЕ **tə?G* ‘окунь’ > кет. *tl?*, юг. *tl?* / *tʷi*, пумп. *tou*; ср. также ас. *tuga*, (АС) *tugan* ‘окунь’.

См. также ПЕ **s/i/Ga* ‘год’ [71]; **saGar* ‘ночевать’ [67]; **ci?G-* ‘голова’ [59]; **puGam-* ‘мягкий’ [2] и др.

	ПЕ	кет.	юг.	кот.	ар.	пумп.
26.	*χ	q-, -θ-, -k	x-, -θ-, -k	h-, -θ/-ʔ/-j-, -k/-g/-x	k ^(h) /-q-, -g/-θ/-j-, -θ (-j, -u)	k-/x-, -g/-k-, -k/-g

В кетском в анлауте данная фонема, как и остальные увулярные, дает *q-*; югский имеет здесь *x-*, что равным образом совпадает с рефлексом других увулярных согласных. Такие же рефлексy, как у **q* и **G*, представлены в аринском и пумпокольском. Однако коттский показывает в этом ряду соответствий *h-* (в отличие от **q-* > *k^h-* и **G-* > *k-*).

В инлауте кетский, югский и аринский показывают те же рефлексy, что и в случае с ПЕ **-G-* (см. с. 171); опять-таки отклоняется коттский, имеющий здесь стабильно нулевой рефлекс (либо, что то же самое, гортанную смычку¹¹).

В ауслауте коттский, кетский и аринский отражают данную фонему как если бы это было ПЕ **-k* (см. с. 165). Отличить ее от **-k* позволяет пумпокольский, отражающий ПЕ *χ (во всех позициях) так же, как ПЕ **q* (см. с. 169) (наличие здесь пумпокольских записей *-g-*, *-g* при том, что для **q* таких рефлексов не засвидетельствовано, вряд ли является существенным; скорее всего запись *g* отсутствует в пумпокольских формах, отражающих ПЕ **-q-*, **-q*, по случайности — из-за малого объема материала).

Сложность рефлексации ПЕ *χ по языкам объясняется общим процессом распада старой системы спирантов. Подробности о развитии *χ в каждом из языков см. с. 179–193.

[178] ПЕ *χ*i*χ ‘дорога’ > кет. *qīk*, юг. *xīk* (pl. *xīniŋ*), кот. *hek* (pl. *hajaŋ*).

[179] ПЕ *χ*u*χ ‘дыра’ > кет. *qūk*, юг. *xuk* (pl. *xu:n*), кот. *huk* (pl. *hūnaŋ*). Тот же элемент налицо в сложении **dam-χuχ* ‘окно’ (> юг. (Castr.)

¹¹ В двух случаях (ПЕ **t/i/χa* и ПЕ **täχar*) у М. А. Кастрена налицо параллельные записи *-ʔ-* и *-g-*; *-g-* здесь, очевидно, также использовано для записи *-ʔ-*. Аналогичные варианты записи *-ʔ-* встречаются и в кетских материалах Кастрена.

*xamgok*¹², кет. (М., Сл.) *dömbok* (= *dʷmttok*), кот. *tamuk*, pl. *tamūnaŋ*, ар. *tim-quj*, (АС) *tim-kuj*, пумп. *dam-kuk*).

[180] ПЕ *χʷt ‘жечь, огонь’ > юг. *xɔtn* ‘жечь’, кот. *hat*, ар. *kōt*, *qot* ‘огонь’.

[181] ПЕ *χije ‘князь’ > кет. *qīj*, кот. *hīji*, ар. *bik^hej* ‘господин’ (букв. ‘мой господин’), (АС) *kej* ‘начальник, власть’.

[182] ПЕ *χiʔʒ ‘лук (оружие)’ > кет. *qiʔt*, юг. *qiʔt̄*, кот. *hī*, ар. *qoj*, (АС) *koi*, пумп. *kaj*.

[183] ПЕ *iχ(л) ‘самец’ > кет. *ī* ‘бык-олень’ (< *iχ(л)), юг. *iʔk* ‘самец, бык-хорь’ (< *iχ с неясным источником второго тона), кот. *ig* ‘Männchen’, ар. *au* ‘самец’.

[184] ПЕ *tiχ ‘снег’ > кет. *tīk*, юг. *tik*, кот. *t^hīk*, ар. *tē*, *te*, пумп. (Срсл., Кл.) *tig*. Если пумпокольская форма является на самом деле югской (что не исключено ввиду наличия ее только в Срсл. и Кл., но не у М.), то в ПЕ возможна и реконструкция *tik.

[185] ПЕ *t/i/χa ‘корова’ > кот. *t^hiʔä*, *t^higä*, ар. *tūja* ‘корова’; ср. также ас. *tig*, *tik* ‘корова’.

[186] ПЕ *ʔaχ- ‘шесть’ > кет. *a*: / *ā*, юг. *ā* / *a^h* (ср. еще Castr. запись *agam*), ар. *ögga*, *iga*, (АС) *ege*, пумп. *aggian*.

[187] ПЕ *ʔeχ ‘железо’ > кет. *ē* (ср. еще М. запись *eg*), юг. *e* / *ej*, пумп. *ag*.

См. также ПЕ *χusa ‘один’ [80]; *tāχar ‘выдра’ [46]; *t/i/χ- ‘лодка, суд’ [25]; *duʔχ(л) ‘дым’ [30] и др.

27. ПЕ *ʔ

В анлауте данная фонема автоматична: можно считать, что в ПЕ она открывала каждое слово, не начинавшееся с какой-либо другой согласной фонемы. Эта же ситуация сохранилась и в языках-потомках¹³. Многочисленные примеры см. выше (графически мы обозначаем ʔ в анлауте только в ПЕ).

В ауслауте и перед последующим согласным ПЕ *ʔ можно рассматривать как сегментный элемент либо как элемент просодии (> кетский и югский второй тон). В коттском, аринском и пумпокольском здесь налицо нулевой рефлекс (на то, что в коттском здесь был тон, аналогичный кетскому второму, указывает иногда поведение гласного в данной позиции; см. с. 202–203). Примеры также см. выше.

¹² С загадочным развитием начального согласного — ассимиляция *xamgok* = /*xamGok*/ < *χam-χuk < *dam-χux?

¹³ Можно, напротив, считать, что фонемы *ʔ в анлауте не было, а все соответствующие случаи рассматривать как случаи гласного анлаута.

Наконец, в инлауте *-ʔ- восстанавливается в следующем ряду соответствий:

ПЕ	кет.	юг.	кот.	ар.	пумп.
*-ʔ-	-∅- (3-й тон)	-∅- (3-й тон)	-∅-	-∅-	-∅-

т. е. в тех немногих случаях, когда в кетском и югском налицо долгие гласные в третьем тоне (обычно восходящие к последовательностям *-VGV-, *-VXV-), но все остальные языки показывают нулевой рефлекс; ср.: ПЕ **soʔol* ‘нарта’ > кет. *śu:í*, юг. *so:l* / *soul*, кот. *fun-čol* ‘kleiner Schlitten’ (букв. ‘Tochter-Schlitten’)¹⁴, ар. *šal*, пумп. *cel*; ПЕ **xuʔus* ‘теплый’ > кет. *u:ś*, юг. *u:s*, ар. *kuši*, пумп. *uttičidin*, и т. д.

28. ПЕ *h

Эта фонема дает ∅- в кетском, югском, аринском, но h- в коттском. Примеров рефлексии данной фонемы в пумпокольском нет.

[188] ПЕ **har-* > кот. (Сл., Кл.) *haran-get* ‘раб, слуга’, ар. *ar, ara* ‘аринцы’.

[189] ПЕ **hns-* ‘быть’ > кет. *uśaŋ*, юг. *ūse*, кот. *hičōga* ‘es ist, es war’.

[190] ПЕ **həri-* ‘наружу’ > кет. *ála*, юг. *lrej*, кот. *hili*.

[191] ПЕ **haqtɪ* ‘поясок’ > юг. *axtaŋ* / *extaŋ* (Castr. *ěqta*), кот. *hītēg*, *hītēx*, ар. (АС) *ittä* ‘пояс’.

Сочетания согласных

Как в современных енисейских языках, так и в ПЕ на сочетания согласных были наложены существенные ограничения. Сочетания абсолютно не допускались в анлауте и ауслауте; в инлауте существовали сочетания типа -RC- (-R- — сонант, C — шумный) или -CC-, причем в очень ограниченном количестве. Лишь в одном случае (**p/uljm-* ‘шея’) удается восстановить сочетание типа -RR-. В целом слов с сочетаниями согласных для ПЕ восстанавливается немного.

Количество возможных сочетаний, естественно, возрастает, если учитывать сочетания на стыке морфем; такие случаи мы, однако, здесь не рассматриваем¹⁵.

¹⁴ Отметим, что к данному корню не может иметь никакого отношения кот. *čugar*, *čukar*, ас. *čogar* ‘нарта’ — это скорее всего иранизм.

¹⁵ К числу таких случаев относятся сочетания типа -lC- в коттском и аринском в словах с префиксальными слогами *al-*, *il-* и т. д. (кот. *il-čip* ‘собака’, *al-aga* < **al-kaga* ‘звезда’, ар. *il-ti* ‘рыба’ и т. п.). Особенностью подобных слов является то, что начальный согласный корня (за исключением случаев упрощения -lk- > -l-) ведет себя так, как если бы он находился в анлауте.

Таблица 1

Рефлексация сочетаний по языкам

ПЕ	кет.	юг.	кот.	ар.	пумп.
*-nt-	-t-	-t-	-nt-	-t-	-(l)d-
*-nd- (?)	-nd-			-nd-	
*-mp-			-mp-	-mb-	
*-ŋg-	-ŋ(g)-	-ŋ(g)-	-g-		-k-
*-ŋk-	-ŋ-	-g-		-ŋ-	-n- (?-ŋ-)
*-ŋq-	-k-	-x-	-ŋk-		
*-ns-		-s-	-nč-	-nž-	
*-nč-	-nt-		-nč-	-nž-	
*-rg- (~-lg-)	-l̥g-		-g-		
*-rb-	-l̥b-	-lb-		-nb-	
*-rk-			-rg-	-rg-	
*-lp-			-lp-	-lp ^(h) -	-p-
*-lk-	-l(l)-	-l(l)-	-lk-	-rq-	
*-f̥g-	-jg-			-lk-	-lk-
*-f̥b-	-l̥b-		-jp-	-lp-	
*-f̥k-	-ll-	-rx-			-lx-
*-jt-			-t ^h -	-jt-	
*-jb-	-jb-	-jb-	-jp-		
*-jm-			-jm-	-m-	
*-ks-	-kś-	-ks-	-tč-, -č-	-šč-	
*-gd-	-gd-	-gd-	-r-	-tk- (?-t-)	-tk-
*-qt-	-qt-	-xt-	-t-	-tt-	
*-tp-	-tp-		-p-		
*-st-			-št-	-st-	
*-tt-	-tt-		-t-		
*-ss-	-ss-		-č-		

Общие принципы развития сочетаний с сонантами

1) Кетский и югский сохраняют сонанты перед исконными звонкими согласными и утрачивают их перед глухими (за исключением сочетаний «сонант + глухой веларный», в которых происходит ассимиляция). Не вполне ясна причина сохранения *n* в сочетании *-nt-* < **-nč-*.

2) Коттский сохраняет сонанты перед исконными глухими согласными и утрачивает их перед звонкими (за исключением сочетаний с **-r̥-*, **-j-* > кот. *-j-*, в которых все наоборот, т. е. представлен кетский тип развития).

3) Аринский, как правило, сохраняет все сочетания (неясно лишь развитие *-nt- > -t-).

4) Принципы развития сочетаний в пумпокольском не вполне ясны из-за недостатка материала.

Сочетания с двумя шумными

1) Кетский и югский хорошо сохраняют все сочетания.

2) Коттский довольно систематически утрачивает первый согласный, но сохраняет второй (отклоняются лишь *-st- > -št- и *-ks- > -tč-).

4) В аринском и пумпокольском слишком мало примеров, чтобы делать какие-то выводы системного порядка.

Примеры:

ПЕ *GəGant- 'голод' [167].

[192] ПЕ *kaqənt- 'шея' > кет. *k̄əqt̄i*, юг. *k̄əxt̄i* 'шея', кот. *agantan* (с регулярной диссимилятивной утратой первого велярного) 'Kragen'. В кетском и югском кроме нормального развития *-nt- > -t- наблюдается редукция второго гласного.

[193] ПЕ *kū/nd- 'вожжи, узда' > кет. Ю *ku:ndaŋin* (pl.) 'вожжи', ар. *qonda* 'узда'.

[194] ПЕ *temp̄l- (~ -ĺ-) 'корень' > кот. *t̄empul*, ар. *t̄embirəŋ*, *t̄embirāŋ*, (АС) *tenbir*. С этим корнем связан ряд проблем: ср. загадочное написание в аринском (Срсл.) *ġembirāŋ*, а также ассанский вариант *kempala* (Кл.) наряду с регулярным *t̄jbul* (М., Сл., Срсл.).

ПЕ *tiŋglr- 'высокий' [41].

[195] ПЕ *s̄lŋgl- 'пень' > кет. *śuŋult*, кот. *śagali*, *śagale*.

[196] ПЕ *k̄l̄ŋq- 'кулак' > кет. С *к̄:к̄ə*, Ю *к̄:к̄ə* / *к̄əк̄ə*, юг. *ku:ʰx*, кот. *haŋkan*. Югский вариант *kufax* вторичен (тюркское влияние?).

[197] ПЕ *k̄l̄ns- 'вчера' > юг. *kisəŋ*, кот. *hončig*, ар. *kanži*; ср. также ас. *xonži*.

[198] ПЕ *b̄u/nč- 'лицо, подбородок' > имб. (Ад.) *bint* 'лицо', кот. (М.) *pinžol*, (Сл., Кл.) *pinčol* 'подбородок', ар. *pinžal* М.; ср. также ас. (Кл.) *pinčola* 'щека', (М., Сл., Кл.) *pinžolan* 'подбородок', (АС) *pindalin* 'щека'.

[199] ПЕ *ʔalg- (~ -r-, *x-) 'вид утки' > кет. *algə* 'черная утка', кот. *agaŋa*, *akāŋa* 'Märzente (Anas Boschas)'.

ПЕ *borba- (~ -ɔ-) 'гриб' [11].

[200] ПЕ *ḡuwurk̄l̄n- 'лук (растение)' > кот. (М.) *kuburgenəŋ*, (Сл., Кл.) *kaburgenəŋ*, ар. (М., Сл., Кл.) *kuburgen*; ср. также ас. *kabirgina*, *kaburgina* id.

[201] ПЕ *k̄l̄alp- (~ q-, *x-) 'ложка' > кот. (М., Сл., Кл.) *xalpen*, ар. (М., Сл., Кл.) *k̄ilp̄ʰan*, пумп. (Сл.) *hapi*.

[202] ПЕ *sulpe- (~ č-) 'ягода' > кот. *šulpi*, ар. (АС) *šulpä*.

[203] ПЕ **k/álrǵa-* (~ *g-*) 'голова' > кет. *kljga*, ар. *kolká*, пумп. *kolka*.

[204] ПЕ **b/al'rbnd* (/ *-t*) 'град' > кет. *balbet* (pl. Ю *balberəŋ*, Б, С *balbedəŋ*), кот. (М., Сл., Срсл., Кл.) *kojpat*, ар. *polpien*. В коттском налицо диссимиляция *kojpat* < **rojpat* и нерегулярное отлушение конечного дентального (на исконный **-d* указывают кетские и аринские формы); ср. также ас. *kojbaten*, *kojpat* 'град'.

[205] ПЕ **?erǵ-* (~ *h-*) 'дверь' > кет. С *ella*, Ю *ela*, юг. *erfəx* 'дверь чума', пумп. *elxan* 'дверь'. В югском, очевидно, метатеза: *erfəx* < **erxəp* (< **erk-op*).

[206] ПЕ **?al/jtol* (~ *-l̄*, *-r̄*) 'дверь' > кет. *at^hol*, ар. *ejtol*, *ejfol*, (АС) *itel*; ср. также ас. *atōl*, *atūl*, койб. *atōl* 'дверь'.

[207] ПЕ **b/al/jb^hal* 'почка' > кет. *bajbuł*, юг. *bajbil*, кот. *koipala*. В коттском диссимиляция: *koipala* < **poipala* (ср. выше ПЕ **b/al'rbnd*).

[208] ПЕ **χəjb^hal̄-* 'сердиться' > юг. *χljβεt̄* 'сердиться', кот. *hairiçəŋ* 'Zornig, böse'. Возможно, налицо морфологически сложное образование.

[209] ПЕ **p/ul/jm-* 'шея' > кет. *fuitur*, *p^huimur* 'Hals, Nacken', ар. (АС) *remä* 'шея'.

[210] ПЕ **?əkse* (~ *x-*) 'дерево' > кет. *ōks̄*, юг. *oksi*, кот. *atçi*, ар. *ošče*, (АС) *otši*; ср. также ас. *açi*, *aç* 'дерево'.

[211] ПЕ **paksam* 'тонкий' > кет. *haksem*, юг. *faksim*, кот. *p^haçam*, *façam*.

ПЕ **χogde* 'осень' [33].

[212] ПЕ **?əgd-* 'ухо' > кет. *əgde* 'ухо', юг. *əgdəniŋ* 'серезжки', ар. *utkenəŋ*, *utqōnəŋ*, пумп. *atkin* 'ухо'; ср. еще формы: кет. *əqtəŋ* 'серьга', юг. *xhtin* 'ухо', указывающие на ПЕ вариант с сочетанием **-qt-*.

ПЕ **h^həqt^hl* 'поясок' [191].

[213] ПЕ **χəqtam* 'кашель' > кет. *qaqtəm*, юг. *χaxtem*, кот. *hatam*.

[214] ПЕ **tətpal-* (~ **-l̄*, *-r̄*) 'лысый, голый' > кет. *tətpul̄* 'лысый', кот. *t^hapalō* 'nackt'.

[215] ПЕ **p/elstap* 'росомаха' > кет. *feštəp*, *p^heštəp*, ар. *p^hjastəp*; ср. также ас. *pestəp* 'росомаха'.

[216] ПЕ **battəp* (/ *p-*) 'ладонь' > кет. *battəp* (pl. *battəŋ*), кот. *fatəp*, *p^hatəp*.

[217] ПЕ **kassad* 'подошва' > кет. *kassat* (pl. Ю *kasserəŋ*, Б, С *kassadəŋ*), кот. *haçar* 'Schuhsohle'.

[218] ПЕ **piŋkəz* 'челюсть' > кет. *hiyat*, юг. *figaçi*¹⁶ 'челюсть', ар. *piŋaiŋ* 'губа', пумп. *pinet* 'подбородок, щека'.

¹⁶ В югском странно наличие *-ç-*: нормально ожидалась бы форма типа *figat* (в том, что восстанавливать надо именно **-z*, вряд ли можно сомневаться, поскольку **-az-* очень распространенный суффикс в названиях частей тела: **?uləz* 'ребро', **puGəz* 'хвост', **slG^hal^z* 'пятка' и т. д.)

Приведенными корнями исчерпываются все известные нам случаи инлаутных сочетаний в ПЕ.

Развитие ПЕ системы согласных в языках-потомках

Кетско-югская система

Кетский и югский весьма сходны в рефлексации ПЕ системы, поэтому их целесообразно рассматривать вместе.

Развитие в кетско-югском ПЕ взрывных

При описании развития ПЕ взрывных в кетском и югском нужно предполагать следующие процессы.

1. Оглушение конечных звонких (**b* > -*p*, **d* > -*t*, **g* > -*k*).
2. Появление аспирации у **p* в неконечной позиции (**p* > **p^h*)¹⁷. Этот процесс привел к дальнейшей спирализации *p^h* > *f* (югская система). В кетском произошло дальнейшее ослабление артикуляции: **f* > *h*-, **f*- > -*θ*- (возможно, через ступень озвончения **w*-).
3. Трансформация велярных: оглушение **g*- > *k*- в анлауте и, напротив, озвончение **k*- > -*g*- в инлаутной позиции. В югском данный процесс привел к полному совпадению ПЕ **k* и **g*. Однако в кетском этого не произошло: ПЕ **k*- здесь дает -*γ*-, а ПЕ **g*- > -*g*-. По всей видимости, нужно предполагать несколько более сложное развитие: **k*- > **k^h*- > **x*- (ср. выше об аналогичном развитии **p*- > **p^h*- > -*f*) > **γ*- > кет. -*γ*-, юг. -*g*-, в то время как **g*- не подвергалось никаким изменениям.
4. В кетских диалектах К, Ю наблюдается уже следующий этап развития системы взрывных: фрикативизация интервокальных звонких -*b*-, -*d*- > -*v*-, -*r*- (-*r̄*- перед передними гласными); возможно, также -*g*- > -*γ*-.

Развитие в кетско-югском ПЕ аффрикат

1. Распад системы свистящих аффрикат, причем глухой член ПЕ оппозиции **c*-*з* совпал с ПЕ **č*, а звонкий — с ПЕ взрывным **d*.
2. Оглушение конечных звонких (**ž* > **č*).
3. В современном югском собственно аффрикатная артикуляция налицо только у глухого *č*- в анлауте. В остальных случаях произошла деаффрикатизация **č* > *t̄*, **ž* > *d̄*. В кетском — дальнейший процесс депалатализации **t̄* > *t*, **d̄* > *d*, приведший к полному распаду старой системы аффрикат.

¹⁷ В анлаутной позиции можно предполагать факультативную аспирированность **p^h*- уже на ПЕ уровне.

4. Увулярные в кетско-югском первоначально развивались сходно с велярными: $*G$ оглушалось в анлауте ($*G- > *q-$) и сохранялось в других позициях. Затем произошел переход $*G > *v > \emptyset$,¹⁸ за которым последовала спирализация инлаутного $*-q- > (*-q^h-) > *-x-$.

Далее кетская и югская системы развивались уже самостоятельно. В кетском анлаутный и ауслаутный q сохранился, а в инлауте произошло озвончение $*-x- (< *-q-) > -v-$ с последующей тенденцией к выпадению $-v- > -\emptyset-$ в ряде случаев (подробнее о распределении рефлексов $-v-$ и $-\emptyset-$ см. с. 169). В югском вслед за инлаутной спирализацией $*-q- > *-x-$ последовала ан- и ауслаутная спирализация, приведшая в итоге к тому, что в этом языке звук q сохранился только в ауслаутной позиции как аллофон фонемы x при втором (глоттализованном) тоне.

Развитие в кетско-югском ПЕ спирантов

1. Спирант $*s$ сохранился и в югском до сих пор не претерпел никаких изменений. В кетском $*s$ уцелел в ряде позиций, не способствовавших его палатализации (в соседстве с задними гласными и согласными), и перешел в \acute{s} в остальных случаях (подробнее о распределении рефлексов s и \acute{s} в кетском см. с. 157–158).

2. Спирант $*x$ дал нулевой рефлекс в анлауте (очевидно, через ступень ослабления $*x- > *h- > \emptyset-$), а в других позициях совпал с ПЕ $*k$ ($*-x-, *-x > *-k-, *k$) и далее развивался так же, как $*k$ (см. выше).

3. Сложнее всего история ПЕ $*\chi$. Этот спирант в анлаутной позиции аффрикатизировался ($*\chi- > *q-$) и далее развивался так же, как ПЕ $*q-, *G-$ (см. с. 179). В других позициях он, вероятно, дольше сохранял свою спирантную артикуляцию, что привело к совпадению с $*-x$ в ауслаутной позиции и озвончению $*-x- > *-v-$ в инлауте. Таким образом, на определенном этапе развития ПЕ $*\chi$ дал в кетско-югском рефлексы $*q-, *-v-, *-x$, каждый из которых уже развивался самостоятельно ($*q-$ так же, как $*q- < \text{ПЕ } *q-, *G-$, см. выше; $-v-$ так же, как $-v- < \text{ПЕ } *-G-$, см. там же; $-x$ так же, как $-x < \text{ПЕ } *-x$, см. выше).

Развитие в кетско-югском ПЕ сонантов

1. ПЕ носовые $*m, *n, *ŋ$ сохраняются в кетском и югском без изменений. Носовой $*ŋ$ уцелел в кетском, но перешел в n в югском.

¹⁸ Нужно отметить, что переход $*G > *v$ произошел достаточно рано, во всяком случае раньше общего оглушения звонких взрывных и аффрикат в ауслауте (иначе ожидалось бы развитие $*-G > -q$).

2. Губной ПЕ **-w-* выпал в анлаутной позиции (**-w- > -∅-*), но сохранился в ан- и ауслауте. Впоследствии ввиду общей тенденции к устранению анлаутных сонантов **w- > b-*.

3. Напротив, ПЕ палатальный **j* выпал в анлаутной позиции, но сохранился в ин- и ауслауте.

4. Сложнее всего судьба плавных сонантов. Без изменения в кетско-югском первоначально оставались **l̄* и **l*; мягкий **r̄*, отвердевая, совпадал с ПЕ **r₁* (**r*), т. е. **r̄ > *r*. В результате получалась система с четырьмя плавными: **l̄, *l̄́, *r̄, *r̄́*, причем в анлауте могли находиться только **l̄-* и **r̄-*. Затем сонорный **r̄* перешел в **l* во всех случаях, кроме позиции рядом с гласным **u*; после этого трансформировался **r̄́*, который в анлауте совпал с **l-*, а в других позициях — с **r*. Такая система непосредственно отражена в югском.

В кетском, очевидно, нужно предполагать дальнейшее слияние всех плавных в одну фонему **l̄* (или **l*) с перераспределением твердых и мягких рефлексов по позициям, хотя некоторые детали в этом процессе еще неясны (подробнее о распределении *l̄* и *l* в кетском см. с. 152–154, 156, 163–164).

Развитие в кетско-югском ПЕ ларингалов

1. ПЕ **h*, встречавшийся только в анлауте, дает в кетско-югском нулевой рефлекс (ср. с развитием **x- > *h- > *∅-*; см. выше).

2. ПЕ **ʔ* дает также нулевой рефлекс¹⁹, причем трансформация *ʔ* в неначальной позиции послужила базой для формирования кетско-югской тональной системы (см. с. 202–205).

Совокупность перечисленных изменений привела к тому, что в настоящий момент системы кетского и югского консонантизма имеют следующий вид (в скобки заключены несамостоятельные варианты фонем):

Кетский					
(p)	b	m	w	(v)	
t	d	n	l	(r)	s
		ń	l̄	(j)	ś
k	g	ŋ	ɣ		
q			κ		
ʔ					h

¹⁹ Можно считать, что в анлаутной позиции никакого изменения не произошло, поскольку *ʔ-* и *∅-* не противопоставлены ни в ПЕ, ни в кетско-югском.

Югский

(p)	b	m	w	f	
t	d	n	l	(r)	
č (/č)	đ	(ń)	í		s
k	g	ŋ			x (/q)
?					

Коттская система

Развитие в коттском ПЕ взрывных

Нужно предполагать следующие процессы:

1. Сохранение исходного типа артикуляции в ин- и ауслaute, т. е. $*-p(-) > -p(-)$, $*-t(-) > -t(-)$, $*-k(-) > -k(-)$, $*-b(-) > -b(-)$, $*-d(-) > -d(-)$, $*-g(-) > -g(-)$, но трансформацию системы ларингальных признаков в анлаутной позиции: аспирацию старых глухих ($*p- > *p^h-$, $*t- > *t^h-$, $*k- > *k^h-$) и оглушение старых звонких ($*b- > *p-$, $*d- > *t-$, $*g- > *k-$). Так возникла система с противопоставлением придыхательных–непридыхательных в анлауте и глухих–звонких в других позициях.

2. В дальнейшем анлаутный $*k^h-$ перешел в $h-$; ненаачальный $*d$ — в r , а ненаачальные $*b$ и $*g$ подверглись оглушению ($*-b(-) > p$, $*-g(-) > k$). Эту систему мы застаем в записях М. А. Кастрена и в словниках XVIII в., однако в них уже видны зачатки некоторых дальнейших трансформаций: в анлауте p^h- находится в свободном варьировании с $f-$; инлаутный $-k-$ ($< *k-$, $*-g-$) свободно варьирует с $-g-$, а ауслautный $-k$ — с $-g$ и $-x$.

Развитие в коттском ПЕ аффрикат

1. В коттском, так же как и в остальных енисейских языках, произошел распад старой системы свистящих аффрикат. Весь процесс их развития можно описать следующим образом: а) развитие свистящих $*c$, $*z$ в палатальные $*č$ ($= *k$), $*ž$ ($= *g$); б) переход $*ž > *đ$, а $*č > *ť$ / $*k$ (причем вариант $*ť$ налицо в ненаачальной позиции, а также в начальной позиции при последующем заднеязычном согласном, а вариант $*k$ — в остальных случаях, т. е. $*čVC- > *kVC-$, а $*čVK- > *ťVK-$); в) образовавшийся согласный $*k-$ вел себя аналогично другим смычным и аффрикатам, т. е. получал в анлауте придыхание $*k- > *k^h$, а затем совпадал с веллярным $*k^h$, давая в итоге коттское $h-$ (ср. с. 154). Напротив, палатализованные $*ť$, $*đ$ выпали из общей схемы развития смычных и аффрикат, поскольку $*ť-$ не подвергся аспирации, а $*đ$ — оглушению в анлауте. Это привело

к тому, что $*t$ во всех позициях перешел в t , а $*d$ в анлауте сохранился в виде $d̄$ -, а в неначальной позиции перешел в j ²⁰.

2. Шипящие аффрикаты в коттском развивались (в отношении ларингальных признаков) аналогично взрывным согласным, т. е. глухой анлаутный $*č$ - превращался в $*č^h$ -, а звонкий анлаутный $*ǰ$ - оглушался в $*č$ -. Возникало, таким образом, распределение: в анлауте $č^h$ — $č$, в других позициях $č$ — $ǰ$. Впоследствии придыхательный $č^h$ - перешел в $š$ -, а звонкий $ǰ$ — в j (аналогично $d̄ < *ǰ < *ʒ$).

Последнее изменение в системе исконных шипящих аффрикат — переход ауслатного $*-č > -š$, что сделало рефлексы ПЕ $*č$ в коттском неотличимыми от рефлексов $*s$ (см. с. 184). Альтернативным решением всей проблемы было бы предположение о раннем совпадении в коттском рефлексов ПЕ $*č$ и $*s$ ($> *š$) в одной фонеме, реализовавшейся как $š$ в ан- и ауслaute и как $-č$ - в инлауте (см. также ниже о развитии в коттском ПЕ спирантов). Отметим здесь еще (для корректности), что конечный $-j$ М. А. Кастрен нотирует как $-i$.

3. Увулярные в коттском также развивались аналогично другим взрывным и аффрикатам: сначала $*q > *q^h$ -, $*q$; $*G > *q$ -, $*G$ (результат аспирации глухих и оглушения звонких в анлауте). Впоследствии, однако, произошел сдвиг вперед по месту образования: $*q^h > k^h$, $*q > k$, $*G > g$, причем этот процесс происходил после развития старого $*k^h$ - ($<$ ПЕ $*k$ -) $> h$ -, т. е. место, освободившееся в системе после спирантизации придыхательного $*k^h$, было занято новым $k^h < *q^h <$ ПЕ $*q$. Наконец, фонема $g < *G$ подверглась общему (новому) процессу оглушения неначальных звонких $*b$ и $*g$ (см. с. 182) и перешла в k . Такую систему мы застаем в записях М. А. Кастрена, причем в ней уже налицо зачатки дальнейших изменений: начальный k^h - свободно варьирует с x -, а неначальный k — с g (в ауслaute также с $-x$), что является дополнительным аргументом в пользу предположения о полном совпадении в коттском ПЕ велярных и увулярных в неначальной позиции (ср. с. 182 о таком же варьировании в ин- и ауслатной позиции рефлексов ПЕ $*k$, $*g$).

Развитие в коттском ПЕ спирантов

1. На достаточно раннем этапе развития коттской системы наблюдалось диссимилятивное развитие ауслатного $*-s > *-c$ при наличии анлаутного $*s$ - (ср. с. 158). Это явление должно было иметь место еще до перехода $*s > *š$, поскольку в противном случае наблюдалось бы

²⁰ Возможно, нужно говорить, что $*d > j$ во всех позициях и лишь впоследствии начальный $*j$ - снова перешел в $d̄$ - (ср. развитие в коттском ПЕ $*j > d̄$ -, j).

развитие $*\text{-}\check{s} > *\text{-}\check{c}$ и результаты его были бы совсем иными. Образовавшийся таким образом $*\text{-}c$ вел себя так же, как исконный $*\text{-}c$, т. е. давал $*\text{-}t$ и в итоге $-t$.

2. В дальнейшем ввиду распада системы свистящих аффрикат спирант $*s$ утратил скоррелированность со свистящим рядом и перешел в $*\check{s}^{21}$. Вслед за этим последовало перераспределение рефлексов ПЕ $*s$ ($> *\check{s}$) и $*\check{c}$, в результате которого обе фонемы стали реализовываться в инлауте как $-\check{c}$ -, а в ан- и ауслауте как \check{s} (см. с. 183).

3. ПЕ $*x$, очевидно, во всех позициях ослаблялся и переходил в коттском в звук типа $*\gamma$ (но не $*h$, поскольку ПЕ $*h$ - $>$ кот. h -), впоследствии выпавший полностью в анлауте и давший в инлауте рефлекс $-\emptyset$ - либо $-j$ - (не совсем ясно, является ли $-j$ - непосредственным рефлексом $*\text{-}\gamma$ - или же результатом заполнения зияния после выпадения последнего).

4. ПЕ $*\chi$ в конечной позиции дает в коттском $-k$ (реально в свободном варьировании с $-g$, $-x$). Пока не вполне ясно, что здесь произошло: либо $*\chi > *\text{-}q$ и затем этот $*\text{-}q$ развивался так же, как обычный $*\text{-}q <$ ПЕ $*\text{-}q$ (см. с. 183), либо же $*\chi > *\text{-}b$, который впоследствии совпал с исконным $*\text{-}G$ и развивался так же, как последний (т. е. $*\text{-}G > *\text{-}g > *\text{-}k$; см. там же). Возможно, следует отдать предпочтение второму решению, поскольку в других позициях вполне вероятно предположение о первоначальном развитии $*\chi > *\text{-}b$ (ср. аналогично $*x > *\gamma$; см. выше). Впоследствии в анлауте $*\text{-}b$ - $>$ h -, а в инлауте $*\text{-}b$ - $>$ $-\emptyset$ - ($-\text{?}$ -).

Развитие в коттском ПЕ сонантов

1. Носовые $*m$, $*n$, $*\eta$ в коттском сохраняются без изменений, за исключением развития $*\eta > n$ в ряде случаев по диссимиляции (см. с. 167). Мягкий $*\acute{n}$ переходит в коттском в n .

2. Сонант $*w$ переходил в коттском в $*b$ (сохраняясь в качестве w только в ауслаутной позиции); при этом переход $*w > b$ происходил уже после оглушения анлаутных звонких взрывных ($*b$ - $>$ p -, $*d$ - $>$ t - и т. д.), но еще до или одновременно с оглушением инлаутных звонких $*\text{-}b$ - $>$ $\text{-}p$ -, $*\text{-}g$ - $>$ $\text{-}k$ -, поскольку рефлекс ПЕ $*w$ в коттском не подвергся анлаутному оглушению, а подвергся инлаутному оглушению (т. е. ПЕ $*w >$ кот. b -, $\text{-}p$ -, $\text{-}w$). При наличии в слове назализации анлаутный $*w$ дает в кот. m -. Отметим, что это единственный источник анлаутного m - в коттском (в ПЕ $*m$ - в анлауте не встречался).

²¹ Впрочем, возможно и предположение о том, что уже в ПЕ артикуляция $*s$ могла колебаться между $*s$ и $*\check{s}$ ($*\acute{s}$).

3. Сонант $*j$ дает в коттском j в неначальной позиции (в ауслaute М. А. Кастрен записывает $-i$), но \acute{d} - в анлауте. Этот переход (как и развитие $*w- > b-$) связан с действовавшим в коттском строгим запретом на анлаутные сонанты.

4. Совершенно аналогично $*j$ развивается в коттском ПЕ $*\acute{r}$ (в анлауте $> \acute{d}$ -, в других позициях j), что делает вероятным предположение о предварительном переходе $*\acute{r} > *j$ во всех позициях²². Так же развивается и ПЕ $*\acute{l}$ в анлауте ($> \acute{d}$ -); в других позициях, однако, произошло предварительное слияние $*\acute{l}$, $*l$ и $*r_l$ ($*r$) в одном твердом $*l > \text{кот. } l$ (но ПЕ $*r$ сохранился в коттском в виде r).

Развитие в коттском ПЕ ларингалов

1. ПЕ $*\text{?}$ дает в коттском нулевой рефлекс (для анлаутной позиции это развитие условно, так как, вероятно, гортанная смычка оставалась там на фонетическом уровне); можно предполагать, что в неначальной позиции ПЕ $*\text{?}$ также влиял на коттскую тональную систему (как и на кетско-югскую), однако нотация тонов у М. А. Кастрена отсутствует.

2. Коттский язык — единственный из енисейских, сохранивший анлаутный $h-$ < ПЕ $*h-$ (в других позициях $*h$ в ПЕ не встречался).

Совокупность перечисленных изменений привела к тому, что к моменту записи коттской лексики М. А. Кастреном система коттского консонантизма имела следующий вид (в скобки заключены несамостоятельные варианты фонем):

p^h	p	b	m	w	(f)
t^h	t		n	l, r	
	č	đ	(ń)	j	š
k^h	k	(g)	ŋ		(x)
	ʔ				h

Аринская система

Точный фонологический анализ для аринского очень затруднен плохими записями. Можно, однако, предполагать, что в нем были налицо следующие фонемы:

p^h	p	b	w	m	
	t	(d)	r, l	n	
k^h	k	(g)		ŋ	ʔ?
		(đ?)	j		s (/c)
q^h	q?				к?

²² О вероятном развитии в коттском $*\text{?} > *d > j$ тоже во всех позициях см. с. 182–183.

В записях XVIII в. часто встречаются следующие графические недостатки:

1. Вместо p^h пишется p (но не наоборот).

2. Вместо t в инлауте пишется d (возможно, налицо было свободное варьирование t/d).

3. Путаются обозначения велярного k^h и увулярного q^h . При этом сам факт наличия в аринском увулярных, по-видимому, не должен вызывать сомнения: в отличие от пумпокольского, при записи слов которого знаки для увулярных практически отсутствуют, в аринских записях их довольно много. Судя, однако, по внешним соответствиям, записывавшие очень плохо различали на слух велярные и увулярные и постоянно делали ошибки (как в ту, так и в другую сторону). Характерно, однако, что путаются только обозначения придыхательных; непридыхательный k никогда не записывается как увулярный. При обозначении аринских k^h , q^h в записях встречаются знаки k , k^h (редко), q или x ; при обозначении аринского k — только k . Неясен вопрос о том, были ли вообще в аринском непридыхательный q , а также звонкий g (см. ниже).

4. Вероятно предположение, что в аринском существовали интервокальные спиранты γ и ν (аналогичные кетским γ и ν): это вытекает из факта частой встречаемости записи с колебаниями интервокальных $-g-$ (в АС редко $-k-$) / $-j-$ / $-w(-u-)$ / $-\emptyset-$ в тех местах, где, судя по внешним данным, логично было бы предполагать наличие таких спирантов. Однако аринская графика не дает никаких оснований для проведения различия между $-\gamma-$ и $-\nu-$, и предположение о таком противопоставлении основывается пока лишь на системных соображениях и внешних данных.

5. Колебания глухих и звонких написаний s/z , \check{s}/\check{z} и т. д., по-видимому, отражают реальную картину свободного варьирования (в ряде позиций) глухих и звонких сибилантов (см. с. 159).

6. Полностью загадочной остается аринская палатализация (записи \acute{p}^h , \acute{q}^h , колебание s/\check{s} и т. д.), для которой пока не удалось найти никаких внешних соответствий. Фонологический статус ее тоже неясен, так как сплошь и рядом налицо колебания в записях.

Развитие в аринском ПЕ взрывных

Нужно предполагать следующие процессы:

1. Развитие звонких согласных, аналогичное коттскому (см. с. 182), т. е. оглушение $*b- > p-$, $*d- > t-$, $*g- > k-$ в анлауте, но первоначальное сохранение звонких b , d , g в других позициях. Аналогично коттскому развивался и глухой $*p$, давший в анлауте p^h , а в других позициях p . Однако глухие $*t$ и $*k$ в аринском развиваются скорее по «кетскому»

образцу: *t* сохраняется без изменений во всех позициях (нет оснований предполагать аспирированный характер *t^h* в анлауте); **k*, хотя и развивается в *k^h* в анлауте, но дает *γ* (очевидно, через ступень **k^h* > **x*) в других позициях.

2. В дальнейшем звонкий неначальный **d* перешел в *j* (ср. в коттском **-d(-)* > *-r(-)*), а звонкий неначальный **b* оглушился в *p* (ср. опять-таки в коттском **-b(-)* > *-p(-)*). Не вполне ясна (из-за недостатка материала) судьба неначального **g*: имеющиеся примеры показывают *-g-* в инлауте, что, возможно, свидетельствует также о процессе оглушения **-g(-)* > *-k(-)* (ср. аналогичный процесс в коттском). Написание *-g-* в инлауте в таких случаях можно было бы считать отражающим уже вторичный, озвонченный вариант *-k*²³. Все это, однако, является довольно проблематичным ввиду малого количества материала.

Развитие в аринском ПЕ аффрикат

1. Система свистящих аффрикат в аринском распалась, как и в остальных енисейских языках. Опишем процесс их развития: а) развитие свистящих **c*, **z* в палатальные **č* (= *k*), **ž* (= *g*), т. е. то же, что и в коттском (см. с. 182); б) переход **ž* > *đ/g*, а **č* > *ť/k*, причем варианты *đ*, *ť* налицо в неначальной позиции, а также в начальной позиции при последующем заднеязычном согласном, т. е. **čVC-* > **kVC-*, а **čVK-* > **ťVK-* (очень сходный процесс наблюдался и в коттском — см. с. 182, но с небольшим отличием: в коттском есть основание говорить о раздвоении только рефлексов **č*, но не **ž*, который там единообразно дает *đ*); в) отверждение **đ*, **ť* > **d*, **t*; **g*, **k* > *g*, *k*. Образовавшиеся денальные и велярные согласные вели себя в дальнейшем полностью аналогично исконным **d*, **t*, **g*, **k*, т. е. **-d(-)* > *-j(-)*, **t* > *t*, **g* > *k-*, **k* > *k^h-*. В этом пункте аринский показывает уже довольно сильное отличие от коттского (см. с. 182–183).

2. Шипящие аффрикаты в аринском первоначально, вероятно, также развивались как в коттском, т. е. **č-* > **č^h-* > **š*²⁴, **ž-* > *č-*, **-ž(-)* > *-j(-)* (ср. с. 183). Однако в аринском налицо уже дальнейшая спирализация *č* > *š* и два еще более новых процесса: свободное варьирование шипящего *š*

²³ Ввиду отсутствия противопоставления *-k-* — *-g-* в аринском в инлауте (напомним, что старый **k* в этой позиции еще раньше перешел в *γ*); ср. также аналогичные случаи написания *-d-* в инлауте при отсутствии противопоставления в этой позиции *-t-* — *-d-*.

²⁴ Еще до спирализации происходил процесс ассимиляции начального **č-* последующим **s*, т. е. **čVs-* > **cVs-*; новый **c* затем развивался так же, как и старый **c-*, т. е. **c-* > **k-* > *k^h-*.

и свистящего *s*, а также их звонких (и даже придыхательных) вариантов (подробнее см. с. 159, 161, 162).

3. Увулярные в аринском развивались аналогично велярным, т. е. $*q- > q^h-$ (ср. $*k- > k^h-$), $*-q(-) > *-q^h(-) > -в(-)^{25}$ (ср. $*-k(-) > *-k^h(-) > -ɣ(-)$), $*G- > q-$ (?)²⁶, $*-G(-) > *-G(-)$. В дальнейшем, однако, $*-G(-)$ не подвергся оглушению, но так же, как и $*-q(-)$, перешел в $-в(-)$.

Развитие в аринском ПЕ спирантов

1. На раннем этапе развития аринской системы наблюдалось диссимилятивное развитие $*-s > *-c$ при наличии анлаутного $*s-$, полностью аналогичное тому, которое произошло в коттском (см. с. 159, 183). Впоследствии этот $*-c$ вел себя так же, как исконный $*-c$, т. е. давал $*-t̃$ и в итоге $-t$.

2. В результате распада старой системы свистящих и шипящих аффрикат в аринском осталась единственная сибиллянтная фонема *s*, имеющая большое количество фонетических вариантов (см. с. 159).

3. ПЕ $*χ$ в анлауте в позиции перед гласными $*i$ и $*u$ дает в аринском *k*, а в других случаях выпадает. Поскольку *k* в аринском — нормальный рефлекс ПЕ $*g$ (см. с. 186), а $∅$ — нормальный рефлекс ПЕ $*h$ (см. с. 189), можно предположить, что развитие здесь шло следующим путем: а) $*χ$ развился в $*γ$ (ср. аналогичное развитие на раннем этапе в коттском, см. с. 184); б) $*γ$ сохранялся в таком виде перед напряженными гласными $*i$ и $*u$, но переходил в $*h$ в других позициях; в) впоследствии произошли окклюзивизация $*γ- > *g-$ (с последующим нормальным развитием $*g- > k-$) и выпадение $*h > ∅$.

Все эти процессы должны были иметь место еще до возникновения нового $γ$ (из ПЕ неначального $*k$).

4. ПЕ $*χ$ дает в аринском те же рефлексы, что и $*q$, т. е. q^h- в анлауте и *в* в других позициях. Можно поэтому предположить, что в аринском произошло раннее совпадение $*χ$ и $*q$ в одной фонеме $*q$.

Возможно, однако, и другое решение. Поскольку в ауслaute аринская орфография не дает нам возможности различить $-∅$ ($-j$, $-w$) и $-в$, не исключено, что настоящий ауслautный рефлекс ПЕ $*χ$ в аринском — это $-∅$, т. е. тот же, что и у $*-x$. В таком случае нужно признать, что ПЕ $*χ$ в аринском развивался так же, как в кетско-югском (см. с. 180),

²⁵ Напомним, что аринская графика различия между *в* и $γ$ не проводит, поэтому предположение о таком развитии гипотетично.

²⁶ В словах *qogat* 'голод', *oqäjši* 'лось', если только здесь не представлено ПЕ $χ-$ (см. с. 172).

т. е. давал позиционные рефлексы $*q-$, $*-k-$, $*-x$ (с последующим аринским развитием $> q^h-$, $-k-$, $-\emptyset$). Недостатки транскрипции аринских слов не позволяют остановиться окончательно на том или другом варианте.

Развитие в аринском ПЕ сонантов

1. Носовые $*m$, $*n$, $*ŋ$ в аринском сохраняются без изменений (за исключением деназализации $*ŋ > g$ в ряде случаев по диссимилиации; см. с. 167); мягкий $*ñ$ переходит в n .

2. Аналогично коттскому (см. с. 184) сонант $*w$ в аринском переходил в b , сохраняясь в качестве w только в ауслaute. В отличие от коттского, однако, здесь не произошло дальнейшего инлаутного оглушения этого b .

3. ПЕ $*j$ в аринском выпадает в анлауте, но сохраняется в других позициях, как в кетском.

4. Судьба плавных в аринском не вполне ясна из-за недостаточного количества примеров. Анлаутный рефлекс ПЕ $*r-$ засвидетельствован один раз ($*rɔn$ 'губа' > ар. *e-tan / diana*); непонятно, имеем мы здесь дело с простым аринским $t-$ (случайно записанным один раз в виде $d-$) или же с особой фонемой типа $ḍ-$. Во всяком случае в исконных аринских словах ни разу больше не встречается написание $d-$, что может говорить в данном случае как о случайной ошибке записи, так и об уникальном рефлексе очень редкой в анлауте ПЕ фонемы.

Анлаутный рефлекс ПЕ $*l$ в аринском неизвестен.

Для неначальной позиции можно отметить, что ПЕ $*r$ всегда дает аринское r , ПЕ $*r_l$ всегда дает ар. l , т. е. наблюдается развитие, сходное с коттским. В отличие от последнего, однако, ПЕ $*l$ и $*ḷ$ дают в аринском рефлексы с колебанием l/r (в коттском только l); ПЕ $*ṛ$ дает не j , как в коттском, а l (есть только один пример: *tütelä* 'легко'; возможно, и здесь при большем количестве примеров наблюдалось бы колебание l/r).

Развитие в аринском ПЕ ларингалов

Как ПЕ $*ʔ$, так и ПЕ $*h$ всегда дают в аринском нулевые рефлексы. По имеющимся записям нет никакой возможности судить о влиянии $*ʔ$ на аринскую просодическую систему.

Совокупность перечисленных изменений привела к тому, что аринская фонологическая система к моменту записи в XVIII в. приобрела приблизительно такой вид, как на таблице, помещенной на с. 185. Отметим, что многие ранние фонетические процессы, которые прихо-

дится постулировать для аринского, имели место также и в коттском, что, может быть, является аргументом для объединения коттского и аринского в одну подгруппу енисейских языков.

Пумпокольская система

На основании анализа записей пумпокольских слов и системно-исторических соображений можно предполагать для пумпокольского следующую систему согласных:

p ^h	(p)	b	(w?)	m	
	t	d	r, l	n	
k ^h	k	ɣ		ŋ	(x?)
	c		j (/d-)		(s)
	č			(ń?)	
	ʔ				h

Согласные *p*, *s* несомненно существовали, но были позиционными вариантами: *p* — вариант фонемы *p^h* в неначальной позиции; *s* — вариант фонемы *c* при наличии в слове *t*.

Согласный *p^h* имел варианты, обозначавшиеся на письме как *pf*, *f* или *p* (при этом согласный *p* писали только как *p*).

Согласные *t* и *k* в неначальной позиции встречаются на письме то как *t*, *k*, то как *d*, *g* соответственно (однако согласный *d* обозначается только как *d*).

Согласный *k^h* имел варианты, писавшиеся как *k* или *x*.

На месте ПЕ неначального *G в пумпокольском встречаются написания *k*, *g*, *j*, *∅*; можно предполагать здесь наличие фонемы типа *ɣ*.

Не вполне ясен (опять-таки из-за недостатка материала) статус пумпокольских *w*, *d́*, *ń*, *x*. О существовании в пумпокольском *w* можно только догадываться (см. с. 150–151); *d́* встречается только один раз в инлауте как рефлекс *-ǰ- (обычный рефлекс — *-j-*; возможно, налицо свободное варьирование двух аллофонов?). Для определения, было ли фонологическое различие между *n* и *ń*, или налицо лишь графические варианты, материала недостаточно.

Написание *x* встречается обычно как вариант фонемы *k^h* (см. выше), чередуясь с написанием *k*. Однако не исключено и существование в пумпокольском самостоятельной фонемы *x* (в качестве анлаутного рефлекса ПЕ *G-: см. с. 192).

Развитие в пумпокольском ПЕ взрывных

1. Глухие ПЕ $*p$ и $*k$ в анлауте получили придыхание ($*p- > p^h-$, $*k- > k^h-$); $*k$ подвергся аспирации также в инлауте, с последующей спирантизацией и выпадением. В других случаях ПЕ взрывные не изменялись, т. е. $*p(-) > -p(-)$, $*t > t$. Интересно отметить лишь специфический ауслатный рефлекс ПЕ $*-k > -t/-\check{c}$, причины которого (равно как и принцип распределения вариантов $-t$ и $-\check{c}$) пока неясны.

2. Звонкие $*b$ и $*d$ сохранились без изменений, а $*g$ оглушился ($*g > k$).

Развитие в пумпокольском ПЕ аффрикат

1. Как и в коттско-аринском, ПЕ свистящие $*c$, $*\check{z}$ в пумпокольском развились сначала в палатальные $*\acute{c}$ ($= *k^{\acute{}}$), $*\check{z}$ ($= *g^{\acute{}}$). Впоследствии в анлауте эти фонемы дали те же рефлексy, что и исконные велярные (т. е. $*k^{\acute{}} > *k > k^h$, $*g^{\acute{}} > *g > k$); в ненаачальной позиции — те же рефлексy, что и исконные денальные (т. е. $*\acute{c} > *t > t$, $*\check{z} > *d > d$). В анлауте при последующем велярном переходе $*c > *k^{\acute{}}$ не происходило и сохранилась исходная артикуляция c ²⁷.

2. Шипящие аффрикаты в пумпокольском развивались иначе, чем в коттском и аринском. Глухой $*\check{c}$ в анлауте, вероятно, рано совпал с ПЕ $*c$ ($*\acute{c}$) и дал в пумпокольском $*k^{\acute{}}$ -с последующим развитием в k^h -. После этого произошло оглушение $*\check{z}- > \check{c}$ - в анлауте. Образовалась система с наличием \check{c} во всех позициях, но \check{z} — только в ненаачальной позиции, что в конечном счете привело к развитию $*\check{z} > j$ и устранению противопоставления звонкости — глухости у шипящих²⁸.

3. Увулярные в пумпокольском были утрачены и перешли в велярные. При этом рефлексy увулярных, однако, не совпали (во всяком случае не полностью совпали) с рефлексами старых велярных. Это говорит о том, что процесс веляризации увулярных проходил здесь позже процесса трансформации велярных (т. е. после спирантизации инлаутного $*k$, перехода ауслатного $*k$ в t/\check{c} и оглушения звонкого $*g > k$). Глухой $*q$ сначала, аналогично велярному $*k$ ($> k^h$), перешел в $*q^h$, а затем

²⁷ Не исключено, что в этой позиции ПЕ $*c$, как и в коттско-аринском, давал сначала пумпокольский $*t-$, который впоследствии не отвердел, как в инлауте, а снова перешел в аффрикату c .

²⁸ Как отмечалось выше, в качестве рефлексов $*-\check{z}$ - в пумпокольском встречаются написания $-j-$ или $-d^{\acute{}}$, что, возможно, указывает на наличие в этой позиции двух аллофонов в период записи пумпокольской лексики в XVIII в.

$*q^h > k^h$ ²⁹. Однако в тот момент, когда исконный велярный $*-k-$ $> *-k^h-$ спирализировался и выпал (см. с. 191), увулярный $*-q^h-$ сохранялся без изменений — иначе на месте данной фонемы в пумпокольском ожидался бы нулевой рефлекс. Это, в частности, является одним из аргументов в пользу тезиса о позднем характере перехода в нем увулярных в велярные.

Звонкий $*G$ в ненадначальной позиции перешел в $*b$ и затем в $*y$ (отражающийся на письме как колебание $\emptyset/j/g/k$). Сложным является вопрос о развитии анлаутного $*G-$, и прежде всего потому, что само существование этой фонемы в анлауте в ПЕ находится под сомнением (см. с. 172). Если все же решить, что $*G-$ в анлауте встречался, то для пумпокольского нужно считать либо, что $*G-$ и $*q-$ очень рано совпали в одном $*q-$, который впоследствии дал k^h- (в двух имеющихся в пумпокольском рефлексах ПЕ корней с $*G-$ — пумп. *xaji* ‘лось’ и *xaldidin* ‘го-лод’ — налицо написание *x*, которое, как было сказано, обычно является графическим отражением фонемы k^h), либо, что $*G$ в анлаутной позиции, так же как и в других, перешел в $*b$, но впоследствии подвергся оглушению $*b- > *x-$ (одновременно с переходом остальных увулярных в велярные) перешел в *x-*. В таком случае *x-* в упомянутых словах придется считать не вариантом фонемы k^h , а самостоятельной фонемой. Как то, так и другое решение в равной мере проблематичны.

Развитие в пумпокольском ПЕ спирантов

ПЕ спиранты в пумпокольском развивались весьма специфическим образом.

1. Прежде всего произошла утрата ПЕ $*x$. Этот согласный дал \emptyset (очевидно, через ступень *h*) перед ПЕ $*i$ и *h* — в остальных случаях. Инлаутные рефлексы ПЕ $*x$ в пумпокольском неизвестны.

2. Затем произошел переход $*x > *x$ (ввиду утраты противопоставления велярного и увулярного спирантов).

3. Оставшиеся в итоге два спиранта, $*x$ и $*s$, подверглись затем процессу полной окклюзивизации, т. е. перешли во взрывные (аффрикаты). При этом первоначально $*x$ ($<$ ПЕ $*x$) перешел в *k*, а $*s$ ($<$ ПЕ $*s$) — в c ³⁰ ($*s$ не перешел в *c* только при наличии в слове дентального *t*, т. е. по диссимилиации).

²⁹ Не вполне ясно, происходило ли развитие $*q > *q^h > k^h$ в ауслауте; вероятнее всего, здесь $*q$ не получало аспирации и переходило просто в *k*. Однако единственный пример пумпокольского ауслаутного рефлекса ПЕ $*q$ (*tak* ‘белка’) не позволяет судить об этом с полной уверенностью.

³⁰ Заметим, что этот процесс должен был иметь место уже после выпадения старого $*-k-$ и после развития старого $*c > \acute{c} > k$, иначе результаты его были бы совсем другими.

Образовавшийся таким образом **k* впоследствии развивался в анлауте, как и старый **k*, т. е. переходил в *k^h*-, однако в неначальной позиции он сохранялся в виде *k*. Образовавшийся **c* сохранился в этом виде лишь в анлауте перед передними гласными; в неначальной позиции при соседних передних гласных он перешел в *č*, а во всех остальных случаях (в ан-, ин- и ауслауте при соседних задних гласных) — в *t* (потерял аффрикатный характер).

Развитие в пумпокольском ПЕ сонантов

1. Все носовые сонанты в пумпокольском сохраняются без изменения (некоторые сомнения, правда, есть относительно ПЕ **ŋ*; см. с. 163).

2. Из-за недостатка материала не вполне ясно, как развивался в пумпокольском ПЕ **w* (см. с. 150–151).

3. Начальный **j* в пумпокольском дает *d*- (очевидно, через ступень **d̥*)³¹, а неначальный сохраняется в виде *j*.

4. ПК **r* сохранился в пумпокольском в виде *r*; все остальные плавные (**l*, **l̥*, **r̥*, **r̥*) перешли в *l*.

Развитие в пумпокольском ПЕ ларингалов

Как ПЕ **ʔ*, так и ПЕ **h* в пумпокольском дали нулевые рефлексy. О влиянии **ʔ* на просодию и на характер вокализма в пумпокольском можно судить по немногим записям типа *koat* 'путь' (очевидно, вместо */k^hoʔt/*; ср. кет. *qoʔt*, для которого засвидетельствованы старые записи типа *qoat*).

Совокупность перечисленных изменений привела к тому, что к моменту записи в XVIII в. пумпокольская система приобрела приблизительно такой вид, как на таблице, помещенной на с. 190.

Вокализм

Вокализм неконечных слогов

Хорошими записями вокализма мы располагаем только для кетского, югского и (в меньшей степени) коттского языков. Записи гласных в аринском и пумпокольском чрезвычайно ненадежны. Поэтому реконструкция ПЕ вокализма может основываться только на сравнении гласных первых трех языков.

³¹ Развития **j*- > **d*- не происходило, однако, при последующем дентальном согласном, что привело к выпадению **j*- > *∅*- в этой позиции (см. с. 164).

Для ПЕ можно восстановить следующие гласные:

i	ĩ	u
e	ə	o
ä	a	ɔ

Система соответствий по языкам

	ПЕ	кет.	юг.	кот.
1.	*ĩ	i	i	i/e

В коттском обычно *i*, но *e* встречается при наличии в последующем слове гласного *a*.

Примеры: **pitam*- 'низкий' [4]; **bis* 'вечер' [9]; **?im* 'орех' [15]; **wir₁*- 'вопросительное местоимение' [18]; **?i?n* 'игла' [35]; **pir₁*- 'сладкий, сладкая масса' [68]; **?ise* 'мясо, рыба' [79]; **čip* 'собака' [86]; **čĩž*- 'корень' [94]; **sika* 'четыре' [121]; **čike* 'лебедь' [123]; **xiGa* 'солнце' [146]; **pix/el* 'мужчина' [148]; **xi(?)G* 'день' [171]; **siG*- 'есть' [173]; **?iG* 'имя' [174]; **siG* 'ночь' [175]; **tix* 'снег' [184] и т. д.

В аринском наиболее частый рефлекс **i* — это *i*; несколько реже встречается *a*, а в единичных случаях — *e*. В пумпокольском также **i* чаще всего отражается как *i*, а в отдельных случаях как *e* или *a*.

	ПЕ	кет.	юг.	кот.
2.	*e	e/ε	e/ε	e

В кетском и югском *e* — в первом тоне, *ε* — в остальных. В коттском на месте **e* во втором тоне (*-*e?*-) иногда попадает написание *-eä-*.

Примеры: **bej* 'ветер' [8]; **cēse* 'валенки, сапог' [56]; **se?s* 'лиственница' [72]; **ses* 'речка' [73]; **?es* 'бог, небо' [77]; **sērie* 'олень' [83]; **be?č* 'снег' [87]; **že?η* 'люди' [95]; **?ej-* 'сосна' [108]; **?ej* 'язык' [109]; **hejaη* 'ехать' [110]; **ken-* 'плечо' [118]; **ke?t* 'человек' [119]; **de?G* 'озеро' [176]; **?ex* 'железо' [187]; **tempal-* 'корень' [194]; **?eik-* 'дверь' [205] и т. д.

В аринском **e* чаще всего дает *i*, реже — *e* или *a* (в одном случае — *u*). В пумпокольском **e* чаще всего дает *a*, реже — *e*, в единичных случаях — *i* или *u*.

	ПЕ	кет.	юг.	кот.
3.	*ä	a	a	e

Примеры: **pä?j* 'кедр' [1]; **täk-* 'белый' [24]; **täxar* 'выдра' [46]; **?ä?c* 'скоро' [61]; **χä?z* 'верхняя одежда' [63]; **sās* 'камуc' [74]; **χäñ* 'сажень' [98]; **qäka* 'пять' [120]; **qä?j* 'гора' [151]; **qä(?)G* 'слово' и т. д.

В аринском *ä в подавляющем большинстве случаев отражается как *a* (лишь один раз имеем *i*). В пумпокольском четких рефлексов *ä нет — на месте ПЕ *ä засвидетельствованы лишь единичные случаи написаний *i, a, o, e*.

	ПЕ	кет.	юг.	кот.
4.	*i	i	i	i

Примеры: *xiʔw- 'береста' [22]; *diŋe 'ель' [29]; *giʔd 'жир' [32]; *tiʔn 'котел' [36]; *tiŋgar- 'высокий' [41]; *sisa(l)- 'легкие' [75]; *čiʔs 'камень' [84]; *riʔʒ 'гора' [104]; *piʔil 'кишка' [115]; *xīʒe 'весна' [140]; *xina 'два' [141]; *xime 'журавль' [142]; *xiʒe 'князь' [181]; *xiʔʒ 'лук' [182]; *ix(л) 'самец' и т. д.

В аринском *i отражается чаще всего как *e*, а в единичных примерах — как *i, a, u* или *o*. В пумпокольском четких рефлексов *i также нет, на месте ПЕ *i засвидетельствованы *o, i, a* или *i* (впрочем, *i* — чаще, чем остальные).

	ПЕ	кет.	юг.	кот.
5.	*ə	ь/л	ь/л	i/a/e

В кетском ь — в первом тоне, л — в остальных. В югском ь — в первом и третьем тонах, л — в остальных. Распределение между коттскими *i, a, e* здесь неясно (возможно, реально был представлен гласный типа /ə/, записывавшийся М. А. Кастреном по-разному). Реже в записях соответствующих коттских слов встречается гласный *o*.

Примеры: *pənlŋ 'песок' [5]; *jəpe 'лист' [7]; *wə- 'отрицательная частица' [16] (коттский имеет здесь *o* под влиянием начального губного *b-/m-*?); *karad 'горло' [31]; *cəŋe 'волосы' [57]; *qəʒ- 'дать' [91]; *rəq- 'товар (пушнина)' [105]; *dale 'ива' [114]; *gəʔt 'дети' [128]; *təga 'грудь' [129]; *həglne 'жердь чума' [132]; *pəʔŋ 'сеть' [138] (коттский имеет здесь *u* под влиянием начального губного *f-*?); *ʔəqan 'варить' [155]; *ʔəqe 'ветвь' [156]; *təq- 'глина, грязь' [157]; *kəqan 'лисица' [161]; *səG- 'тяжелый' [169]; *təʔG 'окунь' [177]; *həri- 'наружу' [190]; *kəqant- 'шея' [192]; *xəjbalʂ- 'сердиться' [208] и т. д.

В аринском ПЕ *ə отражается как *a*, но в единичных случаях встречаются и записи *u, o, i, e*. В пумпокольском наиболее частые рефлексы *ə — это *a* или *o*, но попадаются и *i, i, u*.

	ПЕ	кет.	юг.	кот.
6.	*a	a	a	a

Примеры: *ʔama ‘мать’ [13]; *tat- ‘прямой’ [27]; *ʔaru- ‘хитрый’ [42]; *tʰu/laq ‘гнилушка’ [48]; *talklan ‘мука’ [49]; *ʔaz ‘я’ [64]; *kār₁e ‘война’ [66]; *saGar₁ ‘ночевать’ [67]; *saʔqa ‘белка’ [70]; *ʕaq- ‘бежать’ [85]; *ʕāq- ‘смеяться’ [90]; *la(?)- ‘крепкий’ [112]; *pak- ‘резать’ [126]; *gar ‘vulva’ [127]; *baʔη ‘земля’ [134]; *xaη ‘нос’ [135]; *ʔāη ‘веревка’ [136]; *xaʔq ‘деревья, древесина’ [159]; *haq- ‘хороший’ [164]; *Gɔ/G/ant- ‘голод’ [167]; *puGaʔ ‘хвост’ [170]; *ʔaχ- ‘шесть’ [186]; *har- ‘раб’ [188]; *ʔalg- ‘вид утки’ [199]; *paksam ‘тонкий’ [211]; *χaqtam ‘кашель’ [213]; *battɔp ‘ладонь’ [216]; *kassad ‘подошва’ [217] и т. д.

В аринском ПЕ *a чаще всего дает a, реже попадают написания o, e, i. В пумпокольском в подавляющем большинстве случаев встречаем здесь также a и лишь эпизодически — неясные записи i, o.

	ПЕ	кет.	юг.	кот.
7.	*u	u/i	u/i	u

В кетском и югском рефлекс i обычно налицо после губного согласного (*p или *b) во втором или четвертом тонах³², во всех остальных случаях ПЕ *u > кет., юг. u.

Примеры: *pu- ‘сердце’ [3]; *kulnp ‘горностай’ [6]; *tuʔw- ‘глина’ [19]; *tuxlī ‘гребень’ [23]; *duʔχ- ‘дым’ [30]; *guʔda ‘поясок’ [34]; *sur ‘кровь’ [38]; *xur ‘дождь’ [40]; *ʔaru- ‘хитрый’ [42]; *puʔr ‘ясный’ [44]; *xura ‘влажный’ [45]; *bul ‘нога’ [51]; *bulor ‘чулок’ [53]; *ʔuʔaz ‘ребро’ [65]; *χusa ‘один’ [80]; *jus ‘сто’ [82]; *χūʕa ‘щука’ [93]; *kūī ‘росомаха’ [97]; *huīlη ‘слиюна’ [101]; *suī- ‘желтый’ [102]; *jūta ‘мышь’ [107]; *kuīe(p)- ‘борода’ [115]; *tūī ‘кишка’ [116]; *suga ‘назад’ [130]; *xūsa ‘береза’ [139]; *xus- ‘спать’ [144]; *xus- (/χuʔus-) ‘теплый’ [145]; *(h)uxl- ‘кричать’ [149]; *ʔux- ‘длинный’ [150]; *χux ‘дыра’ [179]; *guwurkan ‘лук’ [200]; *sulpe- ‘ягода’ [202] и т. д.

В аринском и пумпокольском в громадном большинстве случаев мы встречаем здесь также рефлекс u. Лишь изредка в аринском имеются записи o, i или e, а в пумпокольском — o.

	ПЕ	кет.	юг.	кот.
8.	*o	o/ɔ (/u)	o/ɔ	o

В кетско-югском o — в первом тоне, ɔ — в остальных; в третьем тоне (< ПЕ *-VGV-, *-VʔV-) в кетском происходит сужение o: > u:.

³² Исключение — кет. huʔn, юг. fuʔn ‘дочь’ (< ПЕ *puʔn, ср. кот. fun), где перехода u > i не произошло.

Примеры: *ʔob 'отец' [10]; *xowe 'рот' [20]; *xogde 'осень' [33]; *ʔoʔn- 'семь' [37]; *soʔol 'нарта' [50]; *xol- 'щека' [54]; *boʔk 'огонь' [124]; *ʔok 'стерлядь' [125]; *xōŋ 'день, днем' [137]; *pōqe 'глубокий' [158]; *ʔoG- 'луг' и т. д.

В аринском ПЕ *o отражается как o, реже — как u (а в единичных случаях встречаются написания e, a). В пумпокольском *o регулярно дает o (один раз — u, а в стяжении — e (cel 'нарта')).

	ПЕ	кет.	юг.	кот.
9.	*ɔ	o/ɔ	o/ɔ	a

Распределение между o и ɔ в кетском и югском то же, что и в случае с рефлексом ПЕ *o (т. е. старые *o и *ɔ в кетско-югском совпали, но впоследствии снова разделились уже в зависимости от тона).

Примеры: *xɔb- 'спина' [12]; ПЕ *xɔlab 'сторона' [55]; *rɔs 'vulva' [99]; *rɔn 'губа' [100]; *jɔŋ 'икра, яйцо' [106]; *qɔ- 'умирать' [153]; *qɔqɑ 'звезда' [160]; *bɔq- 'рукавица' [162]; *tɔq 'вид утки' [163]; *Gɔ/Gant- 'голод' [167]; *xɔGa 'десять' [172]; *xɔt 'жечь' [180]; *ʔokse 'дерево' [210]; *ʔɔgd- 'ухо' [212]; *tɔpɔl- 'голый' [214]; *battɔp 'ладонь' [216] и т. д.

В аринском ПЕ *ɔ, как и *o, обычно дает o; реже наблюдаются рефлексy a, u. Пумпокольский, однако, в отличие от *o (> пумпокольское o) показывает здесь, как правило, a, что является дополнительным аргументом в пользу реконструкции противопоставления *o—*ɔ в ПЕ³³.

Вокализм конечного слога

Для именных ПЕ корней (точная реконструкция ПЕ глагольного корня — дело будущего) восстанавливаются три типа ауслauta: на согласный, на *-e и на *-a.

Практически без изменений эта система сохранена в коттском (с точностью до колебания -e/-i на месте ПЕ *-e). Что касается кетского и югского, то здесь произошли существенные перемены.

Кетская система

Наиболее архаичная ситуация сохранена в североимбатских диалектах, где ПЕ конечные гласные отражаются следующим образом:

1. ПЕ *-a сохраняется в виде -a после сочетаний согласных, а также после -g- < ПЕ *-g- (bɔlba 'гриб', kljga 'голова', tɔga 'грудь'). В остальных случаях *-a > -ə при исконно долгом корневом гласном (кетский

³³ Перед губным согласным рефлексy в пумпокольском как бы меняются местами: ab 'отец' (< *ʔob), но kolpar 'спина' (< *xɔb или *xɔlap). Возможно, однако, что это лишь неточности записи.

четвертый тон)³⁴, но выпадает при других корневых гласных (ср. *u:śa* ‘береза’ < **χūsa*, *u:tā* ‘мышь’ < **jūta*, *ε:dā* ‘соболь’ < **χēža*, *qu:dā* ‘щука’ < **χūža*, но *saʔq* ‘белка’ < **saʔqa*, *kīl* ‘ворона’ < **kila*).

2. ПЕ *-e дает -∅ после исконных согласных *s, *n, *w, *p, *j при исконно кратких корневых гласных; во всех остальных случаях ПЕ *-e > -a; ср. *ōks* ‘дерево’ (**ʔokse*), *īs* ‘мясо’ (**ʔise*), *dīn* ‘ель’ (**dīne*), *qō* ‘рот’ (**χowe*), *qī* ‘торговля’ (**χipe*; ср. кот. *hari*, юг. *xīp*, ар. (АС) *ul-kobi* ‘продаю’), *qīj* ‘князь’ (**χīje*), но *tε:śi* ‘валенки’ (**cēse*), *i:dā* ‘весна’ (**χīže*), *ε:ne* ‘зять’ (**ʔēne*), *ṽka* ‘ветвь’ (**ʔaqa*), *kōta* ‘зима’ (**gate*), *tīyā* ‘лебедь’ (**čike*), *h:vi* (*/hōvi*^{IV}) ‘глубокий’ (**pōqe*; ср. юг. *f:ʰx*, кот. *fōge*, *pʰōge*), *qōgdi* ‘осень’ (**χogde*) и т. д.

3. ПЕ нулевой ауслаут обычно сохраняется как таковой, однако при исконно долгом корневом гласном (четвертый тон) происходит наращение -a³⁵; ср. *ūl* ‘вода’ (**xuri*), *qaʔj* ‘гора’ (**qāʔj*), *lōn* ‘губа’ (**rōn*), *qūk* ‘дыра’ (**χux*), *śu:!*^{III} ‘нарта’ (**soʔol*), но *ti:ya*^{IV} ‘змея’ (**c/i/k*), *śa:śi*^{IV} ‘камус’ (**sās*), *tɔ:ka*^{IV} ‘вид утки’ (**tōq*) и т. д.

Значительно менее архаичная система представлена в южноимбатских говорах, где конечные гласные (в виде -a, -i) сохраняются только после -g- < ПЕ *-g- и сочетаний с вторыми звонкими согласными (*bōlva* ‘гриб’, *kljga* ‘голова’, *tiga* ‘грудь’, *qōgdi* ‘осень’), но исчезают во всех остальных случаях; ср.: *uś*^{IV} ‘береза’, *ut*^{IV} ‘мышь’, *εr*^{IV} ‘соболь’, *qu*^{IV} ‘щука’, *tεś*^{IV} ‘валенки’, *ir*^{IV} ‘весна’, *εn*^{IV} ‘зять’, *ṽk* ‘ветвь’, *kōt* ‘зима’, *tīy* ‘лебедь’, *hōv*^{IV} ‘глубокий’, *tīy*^{IV} ‘змея’, *śas*^{IV} ‘камус’, *tōv*^{IV} ‘вид утки’ и т. д.

По рефлексам согласных видно, что во всех этих случаях имело место именно отпадение -a (как старого < ПЕ *-e, так и нового < ПЕ *-∅ при долгом корневом гласном), т. е. североимбатская система является исходной. Это доказывается тем, что даже в случае ПЕ нулевого ауслаута велярный *k и увулярный *q, а также дентальные *d, *ž дают здесь звонкие рефлексы — рефлексы, типичные для интервокальной позиции, например: **čike* ‘лебедь’ > *tīyā* (сев.-имб. форма) > *tīy*; **cik* (‘змея’ > *ti:ya*^{IV} (сев.-имб. форма) > *tīy*^{IV}. В противном случае ожидалось бы формы типа *tīy* ‘лебедь’, но *tik*^{IV} ‘змея’.

³⁴ Конечный редуцированный -a в североимбатских диалектах может реализовываться по-разному (в записях встречаются обозначения -a, -e, -i, редко, после увулярных, даже -u). Все эти рефлексы, однако, явно обусловлены позиционно (различными предшествующими согласными), и мы не будем их здесь специально разбирать. Скажем лишь, что в диалектах Б, С (но не К) после согласного s конечный a обычно отпадает (но в других позициях сохраняется).

³⁵ Можно, таким образом, заметить, что североимбатские диалекты во всех словах четвертого тона имеют конечный -a, что несомненно является вторичным развитием, в отличие от архаизма — сохранения противопоставления -∅ — -a (< *-e) при других тонах.

Югская система

Югская система отражения ПЕ конечных гласных практически совпадает с южноимбатской, т. е. конечные гласные сохраняются только после -g- и сочетаний согласных³⁶, а во всех остальных случаях выпадают. В отличие от кетских диалектов, однако, в югском, видимо, никогда не происходило наращения конечного -ə, поскольку все старые звонкие согласные регулярно подвергаются оглушению в конечной позиции.

Примеры, приводившиеся выше, имеют поэтому в югском следующий вид: *bɔlba* 'гриб', *tlga* 'грудь', *u:^{hs}* 'береза', *u:^{ht}* 'мышь', *ε:^{ht}* 'соболь', *xu:^{ht}* 'щука', *saʔx / saʔq* 'белка', *kil* 'ворона', *oksi* 'дерево', *is* 'мясо', *din* 'ель', *xo* 'рот', *xip* 'торговля', *ʃε:^{hs}* 'валенки', *i:^{ht}* 'весна', *ε:^{ht}* 'зять', *ʃx* 'ветвь', *kʔt* 'зима', *ʃik* 'лебедь', *fɔ:^{hx}* 'глубокий', *xɔgdɪ* 'осень', *ur* 'вода', *xaj* 'гора', *lon* 'губа', *xuk* 'дыра', *so:l* 'нарта', *ʃi:^{hk}* 'змея', *sa:^{hs}* 'камус', *to:^{hx}* 'вид утки'.

Влияние отпавших гласных на долготу–краткость корневых гласных в югском будет разобрано ниже (см. с. 202–205).

Аринская система

Несмотря на плохое качество аринских записей, в целом аринский довольно хорошо отражает ПЕ конечные гласные.

1. ПЕ *-a отражается в аринском как -a (графически — -a, -ā, реже -ä) или -∅, при этом -a обычно наблюдается, если в корне широкий гласный, а -∅ — в других случаях (хотя есть и некоторое количество исключений); ср. *sava* 'белка' < **saʔqa*, *toŋa* 'три' < **doŋa*, *amä* 'мать' < **?ama*, *kus* 'береза' < **xūsa*, *kur* 'влажно' < **xura* и т. д.

2. ПЕ *-e отражается в аринском как -e (графически — -e, -i, -ie, реже -ä) или ∅, при этом -a обычно наблюдается после шумных согласных, а -∅ — после сонантов (хотя и здесь есть исключения, включая колебание -e/-∅ в записях одного и того же слова); ср. *ošče, ošši* 'дерево' < **?okse*, *iži* (AC) / *is* 'мясо' < **?ise*, *atie* 'живой' < **?eʔte* (ср. кет. (Castr.) *eäte*, кот. *ēti*, пумп. *ato-du*), *kel* (AC) 'войско' < **kāre*, *tin* 'пихта' < **diñe* и т. д.

3. ПЕ -∅ за единичными исключениями отражается в аринском как -∅; ср. *es* 'бог' < **?es*, *pil* 'нога' < **bul*, *ton* 'нож' < **doʔn* и т. д.

Пумпокольская система

В пумпокольском, по-видимому, нужно различать два типа ауслутов: нулевой и ненулевой (исход на гласный типа -ə, записывавшийся как -i, -e, -u или -a). При этом ПЕ нулевой ауслут всегда сохраняется в пумпокольском как таковой, а ПЕ -e или -a дают пумпокольский

³⁶ При этом, однако, гласные сохраняются после сочетаний любых согласных (в том числе и глухих); ср. юг. *oksi* 'дерево' при кет. *okś*.

ненулевой (-ə) исход; ср. ес̣ь 'бог, небо' < ПЕ *ʔes, ul 'вода' < ПЕ *xur₁, biŋ 'земля' < ПЕ *baʔŋ, diŋe 'ель' < *diŋe, xiŋa 'волос' < *cəŋe, jaxi 'ветвь' < *ʔəqe, uta 'береза' < *xūsa, ciku 'год' < *siGa, tike 'грудь' < *taga и т. д.

Нельзя, конечно, исключить предположение о том, что различия в пумпокольских конечных гласных отражают какие-то ПЕ различия, утраченные в других языках, однако это кажется пока маловероятным (скорее всего, налицо просто колебания в записи нейтрального конечного гласного -ə).

Развитие ПЕ системы гласных в языках-потомках

Кетско-югская система

В кетско-югском можно предполагать следующие процессы развития системы гласных.

1. Превращение четырехугольной системы вокализма в треугольную за счет совпадения гласных *a и *ä (т. е. *ä > a), *o и *ɔ (т. е. *ɔ > o) соответственно.

2. Раздвоение гласных среднего подъема в зависимости от тона слова (см. с. 194–197), т. е. *e > e, ε; *ə > ʊ, л; *o > o, ɔ. В основном это процесс, в равной степени характерный как для кетского, так и для югского; некоторое различие, однако, заключается в том, что в третьем тоне (ПЕ *-VʔV-, *-VQV-) в югском гласный *ə дает ʊ, а в кетском — л.

3. В самое последнее время в кетском (но не югском) наблюдается тенденция к восстановлению четырехугольной системы гласных. В ряде позиций отмечены переходы a > ä (в имбатских говорах) и a > ä, a > â (в говорах Б, С). Это привело к возникновению в говорах Б, С новой четырехугольной системы:

i	ï	u
e	ь	o
ε	л	ɔ
ä	а	â

Однако пока гласные ä и â все еще остаются лишь вариантами фонемы a (в четко определенных фонетических условиях), поэтому выше они никак не нотируются.

Что касается развития конечных гласных, то уже в ранний (общекетско-югский) период произошло отпадение конечного -a (*-a > -∅)³⁷. Напротив, гласный -e сохранялся в виде нейтрального -ə³⁸.

³⁷ Кроме немногих случаев, оговоренных выше (позиция после -g- и сочетаний согласных).

³⁸ Отпадение -ə после некоторых согласных в кетском (см. с. 198), очевидно, совсем позднее явление.

Далее кетская и югская системы развивались по-разному. В югском происходило отпадение *-ə*, вызывающее заместительное удлинение краткого корневого гласного. В таком виде югская система существует и сейчас.

В кетском при наличии в корне долгого гласного возникал новый конечный *-ə*, совпадавший со старым *-ə < *-e*. В таком виде система конечных гласных представлена в настоящее время в североимбатских говорах. В южноимбатских уже произошло дальнейшее отпадение *-ə > -∅*, приведшее к тому, что подавляющее большинство слов в этих говорах имеет консонантный исход.

Коттская система

По записям М. А. Кастрена для коттского устанавливается следующая система гласных:

i		u
e	(ə)	o
	a	

Предполагать наличие гласного типа *ə* можно бы было исходя из рефлексии в коттском ПЕ **ə (> кот. i/a/e* — на самом деле, возможно, один гласный, записывавшийся по-разному). У М. А. Кастрена встречаются также знак *ä* и дифтонг *eä*, причем первый, по всей видимости, является факультативным обозначением ауслатного *-a*, а *eä* — факультативным обозначением гласного *e* в тоне типа кетского второго (т. е. *-eʔ-*). Для коттского, как и для кетско-югского, характерно развитие старой четырехугольной системы в треугольную. Однако в отличие от кетско-югского, где этот процесс шел «слева направо» (т. е. **ä > a, *ɔ > o*), в коттском он происходил «справа налево» (**ɔ > a, *ä > e*). Кроме того, произошел переход **i > i*, приведший к распаду гласных среднего ряда; правда, так до конца и не ясна судьба в коттском ПЕ **ə* (был ли в коттском такой гласный или колебание *i/a/e* на месте ПЕ **ə* действительно отражает переходы **ə > i, *ə > e, *ə > a* в каких-то еще неизвестных позициях?).

ПЕ ауслатный вокализм коттский в целом сохранил хорошо, за исключением колебания *-e/i < ПЕ *-e* (возможно, однако, что колебание это лишь графическое).

Аринская и пумпокольская системы

Делать какие бы то ни было выводы о развитии ПЕ вокализма в этих языках было бы весьма рискованно из-за чрезвычайно низкого

уровня записей (замечания о развитии отдельных гласных в аринском и пумпокольском см. выше *passim*).

Просодия

В этом разделе мы кратко рассмотрим основные соответствия между долготами и тонами кетского и югского языков³⁹. Остальные енисейские языки оказываются здесь малоинформативными. Хотя и можно предполагать, что они обладали как тональной системой, так и системой противопоставлений по долготе, записи XVIII в. очень плохо отражают эти противопоставления. Даже относительно качественные записи коттских слов М. А. Кастрена демонстрируют чрезвычайную путаницу при обозначении долгот. Можно быть уверенным, что если в коттском слове записаны дифтонги *-eä-*, *-oa-*, то налицо был тон типа кетского второго (глоттализированного, при котором некоторые гласные дифтонгируются). Однако обратное неверно, т. е. запись типа *-e-*, вероятно, также могла обозначать гласный *-e-* в том же тоне.

Для ПЕ, судя по кетско-югским данным, можно восстанавливать противопоставление гласных по долготе — краткости и два тона: глоттализированный и неглоттализированный. Термин «тон» здесь употребляется условно, поскольку, вообще говоря, мы не знаем, были ли эти «тоны» противопоставлены мелодически (как это имеет место в современных языках) или только глоттализацией (гортанной смычкой). Возможно, лучше было бы говорить о ПЕ просодемах (без дальнейшего уточнения)⁴⁰.

Восстанавливаются следующие основные просодические типы производных основ:

	ПЕ	кет.	юг.
1.	*Cṽ	Cṽ ¹	CV ¹

Кетский и югский имеют здесь первый тон (в югском высокий ровный, а в кетском ровный), но гласный в этом типе в югском краткий,

³⁹ Более подробный разбор см.: [Вернер 1974].

⁴⁰ Долготу в енисейских языках удобно относить к просодии, поскольку обычно в слове не встречается более чем один долгий гласный (играющий, таким образом, как бы роль вершины словоформы); кроме того, долгота–краткость оказывают влияние на тон. Гортанную смычку в ПЕ (не в начальной позиции) также удобно считать просодемой, а не собственно полноправным согласным, поскольку она нарушает некоторые правила сочетаемости, типичные для согласных (недопустимость сочетаний *-CC* в аудите).

а в кетском полудолгий. Корней с такой структурой в ПЕ очень мало. Ср.: ПЕ **pi* ‘ягода (черемухи)’ > кет. *hī*, юг. *fi*, кот. *fi*, *p^{hi}* ‘Traubenkirsche (Prunus padui)’; ПЕ **su* ‘рябчик’ > кет. *šū*, юг. *su*, кот. *šu*.

	ПЕ	кет.	юг.
2.	*Cṽ?	CV? ^{II}	CV? ^{II}

Здесь в кетском и югском представлен второй тон (высокий восходящий или восходяще-нисходящий с факультативной гортанной смычкой) с обязательной краткостью гласного. Корней с такой структурой в ПЕ также немного. Ср.: ПЕ **di?* ‘шапка’ > кет. *di?*, юг. *di?*, кот. *ti*, *te*, ар. *teu* (не вполне ясно, как сюда относится пумп. *tajs*); ПЕ **χɔ?* ‘рог’ > кет. *qɔ?*, юг. *χɔ?η* (форма старого мн. ч.; ср. кет. *qɔ?η*), кот. *hau*.

	ПЕ	кет.	юг.
3.	*CṽC	CṽC ^I	CVC ^I

Просодические характеристики в кетском и югском здесь те же, что в типе 1. Корней структуры CṽC существенно больше, чем первых двух типов; ср. **bej* ‘ветер’ [8], **bis* ‘вечер’ [9], **ʔob* ‘отец’ [10] и т. д.

	ПЕ	кет.	юг.
4.	*Cṽ?C	CV?C ^{II}	CV?C ^{II}

Просодические характеристики те же, что в типе 2. Корней структуры Cṽ?C также довольно много; ср. **pä?j* ‘кедр’ [1], **gʔid* ‘жир’ [32], **pu?r* ‘ясный (о погоде)’ [44] и т. д.

	ПЕ	кет.	юг.
5.	*CṽC	CV:Cə ^{IV}	CV:hC ^{IV}

Здесь в кетском и югском налицо четвертый тон. В югском он низкий восходяще-нисходящий, гласный при этом долгий и сильно ларингализованный. В кетском североимбатские говоры имеют восходяще-нисходящий тон низкого регистра с долгим гласным и факультативной ларингализацией. Как указывалось выше, североимбатские говоры практически не содержат слов структуры CV:C^{IV}, а добавляют на конце *-ə*. Южноимбатские говоры этого *-ə* не имеют; четвертый тон реализуется в них как нисходящий, гласный при этом краткий и ларингализация отсутствует (т. е. сев.-имб. CV:Cə^{IV} — юж.-имб. CVC^{IV}). Корней такого типа довольно мало. Ср.: ПЕ **sās* ‘камыс’ > кет. Ю *śaś^{IV}*, К *śa:śi^{IV}*, юг. *sa:hś^{IV}*, кот. *šēt*; ПЕ **bīr^I* ‘далекий’ > кет. Ю *bi^{IV}*, С *bi:í(ə)^{IV}*, юг. *bi:h^{rIV}*, кот. *pīl*, *pil* (ср. также аринский (AC) *pa-ta* < **pal-ta* ‘далеко’) и др.

	ПЕ	кет.	юг.
6.	*CṼCa	CṼC ^I	CVC ^I
	*CṼCe	CṼCə ^I	CṼC ^I

Характеристики первого тона, а также о развитии в кетском и югском конечных гласных см. выше. Типичным является удлинение гласного в югском при отпадении *-ə* < ПЕ **-e*, что привело к фонологизации трех ступеней долготы гласных в югском (в первом тоне — краткие или полудолгие, в третьем и четвертом — долгие).

Нужно отметить, что если в первом случае (*CṼCa > CVC) в югском исключений нет, то во втором (*CṼCe > CṼC) — несколько слов отклоняется, т. е. они имеют краткий гласный (например, *din* ‘ель’ < ПЕ **dīne*); причины этого пока неясны.

Многочисленные примеры корней данного типа см. выше (**caŋe* ‘волосы’ [57], **sika* ‘четыре’ [121], **čike* ‘лебедь’ [123] и др.).

	ПЕ	кет.	юг.
7.	*CṼ?CV	CV?C(ə) ^{II}	CV?C ^{II}

Характеристики второго тона см. выше. Слов структуры *CṼ?CV восстанавливается немного (ср. **gu?da* ‘поясок’ [34], **sa?qa* ‘белка’ [70] и др.). Интересно, что практически нет корней структуры *CṼ?Ce (только *CṼ?Ca)⁴¹.

	ПЕ	кет.	юг.
8.	*CṼCV	CV:Cə ^{IV}	CV:hC ^{IV}

См. под № 5 (только по кетским и югским данным типы 5 и 8 различить нельзя — необходимо привлечение коттских данных). Корней типа *CṼCV восстанавливается довольно много; ср. **xūsa* ‘береза’ [139], **xūža* ‘щука’ [93], **xīže* ‘весна’ [140], **cēse* ‘валенки’ [56] и т. д.

Восемь перечисленных структурных типов исчерпывают подавляющее большинство ПЕ непроемных основ. Особый вопрос — реконструкция просодии в корнях структуры CVCVC. Слова этого типа принадлежат в кетском и югском обычно к одному из двух краткосложных акцентных типов — с повышением тона на первом (тип V) или втором слоге (тип VI); ср. кет. *kulep^{VI}*, юг. *kulep^{VI}* ‘горноста́й’, кет. *tuyūn^V*, юг. *tugūn^V* ‘гребень’ и др. Пока еще неясно, что нужно восстанавливать здесь в ПЕ: либо противопоставление по долготе–краткости, либо по

⁴¹ Возможно, лишь корень **e?te* ‘живой’ > кет. (Castr.) *eite* = /ε?tə/ (?), юг. (Castr.) *eit* = /ε?t/, кот. *ēti*, ар. *atie*, пумп. *ato-du*.

глоттализиции (и то и другое противопоставление в словах такого типа в современных языках нейтрализовано). Как будто бы есть основания (в именных парадигмах) связывать тип *CVVCVCV* с типом **CVʔC* (о котором см. с. 203), однако этот вопрос требует еще дополнительного изучения.

Особого рассмотрения в связи со становлением современных енисейских просодических систем заслуживает вопрос о стяжениях в результате выпадения интервокальных согласных. Здесь нужно различать два случая.

1. Выпадение согласных в структурах *CV(?)C*, *CV(?)CV*. Как югский, так и кетский имеют в таких случаях первый или второй тон при исконной краткости или глоттализиции, но третий тон⁴² при исконной долготе корневого гласного. Ср.: ПЕ **jāpe* 'лист' > кет. *л:III* (но юг. *л:hpIV*, поскольку нет выпадения согласного); ПЕ **χʔGa* 'сарана' > кет. *qʔʔII*, юг. *χʔʔII* (ср. кот. *haga* 'Lilienzwiebel'); ПЕ **χʔGa* 'десять' > кет. *qʔI*, юг. *хоI*; ПЕ **sīGa* 'год' > кет. *śi:III*, юг. *si:III*; ПЕ **ʔiG* 'имя' > кет. *īI*, юг. *iI* и др. Таким образом, при исконно кратких гласных в корне выпадающий согласный никак не влияет на результирующий тон.

2. Выпадение среднего согласного в структуре *CVVC*. Кетский практически всегда имеет в таких случаях третий тон⁴³; что касается югского, то здесь обычен также третий тон, а если корень заканчивается на *-r*, то четвертый; ср. ПЕ **puGaz* 'хвост' > кет. *hu:tIII*, юг. *fu:tIII*, но **saGar1* 'ночевать' > кет. *sa:III*, юг. *sa:hrIV*. Подробнее о связи югских *r*, *l*, *l̄* с тонами см.: [Вернер 1974: 19].

ВНЕШНИЕ СВЯЗИ ЕНИСЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ

Вопрос о внешних связях енисейских языков уже давно привлекает к себе внимание исследователей. Однако его разрешение наталкивается на ряд объективных трудностей. Прежде всего они обусловлены тем фактом, что енисейские языки (кетский, югский, коттский, аринский, пумпокольский), образуя достаточно компактное языковое единство, в то же время не имеют близких внешних генетических связей, т. е. таких, характер которых не подвергался бы сомнениям. Это предъясняет к

⁴² В югском и кетском третий тон высокий восходяще-нисходящий, без ларингализации, с долготой гласного.

⁴³ Лишь в очень немногих случаях в кетском появляется здесь первый тон, однако обычно в свободном варьировании с третьим (ср. *tīI* / *ti:īIII* 'низовье реки', юг. *tī:rIII*, кот. *thegül*, *thigal* < ПЕ **tiGar1* и др.).

исследованию внешних связей енисейских языков некоторые специфические требования, о которых мы скажем ниже.

В настоящее время существуют две базисные гипотезы о внешних связях енисейских языков.

1. Предположение о принадлежности енисейских языков к так называемому палеоевразийскому языковому типу, в который входят баскский, иберийско-кавказские, бурушаски, сино-тибетские и «палеоазиатские», а также по крайней мере некоторые североамериканские языки. Не все исследователи перечисляют один и тот же набор «палеоевразийских» языков, однако так или иначе идея о подобной сфере внешних связей енисейских языков присутствует в работах А. Тромбетти [Trombetti 1902; 1913; 1923; 1926], Г. Рамстедта [Ramstedt 1907], К. Доннера [Donner 1916], Э. Леви [Lewy 1933], К. Боды [Bouda 1936, 1937a; 1937b; 1939; 1949; 1950a; 1950b; 1952; 1955; 1956; 1957], О. Тайера [Tailleur 1958], Н. Холмера [Holmer 1953], А. Йоки [Joki 1946], А. П. Дульзона [Дульзон 1968; 1968a], В. Н. Топорова [Торогов 1971].

2. Предположение о связях енисейских и ностратических языков. Эта гипотеза поддерживается, как кажется, только Г. К. Вернером [Вернер 1977] и Г. Т. Поленовой [Поленова 1977].

Ввиду изолированности (в смысле отсутствия «ближайших родственников») енисейских языков методологически необходимо всякое внешнее сравнение их производить на уровне реконструкций; вряд ли можно ожидать хороших результатов от сравнения, скажем, современного кетского языка с китайским или с табасаранским (учитывая глубокую древность сино-тибетской и северокавказской языковых семей, необходимо считаться с фактом колоссальных фонетических перестроек, произошедших за время от распада названных семей до наших дней). При этом должны иметься реконструкции как енисейской фонетической системы, так и фонетических систем языковых семей, привлекаемых к сравнению. В данном смысле сравнения Г. К. Вернера (енисейско-ностратические) находятся в более выгодном положении, чем сравнения авторов — сторонников «палеоевразийской» гипотезы, поскольку они опираются на реконструированные праенисейскую и праностратическую системы.

Тем не менее нам все же представляется в настоящее время более перспективной (хотя и со многими оговорками) первая из упомянутых выше гипотез. Подробное обсуждение всех аргументов «за» и «против» заняло бы слишком много места, и в данной статье мы будем приводить лишь аргументы (словарные сопоставления) в пользу первой гипотезы.

Необходимо сразу сделать несколько оговорок.

1. Поскольку сравнение с изолированными языками, какими являются баскский и бурушаски, на уровне реконструкций невозможно, эти языки к сравнению не привлекаются. По аналогичной причине не используются такие «палеоазиатские» языки, как юкагирский и нивхский.

2. Картвельские языки, как это убедительно показано в работе В. М. Иллич-Свитыча [ОСНЯ I], являются ностратическими; в то же время принадлежность к ностратическим остальным кавказским языкам (нахско-дагестанским, абхазо-адыгским) отнюдь не очевидна. Автор данной статьи придерживается точки зрения (более или менее отчетливо выраженной в работах: [Trubetzkoy 1930; Абдоков 1976]), согласно которой нахско-дагестанские языки вместе с абхазо-адыгскими составляют одну северокавказскую семью языков, а картвельские языки непосредственного отношения к этой семье не имеют.

3. В работах К. Боуды и некоторых других исследователей к сравнению вместе с данными китайского, тибетского, бирманского и других сино-тибетских языков привлекаются также данные тайских языков (в основном сиамского). Однако в настоящее время можно считать доказанным отсутствие непосредственного родства тайских и сино-тибетских языков и принадлежность первых к «австро-тайской» семье (куда кроме тайских относятся еще австронезийские языки) [см.: Benedict 1975; Яхонтов 1977в]. Следовательно, оправданным может быть лишь сравнение енисейских с собственно сино-тибетским материалом.

4. Автор не занимался специально сравнением енисейских, сино-тибетских и северокавказских языков с чукотско-камчатскими и североамериканскими. Что касается чукотско-камчатских, то есть как будто бы довольно веские аргументы в пользу их принадлежности к ностратическим языкам, см.: [Головастиков, Долгопольский 1972]. Что касается североамериканских языков, то, согласно устному сообщению С. Л. Николаева, наибольший интерес представляет поиск связей вышеупомянутых «палеоевразийских» языков с языками на-дене, стоящими особняком среди других американских языков (о возможной связи на-дене с сино-тибетскими см. [Shafer 1952]).

Мы очертили, следовательно, круг языков, сравнение которых с енисейскими нам представляется наиболее перспективным. В настоящее время степень изученности исторической фонетики енисейских, сино-тибетских и северокавказских языков уже такова, что, по нашему мнению, возможно эффективное сравнение их между собой.

Объем настоящей работы не позволяет, однако, подробно рассмотреть весь массив имеющихся у нас сближений между енисейскими, северокавказскими и сино-тибетскими языками. Мы остановимся поэтому лишь на словарных сходениях между енисейскими и северокавказскими языками⁴⁴, причем лишь на именных и местоименных корнях, а также на некоторых именных служебных морфемах (реконструкции и сравнению глагольных корней в енисейских и северокавказских языках ввиду специфичности этой проблематики должна быть посвящена отдельная работа). Даже ограниченный таким образом круг сближений мы вынуждены сильно урезать, оставив лишь сближения, представляющиеся нам наиболее характерными.

Ниже используется праенисейская реконструкция автора. Северокавказская реконструкция выполнена автором совместно с С. Л. Николаевым⁴⁵. Сино-тибетская реконструкция как таковая пока еще предложена быть не может, однако достаточное представление о прасино-тибетском уже можно получить на основании тибето-бирманской [Benedict 1972] и древнекитайской [Старостин 1979] реконструкций.

Ниже приводится материал.

(1) ПЕ **pärp*- 'бедро' (кет. *härp*, pl. *ha:ŋ*, юг. *fap*, pl. *fafŋ*, кот. *fēpar*, *phēpar*): ПЛ **pilmp* 'колени' > арч. *polmp*, крыз. *pip*, буд. *per*; ср. также формы с *p̄*: лезг., таб. *p̄ip* 'угол'. Ср. еще ПТБ **bor* 'нога, икра ноги' [Benedict 1972: 20].

(2) ПЕ **puʔn* 'дочь' (кет. *huʔn*, юг. *fuʔn*, кот. *fun*), **puʔb* 'сын' (кет. *hiʔp*, юг. *fiʔp*, кот. *fur*). Здесь *-n* и *-b*, по всей видимости, являются суффиксальными показателями пола (*-n* вместо обычного *-m* по диссимиляции с начальным губным — женского, *-b* — мужского). Собственно корнем нужно считать **puʔ*-. ПАТ **pa* 'сын' > абх. *a-pa*, абаз. *pa*). Есть основания считать, что тот же корень представлен в начальном **pə*- ПАА **pə-χ^wl* 'дочь' > уб. *p̄χa*, ад., каб. *p̄χ^wə*, абх. *a-p̄ha*, абаз. *p̄ha*.

⁴⁴ Специфические северокавказско-сино-тибетские параллели в данной работе, естественно, не рассматриваются вообще. Исключены и специфические енисейско-сино-тибетские параллели; сино-тибетские материалы привлекаются лишь в тех случаях, когда рассматриваемый корень налицо во всех трех группах языков (северокавказских, енисейских и сино-тибетских).

⁴⁵ На основании прадагестанской реконструкции, сделанной автором данной работы совместно с С. Л. Николаевым (результаты частично опубликованы: [Старостин 1976а; 1976б; Николаев 1978]), прапахской реконструкции Николаева (довольно существенно, в основном в области консонантизма, отличающейся от реконструкции Д. С. Имнайшвили [Имнайшвили 1977]) и праабхазо-адыгской реконструкции самого автора [Старостин 1978].

(3) ПЕ **piʔi* 'кишка' (см. [115]): ПД **peherʃl* 'кишка' (ПА **boʃi* > авх. *baʃi*, анд. *boʃ*, тинд. *baʃi* и т. д.; ав. *baʃ*; ПЦ **boʃ(ɔ)* > цез. *biʃ*, гунз. *baʃa*, бежт. *baʃa*; ПЛ **pāwʃ-* > арч. *babʃw* 'кишка', уд. (?) *buqun* 'живот, желудок'); ПН **bʃara* (чеч. *baʃara* 'кишка, колбаса'). Ср. также ПТБ **pik* 'внутренности, кишки' [Benedict 1972: 21].

(4) ПЕ **piʔt* 'клей' (кет. *hiʔt*, юг. *fiʔt*, кот. *fiʔt*): ПД **pʰinʃw* 'смола' (ав. *piʃ*; ПА **pinʃi* > авх. *miʃi*, анд. *pirʃi*, тинд. *miʃi*; лак. *piʃ*; дарг. *penʃ*); ПН (чеч. *tutta* 'сок').

(5) ПЕ **pɪl-* (~ *-r-*, *-rɪ-*) 'ребенок' (ар. *al-polat*, *ol-polat* 'дитя', пумп. *phalla*, *fala* 'мальчик, сын'): ПД **paɦaʃl* 'мальчик, детеныш' (ПЛ **paʃl* 'мальчик' > таб. *baj* / *baʒ* 'сын, мальчик', аг. *baʒ* 'сын', лезг. *paʒ* 'внебрачный ребенок'; ПЦ > бежт. *ʃap-an* (< **paʃ-an*) 'детеныш, птенец'). Интересно отметить также ДК **bōk* 'слуга' (семантическое соотношение 'ребенок' — 'слуга' обычно).

(6) ПЕ **pɔʔq* 'экскременты, грязь' (кет. *hɔʔq*, юг. *fɔʔx* / *fɔʔq*, кот. *fōk*, *fōx*, *phōk* 'экскременты, грязь', *fago*, *phaqo* 'грязь'): ПД **pʰiɦiʃw* 'понос, кал' (арч. *purx* 'жидкое испражнение, понос', лезг. диал. *piʃ* 'кал' и др.); ПН **bʃōxi* 'грязный' (чеч. *bōʃa*, инг. *bʃeʃa*). Для енисейского корня нельзя исключить и возможность тюркского происхождения [Bouda 1957: 76].

(7) ПЕ **pɪk-* 'утро' (кет. (М., Сл.) *hiqem*, пумп. *sil-paga*): ПД **pəkl* 'утро; рассвет / сумерки' (ПЛ **paqa-* > лезг. *paqa* 'завтра', *paqata* 'утро, рассвет', рут. *bigal/baga* 'завтра', уд. *begü* 'вечер, сумерки'; хин. *paga* 'завтра'; ав. *bog* 'вечер, ужин'; кар. *bogoʃ* 'вечером' и т. д.).

(8) ПЕ **jəpe* 'лист' (см. [7]): ПСК **ʃepʰi* 'лист' > ПД **ʃepʰi* (ПА [**ʃop-*] > чам. *apal* / *lapā*; лак. *ʃari*; дарг. *qari* / *qari* / *qare*); ПАА [**ʃara*] (ПАК **tha(m)pa* > ад. *thāp*, каб. *thampra*). Ср. также ПТБ **lap* 'лист' [Benedict 1972: 70] и ДК **lap* id. Нельзя не отметить сходство приводимого енисейского, северокавказского и тибето-бирманского материала с ностратическим **lapl* 'лист' (см. в частности [ОСНЯ II: 23–25, 33–34], слова со значением 'лист'). Сближение енисейского и ТБ см.: [Bouda 1957: 82].

(9) ПЕ **qä(?)p* (~ *-b*) 'лодка (берестяная)' (юг. *xaʔp/xap*, кот. *xep*, *khep*): ПСК **qʷapa* 'сосуд; лодка' > ПД **qʷapa* 'сосуд' (ПЦ > хварш. *χира* 'черпак'; ав. *qaba* 'горшок'); ПН **qāpa* 'глиняный горшок' (чеч. *qāba*, инг. *qaba*); ПАА **Gəba* 'лодка' (ПАТ **yəba* > абх. *a-ʋba*, абаз. *ʋba*; уб. *ʋəba*). Ср. также ДК **qhāp* 'деревянная чашка, сосуд'. Сходное название сосуда распространено и в ностратических языках; ср. н. **qarl* (~ **qarl*) 'сосуд' [МССНЯ: 366].

(10) ПЕ **čip* (~ *-b*) 'собака' (см. [86]): ПД **čʰirp* 'сука' (ПА **čiba* > тинд. *čiba*, чам. *čiba*, кар. *čiba*; возможно, сюда же относится /с метатезой/ таб. *barči* 'ищейка').

(11) ПЕ *ʔaral ‘холостой’ (кет. *l:l*, юг. *lfi:l*, кот. *ipal* ‘свободный’): ПСК */ʔ/лрлј ‘сирота’ > ПД (дарг. *ubaj* ‘родственник по второму браку (пасынок, падчерица, мачеха, отчим)’); ПН *bā-du ‘сирота’ (чеч. *bō*, инг. *bo*, бцб. *bad*; *-du, вероятно, старый адъективный суффикс); ПАА *jɒbɪa ‘сирота’ (ПАК *jɒba > ад., каб. *jəba*; ПАТ *jɒba > абх. *a-jba*, абаз. *jəba*; уб. *jabla*; без местоименного префикса 3-го лица *jɪ- тот же корень налицо в ПАК сложении *s^waz-aba ‘вдова’). Следует отметить также ПК форму *obol- ‘сирота’, имеющую, видимо, СК источник (сближение ПК и СК материала см.: [Климов 1963: 149–150; Bouda 1950a: 292]; отмечается также сходство с ПИЕ *orbho- ‘сирота’).

(12) ПЕ *kup (~ g-) ‘клюв’ (кет. *kūr*, pl. *ku:n*, юг. *kup*, pl. *kufin*); ПД *qI^wepɪ ‘клюв’ (лак. *qilpa*; аг. *qip*).

(13) ПЕ *bäk- ‘бревно, чурка, кряж’ (кет. *bāyɔ*, юг. *bāk*, кот. *pēg*, *pēx*): ПСК *pənĠ(I)u > ПД *pənĠ(I)u (ав. *toq* ‘жердь’; ПА *miqɪl ‘шест’ > авх. *miqe*, тинд. *miqi* и др.; ПЦ *malq > цез. *malq* ‘короткая палка в заборе’, гунз. *maq* ‘вертикальная палка в заборе’, бежт. *māq* ‘кол’; ПЛ *marq > таб. *marv* ‘шест, палка’, аг. *marv* / *marɣ* ‘пастушеский посох’); ПН *bāqi (инг. *beqa* ‘жердь’); ПАА *b(ə)q^wə ‘столб, бревно, свая’ (ПАК *baqawə > ад. *pqaw*, каб. *pqow* / *baqow*; абх. *a-baq^w*). Ср. также ДК *pāk ‘колонна, столб, маленькая колонна на перекладине’.

(14) ПЕ *bis ‘вечер’ (см. [9]): ПСК *pnsal (~ s) ‘вечер, ночь’ > ПН *busɪ (чеч. *busa* ‘ночью’, *būsa* ‘ночь’, инг. *bus* ‘ночью’, *bijsa* ‘ночь’, бцб. *bujs* ‘ночью’, *bujsa* ‘ночь’); ПАА [*p/sə] (уб. *z^wa-psə* ‘вечер’ / *z^wa* = ‘небо’/). Сближение енисейского и нахского материала см.: [Bouda 1957: 94].

(15) ПЕ *bat(t)- ‘лицо’ (кет. *bāt* / *battat*, юг. *ba:t*, *battat*): ПД *məɫɪ ‘лицо’ (ПЦ *moto ‘лицо’ > гунз., бежт. *mofo*; лак. (*šunšu*)-*mati* ‘морда’).

(16) ПЕ *b- (*ʔab-) ‘мой’ (кет. *āp* / *ābə*, юг. *ap*, кот. *m-inšo* < *b-inšo; ср. также кет. *ba-/bo-* ‘показатель 1-го лица в глаголе’): ПД *nɪ ‘я’ (лак. *na*; дарг. *ni*). Ср. ПТБ *ηa ‘я’ [Benedict 1972: 93], ДК *ηa ‘я’. Внешнее несходство ПЕ и ПД форм объясняется развитием *η > *n в ПД и *η > *m > *b в ПЕ, где носовые в анлаутной позиции невозможны (см. с. 150).

(17) ПЕ *bul ‘нога’ (см. [51]): ПСК *mähäx^hə ‘ноготь, копыто’ > ПД *mɣeɫ^hu / *ɫ^hemɣu (ав. *mal* ‘ноготь, коготь, копыто’; ПА *miɫu > авх. *miɫo*, анд. *mil* ‘ноготь, коготь’, чам. *lit* ‘копыто’ и т. д.; ПЦ *mɔɫu > цез. *толи* ‘ноготь’, гунз. *malu* ‘ноготь, коготь, копыто’ и т. д.; лак. *mix* ‘ноготь’; дарг. *teka* / *mi^wa* / *ni^wa* ‘ноготь, коготь, копыто’; ПЛ *ɫäm- > таб. *šib* / *šaw*, рут. *ɣäb* ‘ноготь’, уд. *muɣ* ‘ноготь, коготь’ и т. д.; хин. *čimi* ‘ноготь’); ПН *mɣāra ‘ноготь’ (чеч., инг. *mɣāra*, бцб. *mɣajr*); ПАА [*məɫə] (ПАТ *məxə ‘ноготь’ > абх. *a-ša-mxə-s*, абаз. *ša-mxə* ‘ноготь ноги’ / *ša* ‘нога’ / и т. д.). Ср. также тиб. *r-mig* ‘копыто’. Не исключена возможность

альтернативного сравнения ПЕ **bul* с тиб. *bol* 'верхняя часть ноги' [Bouda 1957: 80]; к этому же корню нужно отнести ДК **bəj* (< *-l) 'икра ноги'. Из СК материала в таком случае можно бы было привлечь цез. *bula* 'копыто; нога животного' (и, возможно, ав. *mal* 'нога', хотя начальный *m*-аварской формы требует специального объяснения).

(18) ПЕ **bat-* 'колено' (кет. *bat-pul*, юг. *bat-pil* 'колено', ас. *pul-patap* 'плюсна', ар. *patas* 'колено', *karam-pat* 'локоть'): ПД **porc^hl* 'бедро; лапа' (ав. *purci* 'окорок (у животных)'; ПЛ **pac* 'лапа' > таб. *bas*, лезг. *pac*). Ср. также ПТБ **put(s)* 'колено' [Benedict 1972: 16–17], ДК **pat*, **pit* 'наколенники'.

(19) ПЕ **bid-* 'крепкий, прочный' (кет. *bit*, юг. *bit*, *bidam*): ПСК **pl^hl* 'крепкий, плотный, прочный' > ПН **butob* (чеч. *butū*, инг. *butuv* 'крепкий, плотный'); ПАК **pəta* 'крепкий, прочный' > ад. *pəta*, каб. *bəda*. Сближение енисейского и адыгского материала см.: [Bouda 1957: 94].

(20) ПЕ **bəs-* 'вдова / вдовец; сирота; слуга' (кет. *blassem* 'вдова', *blššal-git* 'вдовец', юг. *blassem* 'вдова', кот. *paš-ūr-še* 'сирота, вдова, вдовец' / ср. также ас. *pašur jalı* 'пасынок', ар. *pas* 'раб', *bi-pas* '(мой) слуга', *bi-pašša* '(моя) служанка'. Тот же корень, очевидно, используется в качестве второго элемента сложений в кет. *op-pas* 'отчим' / *ōp* 'отец', *am-mas* 'мачеха' / *ām* 'мать', юг. *fip-pas* 'пасынок' / *fip* 'сын', *fun-nas* 'падчерица' / *fu?n* 'дочь'): ПСК **p^hsl/ı* 'сирота; родственник по второму браку (мачеха, отчим, пасынок)' > ПД **p^hsl* 'сирота' (ав. *bes-dal*; ПА **beš-dal* > кар. *bestala-b*, год. *besdal* и т. д.); ПАА **p^hsl* (ПАТ **-pəša* > абх. *an-pša* 'мачеха', *ab-pša* 'отчим', абаз. *an-psa* 'мачеха', *ab-psa* 'отчим', *pa-psa* 'пасынок'; ПАК **-pəsə* > каб. *āna-na-pas* 'мачеха', *āda-na-pas* 'отчим' и т. д.).

(21) ПЕ **bej* 'ветер' (см. [8]): ПСК **miwh^hl* 'запах' > ПД **miwh^hl* (ав. *maḥ*; ПЛ **ni?* > таб. *ni?*, аг. *ni?*, крыз. *neʕ* и др.); ПАА **ma* (ПАК **ma* > ад., каб. *ma*; уб. *mə-sa*). Ср. также ПН **moḥ* (чеч., инг. *moḥ* 'крик, стон')

(22) ПЕ **ʔob* 'отец' (см. [10]): ПСК **ʔorl-* 'отец' > ПД **ʔorl(j)* (ПЦ **ʔbu* > цез. *obu*, гунз. *ɔbu* и т. д.; лак. *pu*; ПЛ **ʔaraj* > арч. *ab-tu*, таб. *aba*, крыз. *bäj* и т. д.); ПАА **(a)p:ə* (ПАТ **abl* > абх. *ab*, абаз. *aba*; уб. *t^wə*; видимо, также ПАК **ata* / **tə* > ад. *tə*, каб. *āda*). Ср. еще ПТБ **ba* 'отец' [Benedict 1972: 19], ДК **ba* 'отец'. Данный корень несомненно не является доказательным (ввиду его распространенности в самых различных языках), но мы все же сочли возможным его привести.

(23) ПЕ [**dōb-*] (кет. *də:və* / *də:bə*) 'запор для ловли рыбы': ПЛ **təp* (таб. *təp-ar* 'западня', аг. *taw-ar* 'капкан, ловушка', лезг. *təpar* / *dəp-ar* 'замок', рут. *təp* 'мышеловка').

(24) ПЕ **qam-* (~ x-) 'женщина' (кет. *qim*, юг. *xem* / *xim*, ар. *bi-qamal* '(моя) жена', *kemelä* 'женщина'; ср. также пумп. *ils-em* < **ils-qem* 'жена'):

ПД **q^hamt* ‘женщина’ (ПЛ **χот-/лр/* ‘самка, женщина’ > арч. *χот* ‘женщины’, таб. *χирir* ‘женщина’, аг. *χитb-ar* ‘женщины’, крыз. *χinib* ‘женщина, жена’; лак. *qami* ‘женщины’).

(25) ПЕ **duma* ‘птичка’ (кет. *dūm*, юг. *dil-tim*, кот. *al-tūma*): ПСК **ṭimḥl* ‘название птицы’ > ПД **ṭimḥl* (ПЦ **ṭimə* ‘голубь; куропатка’ > цез. *ṭimi*, хварш. *ṭema* ‘голубь’, бежт. *ṭimo* ‘куропатка’; дарг. *ṭuma* ‘сова, филин’; ПЛ **ṭim-* (~ -*p-*) ‘сова’ > таб. *ṭip*, лезг. *ṭib*, рут. *tib* и др.); ПАА **tə* ‘сова’ (ПАТ **tə* > абх. *a-tə*, абаз. *tə*; ПАК **tə-* в сложении **tə-^wrə^wə^w* ‘филин’ > ад. *tə^wrə^wə^w*, каб. *də^wrə^w* = абх. *a-tə-^γar^γar id.*).

(26) ПЕ [**klam-*] ‘охапка’ (кот. *hamal*): ПД **klam* ‘охапка’ (лак. *qama* ‘горсть’; ПЛ **ket* > лезг. *ket*, крыз. *ket* ‘охапка’ и др.). Сближение представляется надежным, несмотря на не вполне регулярное соответствие (в ПЕ ожидалось бы **g-*).

(27) ПЕ [**slm-*] ‘сон’ (кот. *šam*): ПД **hi^zinə* / *hini^zə* ‘ночь, сон’ (лак. *šani* ‘сон’; ПЦ **niše* ‘ночь’ > цез. *neši-ru*, гин. *neši*, бежт. *niše*; ПЛ **ziš^w* ‘ночь’ > арч. *iš*, таб. *jiš^v* / *již^vi*, аг. *ṽiš* / *jiš^v*, лезг. *jif* и др.).

Вероятно, тот же корень нужно выделять в ПЕ **siG* ‘ночь’ (см. [175]): есть основания считать -*G* суффиксальным элементом (**siG* < **sim-G*, поскольку сочетание **-mG-* в ПЕ недопустимо). Ср. аналогичный увулярный суффиксальный элемент в ПЕ **siGa* ‘год’ и **xiG* ‘день’, т. е. в названиях отрезков времени. Сближение енисейского и СК материала см.: [Bouda 1957: 91].

(28) ПЕ **z̄um-* ‘девять’ (кот. *šum-nāga*): ПСК **/l/ ar^{z̄} am-* ‘девять’ > ПД **/l/ ar^{z̄} am-* (ав. *ič*; ПА **hobčə* > авх. *abčə-da*, анд. *hočə-gu*, тинд. *hač^wa-ja* и др.; ПЦ **ʔač^we* > цез. *oči-no*, инх. *ōče*, гунз. *uči-n* и др.; лак. *urč*; дарг. *arčam-al* / *určim* / *ṽičum*; хин. *joz*; ПЛ **zi^{z̄}i* > арч. *uč*, таб. *urč^vi-b*, рут. *huči-d* и др.); ПН **ʔibss* (чеч. *iss*, инг. *ijs*, бцб. *ise*); ПАА *(*b-^{z̄}wə*) > **b-^{z̄}wə* (уб. *bḃə*; ПАК **b^wə* > ад., каб. *b^wə*; ПАТ **z^wə* > абх. *z^v-ba*, абаз. *z^w-ba*).

(29) ПЕ **wə-* ‘отрицательная частица’ (см. [16]): ПСК **ml* ‘отрицательный и запретительный аффикс’ > ПД **ml* (ПЛ **ml* ‘запретительный аффикс’ > лезг. *-mir*, таб. *m-*, рут. *-m id.*, уд. *ma* ‘запретительная проклитика’; ПЦ **ml* ‘суффикс запрещения и отрицания’ /например, гин. *-me* ‘суффикс отрицания’, *-jo-m* ‘запретительный суффикс’/; лак. *ma* ‘запретительный аффикс’); ПН **ma* ‘запретительная проклитика’ (чеч., инг., бцб. *ma*); ПАА **mə* ‘отрицательный и запретительный аффикс’ (уб. *m(a)-*; ПАК **mə-* > ад., каб. *mə-*; ПАТ **mə-* > абх., абаз. *m(ə)-*). Ср. также ПТБ **ma* ‘аффикс отрицания’ [Benedict 1972: 97], ДК **ma* и другие морфемы отрицания на **m-*. Сближение енисейского и китайского материала см.: [Bouda 1957: 81]; там же цитируется и ДК отрицательная частица **pə^l*, по всей видимости, не относящаяся к рассматриваемому

корню. Аффикс запрещения и отрицания **мл* имеется и в ностратических языках, см. [ОСНЯ I: 17].

(30) ПЕ **wl* 'он, она' (кет. *bū*, юг. *bu*; ас. *ba-ri* 'он', ар. *au* 'он'): ПСК **мл* 'тот, этот' > ПД **мл* (ПЛ **мл* > таб. *ти* 'этот' и др.; ПЦ [*-*мл*-] > цез. *he-me-si*, *he-me-la* 'тот (вдалеке, за пределами видимости)'; лак. *ти* 'тот (близкий к собеседнику)'); ПАК **тə*- 'этот' > ад., каб. *тə-р*. Отметим и здесь ностратическую параллель: **мл* 'этот, тот' [ОСНЯ I: 8].

(31) ПЕ **wi/we-* 'основа вопросительных местоимений' (см. [18]): ПД **мл* 'основа вопросительных местоимений' (ПА *-*мл*- > анд. *em(i)*, тинд. *ima-la*, кар. *hete* 'кто' и т. д.; лак. *си-та* 'который'; ПЛ **то-s/al* 'когда' > арч. *basa*, лезг. аг. *tus* и т. д.); ПН **мл*- 'основа вопросительных местоимений' (чеч. *mi-la*, *mē*, инг. *та-la* 'кто', чеч. *та-са*, инг. *та-сса* 'сколько' и т. д.). Ср. также н. **mi* 'что' [ОСНЯ I: 9].

(32) ПЕ **?aw* (/ **?u*) 'ты' (см. [21]): ПСК **uo-* 'ты' > ПД **uo-* (ПЛ **uo-n* > арч. *и-п*, таб. *иву*, лезг. *ви-п* и др.; ПЦ **тə* / < **wā*/ > гунз. *тə*, инх. *то*, цез. *ти* и др.; ПА **mi-n* / < **wi-n*/ > анд., ботл. *min*, ахв. *тене* и др.; ав. *ти-п*; лак. (косв. основа) *wi-*; хин. *vā*); ПАА **wl* (ПАК **wa* > ад., каб. *wa*; ПАТ **wa-* > абх., абаз. *wa(-ra)*; уб. *wə-в^{wa}*).

(33) ПЕ **kārie* 'война' (см. [66]): ПД **ʔletl* 'война' (ав. *ʔal*; ПЦ **ʔlə* > цез. *ʔori*, хварш. *ʔola* 'война', бежт. *ʔalo* 'драка' и др.; лак. *ʔal* 'драка, спор'). Ср. также ПТБ **rāl* 'война, драка' [Benedict 1972: 71] (< **lāl* по диссимиляции, причем **l-* закономерно соответствует ПД **ʔ-*; есть и другие примеры развития **l-* > **r-* при конечном **l* в сино-тибетском).

Случаи иранизмов в ПЕ нам неизвестны; это соображение, а также надежные внешние параллели не позволяют допустить возможность иранского источника ПЕ **kārie* (ср. др.-перс. *kāra-* 'войско' < ПИЕ **kor-* 'войско, война'; вопрос об отношении этого корня к ПД **ʔletl* и другим разобранным выше формам мы здесь не затрагиваем).

(34) ПЕ **kan-* (/ **kam-*) 'низкий, внизу' (кот. *hāna* 'вниз', *hānal* 'внизу, низкий', ар. *xamartu* 'низкий'): ПСК **?oʔonu* 'дно, низ' > ПД **?oʔonu* / **?onoʔu* (ав. *ʔinu* 'дно'; лак. *ʔan* 'дно, подошва'; хин. *qani-k* 'под'; ПЛ **ʔan* > арч. *qan* 'дно, низ, подошва', таб. *qan* 'дно, низ, подножие', лезг. *qan* 'дно, подножие', рут. *qan* id. и др.; ПА **himʔu* 'дно' > ахв. *miʔo*, анд. *hinʔu*, тинд. *hinlu* и др.; ПЦ **?ōlʔu* 'дно' > цез. *hiʔu*, гин. *iʔu*, бежт. *ōʔo* и др.); ПАА **ʔə* 'дно, низ' (уб. *-ʔa* 'низ' /в сложениях — *ba-ʔa* 'нижняя часть', *ša-ʔa* 'подушка', где *ša* = 'голова'; ПАК **ʔa-* 'под' (преверб) > ад. *ʔa-*, каб. *ʔa-*; ПАТ **ʔl* 'дно, низ' > абх. *a-ʔa* / *a-ʔ*, абаз. *ʔ-ʔ^{wa}*⁴⁶).

⁴⁶ ПАК **ʔa* 'дно, низ' (ад. *ʔa*, каб. *ʔa*) отражает, видимо, ПАА вариант **ʔ^wl* того же корня (ср. два варианта в ПД).

Интересны сино-тибетские формы: ДК **nēk^w* (ср. в дагестанских языках метатезированный вариант **ʔonoʎi*) ‘опускаться, погружаться’, тиб. *sñug* ‘тонуть’ и др.

(35) ПЕ **c/i/k* ‘рыба; змея’ (см. [60]): ПЛ **čēk-* (< ПД **č~*č-*) ‘рыба, ящерица’ (таб. *čič*, аг. *ček* ‘рыба’, крыз. *čunqal* ‘ящерица’). Неприемлема этимология К. Боуды [Bouda 1957: 73] (< сельк. *čuk*, *čuk* ‘червь’).

(36) ПЕ **kuʎs* ‘лошадь’ (см. [78]): ПД **k^wač^wl* ‘кобыла’ (лак. *k^wača*; дарг. *k^wača* / *g^wača*; ПЦ **šig^wə* / < **g^wišə* / > гин. *šeg^we* и др.). Ср. также тиб. *r-god* ‘кобыла’ (тиб. *-d* может восходить к **-c*). Сближение тибетской и енисейских форм см.: [Bouda 1957: 88] (но, вопреки К. Боуде [ibid.] и В. Зимону [Simon 1929: 183], сюда не может относиться ДК **kh^wār*, имеющее совсем другие внешние параллели). Тибетское слово, однако, может быть сближено и с другим СК материалом (ср. ПА **kotu* ‘лошадь’ > анд. *qotu*, авх. *qatu* и т. д., возможно, также ПН **qadal-* ‘кобыла’ > чеч. *qēla*, инг. *qal*, бцб. *qadal*).

(37) ПЕ **kassad* ‘ подошва ’ (см. [217]): ПСК **k^warčl* / **k^warč^hl* ‘пятка, ступня’ > ПД **k^warč^hl* (хин. *kučči* ‘пятка, каблук’; ПЛ **k^warč* ‘копыто, лапа’ > лезг. *k^wač* ‘нога, лапа’, рут., цах. *k^warč* ‘копыто’ и др.); ПАА [**g^wəča*] ‘ступня’ (ПАТ **-g^wəča* в сложении абх. *a-šā-r-g^wəča*, абаз. *šā-r-g^wəča* ‘ступня’). Абхазо-абазинское слово может трактоваться (с некоторой натяжкой) и как сложение — ‘дно (*ča*) середины (*g^wə*) ноги (*šā*)’, однако ввиду внешних данных этот анализ скорее всего представляет собой народную этимологию.

(38) ПЕ **ka-* ‘тот’ (юг. *kā-t* ‘тот’, *ka-da* ‘та’, ар. *ka-tu* ‘он’; ср. еще кет. *ka-niil* ‘оттуда’, *ka-niŋə* ‘туда’, *ka-šan* ‘там’, юг. *ka-ni* ‘там’, *ka-niŋər* ‘оттуда’, кет., юг. *ka?* ‘в той стороне’, кот. *ha-tuŋ* ‘туда’. Можно отметить еще сходные формы с другой огласовкой — кет. *kī-da* / *kī-ré*, юг. *kī-t* ‘этот’, кет. *kī-da* / *kī-rá*, юг. *kī-da* ‘эта, это’): ПД **gl* ‘тот (ниже говорящего)’ (ПЛ **gl* > арч. *gu-du*, таб. *ku-tu*, аг. *gi* ‘тот (ниже говорящего)’; ПЦ **-gl* ‘тот’ > гин. *hiba-go*, *ha-go*, бежт. *hu-gi*, *waha-gi* ‘тот’ и др.; ПА **-gl-* > анд. *he-ge-w*, авх. *hu-gu-we* ‘тот (ниже говорящего)’, ботл. *go-b* ‘тот’ и др.; лак. *ga* ‘тот (ниже говорящего)’). Ср. сино-тибетские формы: тиб. *kho*, *kho-ŋ* ‘он, она’, ДК **ka-s* ‘этот, тот’, **gə* ‘его, ее (притяжат. форма)’.

(39) ПЕ **keʎt* ‘человек’ (см. [119]): ПА **k^winʎa* ‘муж, мужчина, самец’ > анд., кар. *kunʎa*, тинд. *k^winʎa-b* и т. д.; ПН **kanat* ‘мальчик, парень’ (чеч., инг. *qant*, бцб. *qnat*). Абсолютно невероятно заимствование енисейских форм из самодийского (сельк. *kaž*, *kač* ‘работник, слуга’), предполагаемое К. Боудой [Bouda 1957: 71].

(40) ПЕ **kiʎs* (~ *g-*) ‘нога’ (кет. *kiʎs*, юг. *kiʎs*): ПСК **k^wlč/la* ‘нога, лапа’ > ПД **k^{hw}ačl* ‘лапа’ (ав. *k^wač*; ПА **k^wačl* > авх. *k^wači*, анд. *k^wača*, кар. *k^wača* / *k^wači*;

дарг. $k^w a\check{c}$ / $k^w a\check{c}a$); ПН * $gā\check{c}i$ (инг. *goz* ‘нога’); ПАА * $g^w a\check{c}l$ / * $g^w a\check{c}^w l$ ‘голень, икра (ноги)’ (уб. *la-gāsa* ‘икра (ноги)’ / *la* ‘нога’); ПАТ > абх. *a-šā-r-g^w a\check{c}^w* ‘голень’ / *šā* ‘нога’/).

(41) ПЕ * $kā\check{r}ga$ ‘голова’ (см. [203]): ПЛ * $kūr\check{k}$ (~ -o-) ‘череп’ (аг. *gurgaḥ* / *gug* ‘череп’, таб. *gug*, *guga-q* ‘затылок’). Ср. также лак. $k^w ark$ (gen. $k^w arkal$) ‘верх (круглого или овального предмета)’.

(42) ПЕ * $kā\check{r}q-$ ‘кулак’ (см. [196]); от исконно енисейских форм следует отделять югскую параллельную форму *kufax*, тюркскую этимологию которой см.: [Bouda 1957: 77]): ПД * $χink^w i$ ‘кулак’ (арч. *χik*; дарг. *χink*; ПА * $hun\check{q}a$ > год. *hun\check{q}a*, багв. *hun\check{q}a*, чам. *hū\check{c}a*; неясно, как относится сюда лак. *qik* ‘варежка’). Для ПЕ нужно предполагать метатезу веллярного и увеллярного согласных ($kā\check{r}q-$ < * $qā\check{r}k-$).

(43) ПЕ [* duk] (~ -q, -G, -χ) ‘слюна’ (кот. *tuk*): ПН * tug (/ * tuk) (чеч. *tuj* ‘слюна’, инг. *tug* ‘плевок’). Ср. также ПТБ * $tūk$ ‘плевать, слюна’ [Benedict 1972: 75].

(44) ПЕ * $tāk-$ ‘болото, озеро’ (см. [122]): ПЛ * $takar$ ‘пруд, озеро, болото’ (таб. *dagar* ‘пруд, озеро, болото’, аг. *dagar* ‘озеро’).

(45) ПЕ * $ken-$ ‘плечо’ (см. [118]): ПСК * $G^w in\check{l}$ / * $niG^w l$ ‘рука (Arm), плечо’ > ПД * $G^w in\check{l}$ / * $niG^w l$ (ПЛ * $qIun$ ‘плечо’ > арч. *qIun*, таб. *vIun*, рут. *vIun* и др.; ПЦ * $nul\check{q}$ (~ -u-) ‘под мышкой’ (локативные формы) > гуниз. *niqil\check{x}*, бежт. *niqul\check{x}*, дарг. *nal\check{q} / *nalG* / *nal\check{q} ‘рука (Arm)’)); ПАА [$nəqIə$] (уб. *nəqI* ‘подмышка’). Ср. также ДК * $qēn$ ‘плечо’.**

(46) ПЕ * $kita$ ‘крапива’ (со вторичным развитием значения > ‘конопля’; кет. *kītn*, юг. *kitn* ‘крапива, конопля’, кот. *hīta* ‘конопля’): ПСК * $qIü\check{c}^h i$ ‘крапива, трава’ > ПД (ПЛ * qac > лезг., крыз. *qac* ‘трава’, рут. *qac* ‘ковыль’); ПАА * $qI^w a\check{c}a$ (~ -č-) ‘крапива’ (ПАТ * $q^w a\check{c}l$ > абх. *a-χ^w ac*, абаз. *q^w a\check{c}a*; уб. /с метатезой и частичной редупликацией/ *ca(n)-caχ^w a*).

(47) ПЕ * $k\check{l}-$ /* $ʔlk-$ (~ g-, -g-) ‘ты, вы’ (кет., юг. *k-* / *ku-* ‘личный префикс 2-го лица ед. ч.’, кет. *čk*, *čkŋ* ‘вы’, юг. *čkŋ* / *kčkŋ* ‘вы’, пумп. *ajaŋ* ‘вы’. Кот. *aioŋ* ‘вы’ — новообразование /по ед. ч. *ai* ‘ты’/; ар. *aŋ* ‘вы’ допускает двоякую интерпретацию: либо как стяжение из **aiŋ* /ср. кот. *aioŋ*/, либо как регулярный рефлекс * $ʔak(a)ŋ$ /ср. кет. *čkŋ*, пумп. *ajaŋ*/). Ср. также кет. *ik*, юг. *ik* ‘твой’); ПД * $v\check{i}$ / * $ʔlv-$ ‘ты’ (цах. *vi*, ген. *jiv-na* ‘ты’; дарг. *hi* ‘ты’; хин. dat. *oχ* ‘тебе’); ПН * ho (erg. * $ʔah$) ‘ты’ (чеч. *ho*, *aḥ*, бцб. *ho*, *aḥ*, инг. ном. *ho* при неясном erg. *ʔa*).

Как в ПЕ, так и в ПД (и, видимо, в ПСК) была представлена супплетивная парадигма местоимений 1-го и 2-го лица. В настоящей работе у нас, однако, нет возможности подробнее остановиться на характеристике местоименного склонения; отметим лишь параллелизм противопоставлений: для 1-го лица — в ПЕ * $b-$ — * $ʔaz$, в ПД * $n\check{l}$ — * $z\check{o}-$;

для 2-го лица — в ПЕ *k- — *ʔaw, в ПД *ku — *uo-. Ср. также ПТБ *k(w)lɟ ‘ты’ (тиб. *khji-d*, бирм. *kwaj* и др.).

(48) ПЕ *guʔus ‘идол’ (кет. *ku:s*, юг. *ku:s*; ср. еще сложения — кет. *ul-gus*, юг. *ur-gus*, кот. *ul-iš* (< *ul-kiš) ‘водяной’, кет. *qaj-gus*, юг. *xaj-gus* ‘леший’, юг. *ejs-kūs* ‘икона’): ПД *k^{hw}iɟl ‘форма, вид, облик’ (ав. *kuc* ‘лицо, форма’; лак. *kuc* ‘форма, вид’; лезг. *kuc* ‘облик, лик’ и т. д.); ПН *kust ‘фигура, вид’ (инг. *kust*; варианты инг. *kuc* и чеч. *kuc* ‘фигура, вид’ заимствованы из аварского). Абсолютно невероятно выведение енисейского корня из русского слова ‘князь’ [Bouda 1957: 79].

(49) ПЕ *jog- (~ -k-) ‘гнида’ (кет. (*lyin*)-эк, юг. (*etiŋ*)-л̄к, кот. *doğa*): ПД [*qɟl(I)jɟl] > дарг. *q̄i* ‘гнида’.

(50) ПЕ [*sug-] (~ -k-, -q-, -G-) ‘коса (волосы)’ (кот. *šugai*, *šukai*): ПСК *ś[a]k^{hw}[a] / *k^{hw}aśa ‘коса, грива’ > ПД *k^hlś^wl / *k^{hw}lśl (ав. *k^was* ‘шерсть’; цез. *kos* ‘петушинный гребень’ /< ПЦ [*kɔz]/; ПЛ *k/iš^w ‘коса’ > таб. *kuš*, лезг. *kif*; ПАА *(š)ak^wə (уб. *sak^w* ‘грива’; ПАК *sak^wə ‘грива’ > ад. *sak^w*, каб. *sok^w*; возможно, также абх. *a-k^wəš^v* ‘макушка (верх)’).

(51) ПЕ *gəʔt ‘дети’ (см. [128]; ср. также кет., юг. *kitej* ‘молодой’): ПСК *k^{hw}erç/i/ ‘детеныш’ > ПД *k^{hw}erçl (~ -i-) ‘щенок’ (лак. *karç*; ПЦ > инх. *kuçe*; ПЛ *korç (~ k-, -u-) > крыз., буд. *kurç*, уд. *kuçan*); ПАТ *k^wəç^š ‘цыпленок’ > абх. *a-k^wəç^š*, абаз. *k^wəç^s*. Ср. также абх. (охотничий) *a-g^waç^š* ‘младший мальчик’.

(52) ПЕ *gəʔn- ‘светлый, свет’ (кет., юг. *klʔn* ‘светлый’, кот. *kanəŋ-ičiban* ‘молния’. К ПЕ сложению *gəʔn-xiG / ‘свет’ + ‘день’ / восходит название зари — кет. *k̄b̄ne*, юг. *k̄b̄n̄*, кот. *kinig*, *kinīx*): ПД *(hA)k^{hw}enl ‘светлый, свет’ (ав. *kanə-b* ‘светлый’; ПА *k^wanl > тинд. *k^wana*, авх. *k^wan* ‘свет’, чам. *k^wanu-b* ‘светлый’ и др.; лак. *čani* ‘свет’; ПЛ *ʔak^w ‘свет’ > таб. *ak^w*, аг. *ʔak^w* / *ʔäk^w*, лезг. *ek^w* и др. ПЛ форма *ʔak^w является результатом переразложения исходного *ʔak^wan; ср. лезгинскую парадигму ном. *ek^w* — ерг. *ekūni* ‘свет’, а также арчинский архаизм *aḱon* ‘свет’). Ср. ДК *k^wāŋ ‘свет, светлый’.

(53) ПЕ *g/al/r ‘vulva’ (см. [127]): ПД *k^{hw}əru ‘яма, дыра’ (дарг. *kor*; ПЛ *kor (~ -u-) > уд. *kur*, крыз., буд. *kur*); ПН *kor ‘дыра’ > ‘окно’ (чеч., инг., бцб. *kor*). Ср. также ПТБ *kor ‘яма, дыра’ [Benedict 1972: 74].

(54) ПЕ *guʔda ‘поясок, веревка’ (см. [34]): ПЛ *q̄I^waʔol ‘ремень, шнурок’ > арч. *q̄loʔol* ‘ремень, пояс на женском платье’, аг. *q̄laʔul* ‘пояс’, лезг. *q̄weʔel* ‘шнур у лаптей’, крыз. *q̄äʔil* ‘шнурки’. Ср. также ДК *q^wāt ‘связывать’, *q^wāt-s ‘место, где соединяются два конца ремня’. Сравнение ДК форм с кетским *kuʔt* см.: [Bouda 1957: 88].

(55) ПЕ *gans- ‘testiculi; penis’ (кот. *kančal* ‘testiculi’, пумп. *kutte* ‘penis’): ПД *kəlçl ‘penis; vulva’ (арч. *qaça* ‘penis’; авх. *qačo* ‘vulva’; ав. *kuřu* ‘дыра’ и др.).

(56) ПЕ **taga* 'грудь' (см. [129]): ПСК **jerḱ^wi* (*/*reḱ^wi*) 'сердце' > ПД **jerḱ^wi* / **reḱ^wi* (ав. *raḱ*; ПА **rok^wo* > анд. *roḱ^wo*, авх. *raḱ^wa*, тинд. *raḱ^wa* и др.; ПЦ **rḱ^wə* > цез. *roḱu*, гунз. *rḱu*, инх. *loḱo* и др.; лак. *daḱ*; дарг. *urḱi* / *urḱi*; хин. *ung*; ПЛ **jirḱ^w* > арч. *iḱ^w*, аг. *jirḱ^w*, лезг. *riḱ* и др.); ПН **doḱ* (инг. *dog*, чеч. *dog*, бцб. *doḱ*); ПАА **g^wə* (ПАК **g^wə* > ад., каб. *g^wə*; ПАТ **g^wə* > абх. *a-g^wə*, абаз. *g^wə*; уб. *ǵə*). Ср. ПТБ **raḡ* 'грудь' (тиб. *b-raḡ*, бирм. *raḡ*), ДК **ʔ(r)əḱ* 'грудь' (с характерным для сино-тибетских языков колебанием *-k/-ŋ* в ауслауте).

(57) ПЕ **gəte* 'зима' (кет. *k̄b̄tə*, юг. *k̄b̄t*, кот. *k̄ēti*): ПЛ **q̄lorṭ(a)* 'зима' (арч. *q̄lot̄a-q̄l* 'зима', *q̄lot* 'зимой', таб. *q̄lurd*, лезг. *q̄üd*, аг. *q̄lurd*, рут. *q̄lid*, цах. *q̄lidim*, крыз. *q̄ud*, буд. *q̄až-räž* 'зима').

Енисейское слово не имеет отношения к тюрк. *qyş*, *qys* 'зима' (вопреки: [Bouda 1957: 77]). Самодийские формы (сельк. *kə*, кам. *khä* 'зима') либо заимствованы из енисейского (как предполагает А. Йоки [Joki 1946: 211–213]), либо, что вероятнее, никак не связаны с данным корнем; совершенно неприемлемо предположение П. Хайду [Hajdu 1953: 77–78] о заимствовании енисейского корня из самодийского.

(58) ПЕ **g/i/d* 'локоть, сустав' (кет. *uḷ-git*, pl. *uḷ-gerəḡ*, юг. *uḷ-git* 'локоть' / *uḷ* 'рука' /, ас. *kenar-xat-ken* 'локоть' / *kenar* 'рука' /, *pul-gat-ken* 'берце' / *pul* 'нога' /): ПД **q̄wIant^hl* 'локоть, колено' (ПЛ > лезг. *q̄ünt* 'локоть'; ПЦ **q̄Intu* 'колено' > цез. *q̄Intu*, хварш. *q̄ontu* и др.).

(59) ПЕ [**gare*] 'трава' (кот. *keri*): ПСК **q̄lɫl* / **q̄lɫl* 'трава, стебель, ветка' > ПД **q̄lɫl* / **q̄lɫl* (авх. *q̄uli* 'род травы'; ПЛ **q̄al* 'стебель, трава' > таб. *q̄al* 'стебель; полынь', лезг. *q̄al* 'былинка, стебель'; дарг. *q̄alli* 'ветка'); ПАА **q̄^wl* 'ветка, побег' (уб. *ra-q̄^wa* с неясным префиксальным элементом *ra-* 'ветка, побег'; ПАК **q̄^wə-* / **q̄^wa-* > ад. *q̄^wə-tāma*, каб. *q̄^wə-dāma* 'ветка', ад. *q̄^wa-ba*, каб. *q̄^wā-ca* 'ветвистый'; ПАТ **maq̄^wəda* 'сук, ветка' / вероятно, метатеза < **q̄^wə-dama* = ПАК **q̄^wə-tama* / > абх. *a-maḱ^wta*, абаз. *maq̄^wda*).

(60) ПЕ **ʔɔgde* / **ʔɔq̄tɫ* 'ухо' (см. [212]): ПА **hanḱiṭa* / **hanṭiḱa* 'ухо' > анд. *hanṭiḱa*, тинд. *hanḱiṭa*, багв. *hanḱiṭa* и т. д.). В ПА форме возможно выделение элемента **han-*, соответствующего ав. *ḡan*, уд. *im-* 'ухо' и др. В любом случае, однако (разложим ПА корень или нет), сходство ПЕ **ʔɔgde* и ПА **han(-)ḱiṭa* бросается в глаза.

(61) ПЕ **xurɪ* 'вода' (см. [69]): ПД **xänzi* 'вода' (ав. *ḡin*; ПА **ḡenzi* > анд. *ḡen*, авх. *ḡen*, тинд. *ḡē*, год. *ḡeni* и др.; ПЦ **ḡā* > цез. *li*, гунз. *lī*, инх. *lo* и др.; лак. *šin*; дарг. *šin*; ПЛ **ḡān* > арч. *ḡan*, таб. *šid*, рут. *xūd*, цах. *xan* и др.; хин. *xu*); ПН **xi* 'вода' > чеч., инг., бцб. *xi*. Ср. еще ДК **lujʔ* 'вода', возможно, также ПТБ **lwi(y)* 'течь; река' [Benedict 1972: 48]. Сближение енисейского корня с ав. *ḡor* 'река' и прочими разнородными СК формами [Bouda 1957: 94] представляется менее удачным.

(62) ПЕ **tuxl-ní* ‘гребень’ (см. [23]; по всей видимости, форма мн. ч. на *-ní* от несохранившейся основы **tuxl-*): ПСК **hiriḡ^wl* ‘гребень’ > ПД **hiriḡ^wl* (ав. *horḡo*; ПА **hoḡu* > авх. *aḡu*, анд. *hoḡu*, тинд. *haḡu* и т. д.; ПЦ **hēḡu* > цез. *hiḡu*, инх. *hēḡu*, гунз. *heḡu* и т. д.; дарг. *durega* / *dereka* / *dureka*; лак. *taral* ‘гребень’; ПЛ [**rлḡ-*] > крыз. *rak-ar* ‘грабли’; ПН **jēḡk* (чеч., инг. *jeḡk*, бцб. *jeḡk* ‘гребень’); ПАА **ýl* ‘расчесывать; гребень’ (уб. *ža-* ‘расчесывать’; /?/ ПАТ [**ýa-*] > абх. *a-ýa-ra* ‘скоблить’; ПАК **žá-* ‘расчесывать’, **ma-žá* ‘гребень’ > ад. *žə-n*, *māž*, каб. *žə-n*, *māža*).

Вопреки К. Боуде [Bouda 1957: 74], сельк. *tuk* ‘расчесывать’ не может быть источником енисейских форм.

Несмотря на внешнее различие, ПЕ и ПСК формы достаточно хорошо соответствуют друг другу (о соответствиях ПСК **r* : ПЕ **t* и ПСК **ḡ* : ПЕ **x* см. с. 238, 244).

(63) ПЕ **xi-na* ‘два’ (см. [141]). Данное слово К. Боуда [Bouda 1957: 87] сопоставляет с тиб. *gnis*, ДК **nij-s* ‘два’. Для ПТБ П. Бенедикт [Benedict 1972: 16] восстанавливает **g-ni-s*. Если морфологическая граница действительно проходит здесь между **xi-* и **-na* (**xi-* = ПТБ **g-*, **-na* = ПТБ **-ni-s*), то компонент **xi-* (вместе с ПТБ **g-*) можно сравнивать с ПСК числительным ‘два’ **qI^wä* > ПД **qI^wä* (ав. *ki*; ПА **qe* > авх. *qe-da*, анд. *če-gu*, тинд. *ke-ja* и др.; ПЦ **q^wi* > цез. *qal-no*, инх. *q^wi-ne*, бежт. *qo-na* и др.; лак. *ki*; дарг. *k^wi* / *k^we*; хин. *ku*; ПЛ **qI^wä* > арч. *qI^we*, таб. *qI^w-b*, лезг. *q^we-d* и др.); ПАА **(t)qI^wl* (ПАК **t-ḡ^wə* > ад., каб. *t^wə*; уб. *t-ḡ^wa*; ПАТ **ḡ^wə* > абх., абаз. *ḡ^w-ba*). Подчеркнем еще раз, что данное сближение приемлемо лишь при условии древней морфологической разложимости ПЕ **xi-na*.

(64) ПЕ **xire* ‘рука’ (см. [143]): ПСК **qI^wetl* ‘рука’ > ПД **q(I)^wetl* (ав. *q^wal* ‘рука; рукав’; лезг. *qula-k* ‘за пазухой’); ПН **phā-/p^hō-* в суффиксальных образованиях **phārs* (чеч., инг. *p^hars* ‘рука’, бцб. *p^hars* ‘плечо’), **p^hōš* (чеч., инг. *p^hoš* ‘рукав’); ПАА **q^wla* (~ *q^wla*) ‘рука’ (уб. *qā-ḡa*; ПАК **ḡa* > ад., каб. *ḡa*). Можно привлечь к сравнению также тиб. *khjor* ‘ладонь, пригоршня’.

(65) ПЕ **?ux-* ‘длинный, долгий’ (см. [150]): ПСК **-uq^h(I)a(-n-l)* ‘длинный, большой, высокий’ > ПД **-uq^h(I)l(-n-l)* (дарг. *b-uq^hluni-ze* / *b-uq^hl^wni-l* / *uq^hena* ‘длинный’; лак. *qun-ma-ša* ‘большой’); ПН **-āq^wu* ‘большой’ (чеч., инг. *w-oqqa*); ПАА **ql* ‘большой’ (ПАК **-qə* ‘большой’; ПАТ **qa* ‘достаточный, быть достаточным’ > абх. *a-ž-xa-ra*, абаз. *na-qa-ra*). Ср. ДК **kāw* ‘высокий’, бирм. *k^hau-h* ‘выдаваться, выступать, выпирать’.

(66) ПЕ **cəŋle/* ‘волос’ (см. [57]): ПД **cəm(h)l* ‘бровь’ (лак. *iṭa-çani* / *iṭa* — косв. основа от *ja* ‘глаз’/; ПЛ **h^wili-cəm* / **h^wili-* ‘глаз’/ > крыз. *ḡül-cām*, таб. *ul-ç^vim* и др.). Ср. ПТБ **tsam* ‘волосы (на голове)’ [Benedict 1972: 29], ДК **srām* ‘волосы’ (< **r-sām*).

(67) ПЕ **seŋ* ‘печень’ (кет. *šēŋ*, юг. *seŋ*; сюда же, видимо, нужно отнести ар. *šin-*, *šo-* в *šin-trun*, *šo-doroŋ* ‘внутренности’): ПСК **c^wämʔi* ‘желчь; гнев’ > ПД **c^wämʔi* id. (ав. *cin*; ПА **šimi* > ахв. *šimi*, анд. *šim*, тинд. *šimi* и т. д.; ПЦ **šimə* > цез. *semi*, гунз. *šimi*, гин. *seme* /также ‘печень’/ и др.; лак. *ši*; дарг. *sume* / *himi* / *time*; ПЛ **šäm-* > арч. *šam*, таб. *seb*, лезг. *seb* и др.); ПН **stim* ‘желчь’ (чеч. *stim*, инг. *sim*, бцб. *sem*); ПАА **ž^wə* ‘гнев, жестоко-сердие’ (в основном в сложении с **g^wə* ‘сердце’; ПАК **g^wə-žə* > ад. *g^wəħa-g^wəž*, каб. *g^wəž-važ*; ПАТ **g^wə-ž^wə* > абх. *a-g^w-ž^v-pa-ra*, абаз. *g^wə-ž^w*; уб. *ğə-ž^w*). Ср. также ПТБ **m-sin* ‘печень’ [Benedict 1972: 55], ДК **sin* ‘горький’. Сравнение ТБ и енисейского материала см.: [Bouda 1957: 91].

(68) ПЕ **doʔŋa* ‘три’ (кет. *doʔŋ* / *dōŋ*, юг. *doʔŋ* / *doŋ*, кот. *tōŋa*, ар. *tūŋa*, *toŋa-*, пумп. *doŋa*): ПД **š^wimħl* ‘три’ (лак. *šama*; хин. *pšo*; ПЛ **šim-* в таб. *sum-č^wi-r* < **šim-č^wi-r*, аг. *šin-č^wi-r* ‘тридцать’ [-*č^wi-* = ‘десять’]). Данный корень необходимо отличать от представленного в остальных дагестанских и абхазо-адыгских языках корня **ħe/ħe-bl* ‘три’. Соответствие ПЕ **d* СК сибилянтам встречается еще в нескольких случаях (см. № 120, 121). С рассматриваемым корнем необходимо сближать ПТБ **g-sum* ‘три’ [Benedict 1972: 94], ДК **səm* ‘три’. Сравнение енисейского и ТБ материала см.: [Bouda 1957: 83]⁴⁷.

(69) ПЕ *-*ŋ* ‘суффикс множественного числа’ (кет., юг., кот. -*ŋ*): ПД *-*ml* ‘суффикс множественного числа’ (дарг. -*mi* ‘суффикс множественного числа’; ПЛ *-*ml* / *-*am*/ > арч. -*om* / -*um* ‘суффикс множественного числа’, рут. -*m-* в -*m-ar* / -*m-är* ‘суффикс множественного числа одушевленных имен’, уд. -*m-ux* ‘суффикс множественного числа’).

(70) ПЕ [*q^wlʔŋ-*] (~*χ-*) ‘туман’ (юг. (Castr.) *xoaŋ*): ПСК **k^wim(h)l* / **miḱ^wl* ‘облако, туман’ > ПД **k^wim(h)l* / **miḱ^wl* (ав. *naḱ* ‘облако’; хин. *unḱ* ‘облако, туман’; ПЦ **q^wima* ‘дождь, облако’ > цез. *qeta* ‘дождь’, бежт. *q^wima-ro* ‘облака’ и др.); абх. *a-naḱ^wa* (по диссимиляции из **taḱ^wa*) ‘туман’. Ср. ПТБ **mūk* ‘туман’ [Benedict 1972: 77], ДК **mōk* ‘изморось’. Сельк. *kuŋa* ‘туман’, цитируемое К. Боудой [Bouda 1957: 71], очевидно, енисейское заимствование.

(71) ПЕ **čal/jaŋ-* ‘медведь’ (кот. *šajaŋ*, пумп. *xanki*): ПСК **c^{hw}äʔnl* ~ **c^{hw}äʔml* ‘медведь’ > ПД **c^{hw}äʔnl* (ав. *ci*; ПА **sinʔi* > ахв. *šin* / *šī*, анд. *sěj*, чам. *sehī* и т. д.; ПЦ **sih* > цез. *zelzej*, инх. *zē*, бежт. *sih* и т. д.; лак. *cu-ša*; дарг. *sin-ka*; хин. *psi*; ПЛ **s^weʔ* > таб. *šveʔ*, лезг. *sev*, цах. *so* и т. д.); ПН **ča* (чеч.,

⁴⁷ К. Боуда из кавказских языков привлекает груз. *sam-i* ‘три’. В картвельском, возможно, представлено заимствование из СК; во всяком случае на основании небольшого числа подобных параллелей трудно говорить о существовании иберийско-кавказского единства.

инг., бцб. *ča*); ПАА **māš^wl* (метатеза < **š^waml*; уб. *māš^wa*; ПАК **māśa* > ад., каб. *māśa*; ПАТ **māš^wə* > абх. *a-mš^v*, абаз. *mš^wə*). В качестве исходного носового в корне, вероятно, следует восстанавливать **m*, сохраненный в ПАА и перешедший в *n* по диссимиляции в ПД).

Небезынтересно отметить сино-тибетское название медведя: ПТБ **(s-wam) / *d-wam* [Benedict 1972: 116], ДК **wətm*. Начальный сибилант в сино-тибетском мог быть переосмыслен как префикс («преинициаль»). Особенно интересны (в качестве возможных архаизмов) куки-чинские формы типа лушей *sa-vom*, кхойрао *tšəwom*; ср. также протоцоу (австронезийские языки на Тайване) **tsumay* ‘медведь’ (возможно, старое заимствование из сино-тибетского).

(72) ПЕ **ʔāŋ* ‘веревка’ (см. [136]): ПД **h^wlmʔl* ‘веревка’ (Пл **ʔ^wlm̄* (~ *p*) > аг. *ʕīb* ‘шнурок веретена; веревка’, лезг. *jeb* ‘веревка, бечевка’, крыз. *ʕäbi* ‘веревка на ярме’, лак. *iln* ‘шнурок, ремешок’).

(73) ПЕ **saʔqa* ‘белка’ (см. [70]): ПСК **c^harǧ^wal* ‘ласка, куница’ > ПД **c^harǧ^wl* (ав. *caʕi* ‘куница’; ПА **carʕi* (~ *s-*) ‘ласка’ > анд. *sarʕi*, кар. *saʕi*; Пл [**sl(r)ʕ^w*] > цах. *sok* ‘ласка’); ПН **š^hrtqa* ‘ласка’ (чеч. *šatqa*, инг. *šurtqa*); ПАА **cəy^wl/*cəyl* ‘куница; мышь’ (ПАК **cəw^wa* ‘мышь’ > ад. *cəw^wa*, каб. *zəw^wa*; ПАТ **cəyə* (/ **cəyə*) ‘куница’ > абх. *a-cəw / a-cəw*, абаз. *cəw*). К СК источнику восходит, очевидно, и груз. *ciqvi* ‘белка’. Ср. также ПТБ **sreŋ* ‘ласка’ [Benedict 1972: 79], ДК **s(r)eŋ* id. Сходные названия распространены (на правах бродячего корня) во многих языках, в том числе тюркских; однако предположение К. Боуды [Bouda 1957: 77] о заимствовании енисейского слова из тюркского (ср. тув., шор. *saqyl* ‘белка’) не кажется нам оправданным.

(74) ПЕ **qqlar* ‘желчь, горький’ (см. [43]): ПСК **-eqł-/*qeqł-* ‘горький’ > ПД **-eqł-/*qeqł-* (Пл **-äq-l-l-/*-qäq-l-l-* > таб. *qurqli-*, аг. *qurqle-r*, лезг. *t-iüqül*, рут. *d-äqäli-d* и др.; хин. *qal*; дарг. *qudqú-se / quṭqu*; ПЦ **-lqł-* > бежт. *n-iqa-ro*, гунз. *n-aqa-ru*, гин. *m-eqa-ju* ‘горький’); ПН **qa-ħa* ‘горький’ (чеч. *qäħa*, инг. *qaha*); ПАА **q^hla/*q^hlaql* ‘сладкий’ (уб. *qaqə*; ПАТ **qa-ħa* > абх. *a-ħā*, абаз. *qaħa*; ПАК **ʔa-ç^wə* > ад. *ʔāš^w*, каб. *ʔaf*). Ср. также ПТБ **ka* ‘горький’ [Benedict 1972: 18], ДК **kħāʔ*. В ПЕ и части СК языков представлены редуцированные формы.

(75) ПЕ **qäG* ‘слово’ (см. [154]): ПАА **q^hla* ‘говорить; слово’ (уб. *qa-* ‘говорить’, *qa* ‘слово, речь’; ПАК **ʔa-* ‘говорить’ > каб. *žə-ʔa-n*; с неэтимологической лабиализацией ад. *ʔ^wa-n* ‘говорить’; ПАТ **h^wa* > абх. *a-h^wa-ra*, абаз. *h^wa-ra* id.). Ср. также ПТБ **ka* ‘слово, речь’ [Benedict 1972: 18]. Привлечение К. Боудой [Bouda 1957: 89] другого сино-тибетского материала (ДК **kük-s* ‘сообщать’) представляется менее удачным.

(76) ПЕ *qoʔt (~ x-) ‘путь, дорога’ (кет. qoʔt, юг. xoʔt ‘путь’, ар. kat, kut, пумп. koat ‘дорога’): ПД *G̃^waʔl ‘улица, проход’ (ав. q̃^waʔ; ПА *q̃^waʔa > авх., кар. q̃^waʔa, тинд. q̃^waʔa и т. д. ‘улица’; ПЦ > гунз. qat ‘перевал’; лак. qat ‘народное собрание, сельское общество’ (в производных — ‘улица’); дарг. qati / qatala / q^waʔ ‘улица, квартал’).

(77) ПЕ *qalj- ‘сухой’ (см. [152]): ПСК *-iG̃^wl(-r)/*GiG̃^wl(-r) ‘сухой’ > ПД *-iG̃^wl(-r)/*GiG̃^wl(-r) (ав. b-aq̃^wa-ra-b; ПА *-eq̃^wl- > анд. b-eq̃u-b, тинд. b-eq̃u-b и др.; ПЦ *qoql- > цез. qiq̃a-si, гунз. qoqe-ru и др.; лак. qarq̃-sa; дарг. (*-erx- >) b-erx-si / b-er’a; хин. q̃i; ПЛ (*-iq̃^w-r-l >) *q̃ur-l- > арч. q̃ure-tu-, аг. r̃uq̃u-f, лезг. q̃uru / q̃urq̃ur и др.); ПН [*-aq̃i] (чеч. d-eq̃a ‘сухой’ и др.); ПАА *ʔ^wl ‘сохнуть, сухой’ (уб. ʔə-; ПАК *ʔ^wə- > ад., каб. ʔə-; ПАТ *ʔ^wa > абх. a-ʔ^wa-ra, абаз. ʔ^wa-ra). Во всех рассмотренных языках данный корень образует одновременно прилагательное (= причастие) и глагол. Ср. также ПТБ *kāŋ ‘сохнуть’ [Benedict 1972: 71–72], ДК *gāk ‘сохнуть’ (с характерным для сино-тибетских языков чередованием -ŋ/-k).

(78) ПЕ *qoʔl- (~ xol-) ‘подмышка’ (кет. qoʔl-təŋəj, юг. xol-čəŋ): ПСК *q̃(I)^wlχi/i/ ‘подмышка; объятия’ > ПА *q̃^waχl ‘подмышка’ (анд. q̃^waχli, авх. q̃^waχli и т. д.); ПАА *q̃^waχa (~ q̃^w-) ‘объятия’ (уб. (q̃əfa)-q̃^waχa ‘обниматься’ (q̃əfa ‘грудь’); ПАК *ʔarχa > ад. ʔarχ, каб. ʔarχa ‘объятия’). Ср. также ПТБ *k(a)li (двусложный корень) ‘подмышка’ [Benedict 1972: 62–63] (для ПТБ нельзя, однако, исключить возможность заимствования из австро-тайского, где также распространен сходный корень). Интересно отметить также самод. *kāl(l)ŋ ‘подмышка’, обычно считающееся, правда, метатезой < *kāŋ(l)l < урал. *kajŋala ‘подмышка’ [ОСНЯ I: 344–345].

(79) ПЕ *qos- (~ xos-) ‘чертовка’ (кет. qosəd-εm, юг. xosəd-εm): ПЛ *q^warc ‘домовой’ (лезг. q^warc, таб. q^wars). Интересно также абх. a-ʔ^wst-ā, предполагающее ПАА *ʔ^wəsət- ‘черт’ — форма, исключительно сходная с енисейской.

(80) ПЕ *qāʔj ‘гора’ (см. [151]): ПЛ *χ^wa? ‘гора, поросшая лесом’ (арч. χ^wa id., аг. aχ^w ‘лес’); ПН *hawχē ‘теневого склон горы’ (чеч. hāwχē, инг. hōwχe). Ср. также ДК *kh^wə ‘холм’.

(81) ПЕ *qal(?)r̃ (~ *qal(?)j) ‘мука’ (кот. u-xei, u-xēi): ПД *χ^wlʔ/r̃l ‘мука’ (ав. χara-b; ПЛ *χ^wlur/*χ^wluj > аг. X̃ur/χ^wlur, лезг. ṽür/χ̃ür, уд. χari и т. д.); ПН *hōr- (инг. hōr, бцб. h̃ajr ‘пшеничная мука’, h̃ojru ‘мука’).

(82) ПЕ *ʔoG- (~ x-) ‘луг’ (см. [168]): ПД *ʔenq̃^wl ‘участок земли, луг’ (бежт. ʔṽä ‘маленький, участок земли’; ПЛ *uχ^wla// ‘луг, целина’ > таб. ʔuχ^wlav ‘целина’, рут. uχ^wlal ‘луг’; хин. inqa ‘поле’).

(83) ПЕ *d̃lʔG- ‘орел’ (кет., юг. diʔ, кот. tage, take): ПСК *leq̃^wl/a/ ‘название большой птицы’ > ПД *leq̃^wl (лак. /с редупликацией/ liŋluχi ‘птица’; дарг. iχl-liq̃aln ‘птица’; ПЛ *leq̃^w ‘орел’ > арч. liq̃l, таб. luq̃l / laq̃^wl,

лезг. *leq* и т. д.); ПН **lēq* (с модификацией значения) ‘перепелка’ (чеч., инг. *leq*); ПАА **la(r)q^wa* ‘голубь; грач; ворон’ (ПАТ **lah^wa* > абх. *a-lah^wa* ‘ворон’, абаз. *lah^wa* ‘грач’; уб. *daχ^wa* ‘голубь’; ПАК **thar(ə)q^wa* ‘голубь’ > ад. *thār^wa*, каб. *tharəq^wa*). Ср. ПТБ **laŋ*/**lak* ‘сокол, ястреб’ [Benedict 1972: 72], ДК **laŋ* (**λaŋ*) ‘ястреб’. Сближения енисейского корня с китайским материалом у К. Боуды [Bouda 1957: 83] недостоверны.

(84) ПЕ **slGл(-зл)* ‘пятка’ (кет. *ś:l:t*, юг. *sv:t* / *svut*, кот. *šugaiči*, ар. *i-žege-n*): ПД **šolq^lw/ł*/**q^wlolš^l* ‘пятка, нога’ (ПЛ **šaq^lw*/**q^lwaš* (~ š) > таб. *šaq^lw* / *š^vaq^l*, аг. *q^lwaš* ‘пятка’; ПА **šunq^a* ‘нога’ > авх. *šunq^a*, год. *šunq^a* и т. д.; лак. *qulrš-lu* ‘лодыжка, щиколотка’; дарг. *q^llaš* / *q^lluš* ‘нога’; инх. *qošo* ‘копыто’).

(85) ПЕ **χiGл^l* ‘широкий’ (кет. *q^ll*, юг. *xe:l/xej^l*, кот. *hīgal*): ПСК **-arq^lü*/**q^larq^lü* ‘широкий’ > ПД **-arq^l*/**q^larq^l* (ПЛ **-arq^l* > таб. *jarq^l-*, аг. *arq^e-f*, лезг. *hārqu* и др.; ав. *ŷe-ba-b*; ПА **q^a-b-l-* > анд. *q^ab*, авх. *q^abe-λe*, кар. *abo-b* и др.; гуниз. *q^aq^u*); ПАА **b-š^wl* ‘широкий’ (уб. *bš^a*; ПАК **bš^wa* > ад., каб. *bš^wa*; ПАТ **tə-bəša* > абх. *a-tbā*, абаз. *tbša*). Сходство кет. *q^ll* с морд. *kel(e)* ‘ширина’ [Bouda 1957: 75] скорее всего случайно.

(86) ПЕ **cl?G-* ‘голова’ (см. [59]): ПАА **sq^la* ‘голова’ (уб. *ša*; ПАК **šha* > ад., каб. *šha*; ПАТ **qa* > абх. *a-χə*, абаз. *qa*). В ПАА представлено сочетание **sq^l-*, не позволяющее определить точно характер начального согласного в ПСК (был ли это сибилант или аффриката).

(87) ПЕ [**čaG*] (~ *s-*, *-k-*, *-g*) (кот. *sāk*) ‘ледяная корка на снегу, наст’: ПСК **č^howq^ll* ‘изморось; иней, снежная крупа’ > ПД **č^howq^ll* (ав. *čiq* ‘моросящий дождь, изморось’; лак. *čalwqa* ‘ливень’ и др.); ад. *sax* ‘иней’, абаз. *saxa* ‘снежная крупа, пороша’ (старый адыгизм).

(88) ПЕ **χe?* ‘большой’ (кет. *qe?*, юг. *xe?*, пумп. *xää-se*; ср. еще кот. *hī-* в *hīpa* ‘дедушка’, *hīma* ‘бабушка’ = кет. *qīp*, *qīma*, юг. *xep*, *xeta*, а также ар. *ki-* в *be-ki-b* ‘(мой) дед’, *be-ki-me* ‘(моя) бабка’): ПСК **-ax(I)i* ‘большой’ > ПД **-ax^ll* (ПЛ **-ax^ll* > арч. *ax^l* ‘быть достаточным’, таб. *ax^llu-*, аг. *ax^la-t*, цах. *χ^la-dī-n* ‘большой’; лак. *ha-ša* ‘достаточный’); ПАА **aχ^l-* ‘больше’ (уб. *č-aχ^l*; ПАК **n-aχ^l* > ад. *nañ*, каб. *naχ*; ПАТ *(*j*)*aħa* > абх. *jaħa*, абаз. *a(j)ħa*).

(89) ПЕ **χij(e)* ‘князь’ (см. [181]): ПАА *(*a*)*χə* ‘князь’ (уб. *χə*; ПАТ **aħə* > абх. *aħ*, абаз. *aħə*).

(90) ПЕ **χo?* ‘рог’ (кет. *qo?*, юг. *xo?*η = кет. мн. ч. *qo?*η, кот. *hau*): ПСК **q^hwä(h^l)* ‘рог’ > ПД **q^h(^w)ä(h^l)* (лак. *qi*; дарг. *qe*); ПАА **q^wa* (уб. *q^a*; ПАК *(*bža*)-*q^(w)a* > ад., каб. *bžāq^wa* (*bža-* ‘роговое вещество’)). При предположении о вторичном характере медиального *-r-* (довольно частое явление в сино-тибетском) можно было бы привлечь к сравнению также ПТБ **kruw* ‘рог’ [Benedict 1972: 22], ДК **krō-k*.

(91) ПЕ **χuis* ‘дом, чум’ (кет. *qu?ś*, юг. *χuis* ‘чум’, кот. *hūs* ‘чум, шатер’, ар. *kus* ‘дом’, пумп. *hu-kut* ‘дом, село’): ПСК **q^wl^rcl^a* ‘дом,

жилище' > ПД $*q^{w}(I)л/s/л$ (ахв. *qusi* 'шалаш'; ахв. *qusi* 'шалаш'; цез. *qaz* 'шалаш, шатер'); ПАА $*qI^{w}a(r)čl$ (абх. *a-q^warc^č* 'башня'; уб. *qIašə* 'селение'; ПАК $*q^{w}ažə$ 'селение' > ад. *q^wāž*, каб. *q^wāžə*). В корне наблюдаются различные ассимилятивно-диссимилятивные изменения, приведшие к довольно сильному нарушению регулярных соответствий между языками; тем не менее вряд ли можно ставить под сомнение общность рассмотренных выше форм. Неясно, как относятся сюда формы с велярными согласными, засвидетельствованные в некоторых языках: ср. абх. *a-k^wac^v* 'хижина'; уд. *kož* 'дом'.

(92) ПЕ $*ʔexl$ (~ *h-*) 'железо' (см. [187]): ПСК $*riχ^{hw}l$ 'название металла (желтая медь ~ золото)' > ПД $*riχ^{hw}l$ (лак. *duk-ni* 'желтая медь, латунь'; ПЛ $*jiλ^{w}a$ 'медь' > таб. *jif*, аг. *iflif*, цах. *juxa*); ПАТ $*xə$ 'золото' > абх. *a-xə*, абаз. *xə-pš*. Не менее заманчивым было бы сопоставление енисейского корня с ПАТ $*ajəxa$ (абх., абаз. *ajxa*) 'железо', однако последнее все же, вероятно, лучше считать иранизмом.

(93) ПЕ $*ʔaxl$ (~ *-k, -g*) (юг. /Castr./ *ak* 'Springhase'): ПСК $*rлg^{w}l$ 'белка, куница, ласка, мышь' > ПА $*reχu$ (ахв. *reχu* 'белка, ласка', тинд. *reχu* 'куница' и т. д.); ПН $*daχk$ (чеч., инг. *daχka*, бцб. *daχk(u)* 'мышь'); ПАА $*rəχ^{w}ə$ (уб. *dəχ^{w}ə* 'мышь'). Ср. также ПТБ $*rvak$ 'крыса' [Benedict 1972: 107].

(94) ПЕ $*təχlr$ 'выдра' (см. [46]): ПД $*tenl^{w}l$ (< $*-g^{w}$) 'ласка, куница' (дарг. *terg^wa*; ПЛ $*tenλ^{w}$ (~ *t-*) > арч. *tunλ*, таб. *terk^w*, аг. *turk*, рут. *tük*, крым. *žek*, буд. *čok*. Нерегулярное развитие инлаутной аффрикаты наблюдается в лак. *tarqa* 'ласка, горностаи').

В нахско-дагестанских языках существует еще сходный корень с велярным взрывным инлаутным согласным (ср. чеч. *dingad* 'ласка', лак. *buIrx-tuķu* 'белка', возможно, также ав. *dergelu* 'летучая мышь')⁴⁸. Особенно интересно наличие значения 'летучая мышь' в аварском (ср. особый енисейский корень с тем же значением, представленный в кот. *tagala*, ас. *tagala*, пумп. *dago-ute*).

Вопреки К. Боуде [Bouda 1957: 75], самодийские формы (сельк. *töt* и т. д.) не могут быть источником ПЕ $*təχlr$ 'выдра'. Отметим еще наличие сходного корня в некоторых ностратических языках; ср. цитируемые Г. Рамстедтом [Ramstedt 1949: 251] формы: ср.-кор. *tal*, нан. *targa* 'выдра'.

(95) ПЕ $*təχl$ 'лодка, сосуд' (см. [25]): ПСК $*taql$ 'сосуд' > ПЛ $*tak$ 'вид сосуда' (аг. *tak* 'улей', рут. *tak* 'улей; корзина для ягод' и т. д.); ПН $*tāql$ (чеч. *tēqa*, инг. *taqa* 'кадка'); уб. (*n*)*daqa* 'сосуд, кувшин, ваза'.

⁴⁸ СК источник, по-видимому, имеет ПК $*(s)tagw-$ 'мышь' (об этом корне см.: [ЭСЯ: 175]).

(96) ПЕ **tix* ‘снег’ (см. [184]): ПСК **diχI^wl* (~ -i-) ‘снег, осадки’ > ПД **diχI^wl* (~ -i-, -χ-) (дарг. *dañi* / *dulñi* ‘снег’; ПЦ (с метатезой) **χi(I)da* > гунз. *χida*, бажт. *χida* ‘роса, иней’); ПН **tχi(r)* (чеч. *tχi*, инг. *tχir* ‘роса’, бцб. *tχir* ‘иней’); ПАА **t^wχ(I)^wl* ‘иней; вьюга’ (каб. *sə-tχ^w* ‘иней’ (*sə* ‘снег’); ПАТ **śə-t^wəñ^wa* ‘вьюга’ (**śə* ‘снег’) > абх. *a-śə-t^wəñ^wa*, абаз. *sra-č^wəñ^wa*).

(97) ПЕ **ʔaχl* ‘шесть’ (см. [186]): ПСК **ʔäränχ^{h(w)}i* ‘шесть’ > ПД **ʔäränχ^hi* (ав. *anχⁱ*; ПА **ʔinχⁱ* > ахв. *inχⁱ*, анд. *onχⁱ-gu*, тинд. *inχⁱ-ja* и т. д.; ПЦ **ʔēχ* > цез. *il-no*, инх. *ēχ*, гунз. *il-no* и т. д.; лак. *raχ*; дарг. *riχ-al* / *uriχ*; хин. *zāk*; ПЛ **riχ(i)* > арч. *dil*, таб. *jirxu-b*, лезг. *rugu-d*, рут. *rixi-d* и т. д.); ПН **jālχ* (чеч., инг. *jalχ* бцб. *jetχ*); ПАА **χ^wl* (уб. *fə*; ПАК **χa* > ад., каб. *χa*; ПАТ **č^wə* > абх. *f-ba*, абаз. *c-ba*). Ср. также ПТБ *(*d*)*ruk* ‘шесть’ [Benedict 1972: 94], ДК **ruk* ‘шесть’.

(98) ПЕ **ʔuʔχ* (~ *x-*, -*g*, -*k*) ‘суп, похлебка’ (кет., юг. *uʔk*, кот. *uk*): ПД **herenq̄u* ‘суп’ (ав. *hañu*; ПА **ʔoq̄l* (~ -*a*) > год. *aji*, тинд. *aj* и др.; ПЦ **joq̄u* > инх. *joq̄u* ‘бульон’, бажт. *jaq̄o* ‘суп, каша’, гунз. *joq̄u* и т. д.; лак. *naq̄*; дарг. *perv*; ПЛ **riq̄* > арч. *diq̄*, аг., рут. *riq̄* и т. д.).

(99) ПЕ **ʔeʔχ* (~ *x-*, -*g*, -*k*) ‘двадцать’ (кет., юг. *eʔk*): ПД **Gə* ‘двадцать’ (ав. *q̄o-go*; анд. *q̄ē-do-da*; ПЦ **qo* > цез. *qi*, гунз. *qo-na* и др.; лак. *q̄u*; дарг. *ka-ʔal* / *ka-l*; хин. *qan*; ПЛ **q̄a* > арч. *q̄a*, таб. *q̄a-b*, лезг. *q̄a-d* и др.); ПН **t-q̄a* (чеч., бцб. *tq̄a*, инг. *tq̄o*). Нелишним кажется отметить ПТБ *(*m*)*kul* ‘двадцать’ [Benedict 1972: 83], хотя происхождение конечного -*l* здесь неясно.

(100) ПЕ **siʔχ* (~ -*k*, -*g*) ‘ночевка (корыто для теста)’ (кет. *siʔk*, юг. *siʔk*): ПСК **č:äq̄^w/al* (/č^{h-}) ‘ложка, черпак, деревянный сосуд’ > ПД **č:äq̄^wl* (ПЛ **čaq̄^w* > арч. *čaq̄^w* ‘деревянная ложка’, таб. (диал.) *čaq̄a* ‘деревянный кувшин для кислого молока и других продуктов’; ав. (диал.) *čikaro* ‘ложка’; лак. *kiči* ‘миска’, *kičala* ‘половник’; дарг. *kaçul* / *kiçul* ‘ложка’ (лакские и даргинские формы с метатезой)); ПАА **č^(w)aq̄^wl* (уб. *čaq̄^wə* ‘миска’; абх. *a-čaq̄^wa* ‘деревянный ковшик с ручкой’).

(101) ПЕ [**χas*] (~ *k-*) ‘барсук’ (кот. *hāš*): ПД **χI^wlr/č/l* ‘белка, куница’ (дарг. *χalrç* ‘белка’; аг. *hürčal* ‘куница; хомяк’); ПН **χēšt* ‘выдра’ (чеч., инг. *χēšt*). Интересно отметить сельк. *kāš* ‘куница’ — по всей видимости, енисейское заимствование.

(102) ПЕ **tuʔ-ŋ* ‘десять (в названиях десятков)’ (кот. -*thukŋ*, например *tōn-thukŋ* ‘тридцать’; ар. -*thūn*, *thjūŋ*, например *qin-thjūŋ*, *kin-tuŋ* ‘двадцать’ и т. д. Конечный -*ŋ* исторически, очевидно, является показателем множественного числа): ПСК **u-ençi* ‘десять’ > ПД **uенçi* (ав. *anç*; ПА **hoço* > ахв. *ača-da*, анд. *hoço-gu*, тинд. *haça-ja* и др.; ПЦ **ʔçə* > цез. *oçi-no*, инх. *ōço*, бажт. *aço-na* и др.; лак. *aç*; дарг. *wiç* / *wеç-al*; хин. *jaʕaz*; ПЛ **uiç(i)* > арч. *wiç*, таб. *jiçu-b*, лезг. *çu-d* и т. д.); ПН **ʔiʔ* (чеч., инг. *itt*, бцб.

itt); ПАА *(p)ç^wл (ПАК *pçə > ад., каб. pşə). Вторичное озвончение налицо в уб. (ž^wə) и ПАТ (*ž^wa > абх. ž^va-ba, абаз. ž^wa-ba). Ср. также ПТБ *tsiy/*ts(y)ay 'десять' [Benedict 1972: 94].

(103) ПЕ *tit- 'мошка' (кет. *tīt*, юг. *tīt* 'мошка', кот. *al-thūtega* 'муравей'): ПД *təmto 'муха' (ав. *tuṭ*; ПА *t/i/nṭl > анд. *ṭenta*, авх. *ṭinṭi*, тинд. *ṭunṭu* и др.; ПЦ *tōt > цез. *tuṭ*, инх. *tuṭ*, гунз. *ṭōt* и т. д.; дарг. *ṭent* / *ṭeṭ*; ПЛ *ṭemt / *ṭamt > арч. *ṭant* 'пчела', аг. *tuṭ*, лезг. *ṭweṭ* 'муха', цах. *toṭ* 'муха, пчела' и др.); ПН *toṭ (чеч. *ṭod* 'овод', бцб. *tuṭ* 'муха'). См. [Bouda 1957: 94].

(104) ПЕ *t/ul- 'основа указательных местоимений' (кет. *tūdā* 'этот', *tuna* 'эти', юг. *tūt* 'этот', *tuña* 'эти', ар. *itaṅ* 'они'): ПСК *tl- 'указательное местоимение' > ПД *tl- (/ *dl-) (ав. *do-w* 'тот'; ПА *dl- > анд. *he-de-w* 'тот (отдаленный от 1-го и 2-го лица)', авх. *ha-da-we* 'этот (недалеко)', *hu-du-we* 'тот (вдалеке)', ботл. *do-b* 'тот' и др.; ПЦ *dl > цез. *je-da*, *how-da*, *en-da* 'этот (вблизи)', инх. *i-du* 'этот', гунз. *bə-d*, *bo-du* 'этот (вблизи)'; хин. *du*, *dā* 'этот, тот'; ПЛ *tl- > арч. *vu-du* 'тот (наверху)', *gu-du* 'тот (внизу)', таб. *du-mu*, ерг. *du-vu* 'тот'); ПН *dla- (чеч., инг. *dla-ra* 'тот'); ПАА *dl- 'основа указательных местоимений' (уб. *aj-da* 'тот, другой'; ПАТ *da-ra > абх. *da-ra*, абаз. *da-ra* 'они'). Можно привлечь и сино-тибетский материал: ПТБ *day* 'тот, этот' [Benedict 1972: 19], ДК *de? 'этот'. Ср. также н. *tä 'этот, тот' [ОСНЯ I: 7].

(105) ПЕ [*tur-] (~ -l-) 'новый' (юг. *tul-im*): ПСК *cānhl 'новый' > ПД *cānhl (ав. *çi*; ПА *cin?l- > анд. *çiw*, авх. *çin-da-be*, тинд. *çihu-b* и др.; ПЦ *-içnl > цез. *eçno*, инх. *içni*, гунз. *-içi* и др.; лак. *çi-sa*; дарг. *çi-ze* / *çi-se*; ПЛ *çenjl > арч. *таса*, таб. *çiji*, аг. *çaje*, рут. *çin-di* и др.); ПН *cin- (чеч. *çina*, бцб. *çinin*); ПАА *çl (уб. *ça* 'новый, молодой'; ПАТ *çə- > абх. *a-j-ç-ba* 'младший', (диал.) *a-çə-ç* 'новый')⁴⁹. О соответствии ПЕ r : ПСК n см. ниже. Предположение о тюркском источнике югской формы [Bouda 1957: 78] совершенно невероятно по фонетическим причинам. Ср. также ПТБ *si/ŋ/ 'новый' (бирм. *sac*, может быть, также тиб. *g-sin* 'хороший'), ДК *sin 'новый'. Не исключена, правда, возможность альтернативного сравнения ПЕ *tur- с другим ТБ материалом: ПТБ *sar 'новый, свежий' [Benedict 1972: 147], ДК *sar 'свежий'.

(106) ПЕ *tir- (~ -l-) 'пупок' (кет. *tīl*, юг. *tīl*): ПД *z:onhu 'пупок' (ав. *çinu*; ПА *çun?i/*çundi > авх. *çun*, анд. *çunni*, тинд. *çī* и др.; ПЦ *cō-ṭor > цез. *co-ṭori*, инх. *ce-ṭon*, бежт. *co-ṭaro* и др.; лак. *çun*; дарг. *zu*; ПЛ *çan > арч.

⁴⁹ В абхазо-адыгских языках существует еще другой корень — *ç^wл 'новый' > ПАК *çā > ад. *ça*, каб. *şa* 'новый'; ПАТ *çə- > абх. *a-çə-c*, абаз. *çəc* 'новый' (возможно, сюда же следует относить и уб. *ça* 'хороший'); неясно, как он относится к рассмотренному выше.

çan, рут. (*uxnid*) *dan* и др.); ПН **çan-ḳ/ul* (инг. *çong*, чеч. *çonga* ‘пупок’). Ср. также ДК **zāj* ‘пупок’.

(107) ПЕ [**tur-*] (~ *-l-*) ‘чистый’ (юг. *tul-en*): ПСК **з:лнδ/ul* ‘чистый’ > ПД **ʕamз:л / *maʕaz:л* (ав. *b-aça-da-b* (ср. *b-açin-e* ‘чистить’); ПА **-açan-* > анд. (*r*)-*erçom* ‘чистый’, авх. *b-açan-ли* ‘чистить’, тинд. *b-açaja-b* ‘чистый’, *b-açahi-ла* ‘чистить’ и др.; ПЦ **-ãcə* > гунз. *-ãcə-ru*, бежт. *j-acō* ‘чистый’ и др.; лак. *març-şa*; дарг. *umzu-* / *um-* / *amzur* / *marze*; ПЛ **maʕç-rл-* ‘чистый’ > арч. *març*, таб. *marçi-*, аг. *maʕrte-*); ПН **çani* (чеч., инг. *çena*, бцб. *çajп* ‘чистый’); ПАА **pə-žl* (~ *p-*) ‘чистый’ (уб. *pça*; ПАК **(qa)-bza* > ад., каб. *qā-bza* ‘чистый’); ПАТ **bəzə-jл* ‘хороший, красивый’ > абх. *a-bzia*, абаз. *bzi*). В нахско-дагестанских языках данный корень является одновременно именным и глагольным. Ср. ПТБ **syar* / **tsyar* ‘чистый’ [Benedict 1972: 52–53], ДК **cheŋ* ‘чистый’. Как и в случае с ПЕ **tur-* ‘новый’ (см. выше), недостоверна тюркская этимология енисейской формы, предложенная К. Боудой [Bouda 1957: 78]. О соответствиях ПЕ **t*: ПСК **з*; ПЕ **r*: ПСК **n* см. ниже.

(108) ПЕ **-tu-* ‘суффикс относительных прилагательных’ (кет., юг. *-tu-*): ПСК **-tʷi* ‘суффикс прилагательных’ > ПД **-tʷi* (ПЛ **-tл* > арч. *-tu* ‘суффикс прямой основы прилагательных, причастий’, лезг. *-di* ‘суффикс субстантивированных прилагательных’, рут. *-di* ‘суффикс прилагательных’ и др.; ПЦ **-du* > гунз., гин. *-du* ‘суффикс прилагательных’; ПА **-do* > авх. *-da-* ‘суффикс прилагательных и причастий’, анд. *-li-do-* ‘суффикс порядковых числительных’ и др.; хин. *-d-* ‘суффикс прилагательных’); ПАА (с вторичной абруптивностью) > ПАТ **-tʷə* ‘суффикс принадлежности’ > абх. **-tʷə*, абаз. *-çʷə*).

(109) ПЕ [**ti?*] ‘бечева’ (кет. *ti?*): ПД **rлŋ(ʷ)л* ‘веревка’ (авх. *reʔa / raʔa* ‘толстая веревка, шнур’; ПЛ > арч. *dulhul-ni* ‘веревка из стеблей растений’).

(110) ПЕ **ʔalit* (~ *-r1-*) ‘женщина’ (кот. *alit*, *alīt*, ар. *alte* в *biqam alte* ‘жена’): ПД **ʔirdл* (~ *x-*?) ‘женщина, жена’ (ав. *ladi* ‘жена’; лак. *šar* ‘жена’; дарг. *xade* ‘женщина’ и др.).

(111) ПЕ **ʔute* ‘полный’ (юг. *ūt*, кот. *ūtī*): ПСК **-oçl/* ‘полный, наполнять’ > ПД **-oçл* (ав. *çura-b*; ПА **-içл-* > анд. *b-iç-i-b*, авх. *b-iç-a-b*, тинд. *b-eçu-b* и др.; ПЦ **-лçл* > инх. *-eçu*, гунз. *-əçə-ru* и др.; лак. *b-uwoçu*; дарг. *b-içib-ze* (*/-si-*); ПЛ **-açл* > лезг. *açaj*, таб. *açu*, арч. *açu-tu-t* ‘полный’ и др.); ПН **-açi-* ‘тяжелый’ (инг., чеч. *b-eza*, бцб. *b-açin*), **-uc-* ‘наполнять’ (чеч. *d-uza*, инг. *d-iza*); ПАА **zл* ‘полный’ (уб. *-za*; ПАК **(jə)-zə* > ад., каб. *jəz*; ПАТ **(a)zə-na* > абх. *a-zna*, абаз. *azna*). В нахско-дагестанских языках данный корень является одновременно глагольным и именным.

Не исключена возможность альтернативного сравнения енисейского корня с другим СК материалом: ПАТ **tʷə* ‘наполняться’ (абх.

a-t^w-ra, абаз. *č^w-ra*) см.: [Bouda 1957: 94]; сравнение с ПСК *-oç/al* нам, однако, кажется предпочтительнее из-за большей распространенности данного корня в СК языках, а также ввиду более регулярного фонетического соответствия (см. ниже).

(112) ПЕ **?ete* ‘острый’ (кет. *ēti*, юг. *ēt*, кот. *ēti*): ПД **-лçл* ‘острый’ (бежт. *аçо*; таб. *иçру*); сюда же, возможно, следует относить **-рçа* в ПАК **ра-рçа* (ад. *рā-рç*, каб. *рā-рçа*) ‘остроконечный’ (**ра-* ‘нос, конец’).

(113) ПЕ **jūta* ‘мышь’ (см. [107]): ПСК **jлс^{hw}e* ‘белка, барсук, мышь’ > ПД [**jлс^{hw}e*] (дарг. *wаса* ‘мышь; барсук’); ПАА **jaš^(w)л* ‘белка’ (абх. *a-ješ*; ПАК **šaja* > каб. *šāja*, ад. *šāj*). Сходный корень имеется и в сино-тибетских языках; ср. тиб. *jos* ‘заяц’, ДК **lu-s* (< **jus*) ‘ласка’.

(114) ПЕ **tat(aŋ)* ‘прямой’ (см. [27]): ПД **-лṭл / *ṭлṭл* ‘прямой’ (ПА **-iṭл* > тинд. *b-iṭiju-b* ‘прямой’, *b-iṭu-b* ‘правый’, кар. *b-iṭo-b* ‘прямой’, *b-iṭu-b* ‘правый’ и т. д.; гунз. *ḳ-eṭā-s* ‘правый’, *ḳ-eṭa-do* ‘направо’; уд. *ṭoṭo-z* ‘вертикально, ровно’); ПН **-eṭ-* ‘плоский’ (чеч. *w-ōda*, инг. *w-eda*). Енисейский источник имеет, очевидно, сельк. *tāteŋ*, *tātek* ‘прямо’, цитируемое К. Боудой [Bouda 1957: 73] в качестве источника кетской формы.

(115) ПЕ **duʔt* ‘шило’ (кет. *duʔt*, юг. *duʔt*, кот. *tūt*): ПАА **d^wəd^wə* ‘шило’ (ПАК **dada* > ад. *dada*, каб. *dad*; ПАТ **zaʔə* > абх. *a-zaʔ*, абаз. *заʔə*).

К. Боуда [Bouda 1957: 86] сближает енисейский корень с ДК **tuj* ‘шило’ (у Боуды *tšwi*, согласно среднекитайской реконструкции Б. Карлгрена). Это сближение возможно только, если признать ПЕ и ПАА формы редуцированными; без редупликации ср. уб. *d^wa* ‘игла’, а также ПАА **d^wл* ‘шить’ (уб. *d^wə*; ПАК **dl-* > ад., каб. *da-n*, *də-n*; ПАТ **za-xə* > абх. *a-za-x-ra*, абаз. *за-χ-ra*).

(116) ПЕ **?at / *ta-* ‘отрицательная частица’ (кет. *āt* ‘не (запретительная частица)’, *ta:ŋ* ‘нет’, юг. *ata* ‘не (запретительная частица)’, *tāŋə bṭs* ‘совсем нет’): ПД **tл* ‘аффикс отрицания’ (Пл **ṭл* > лезг. *ṭ-* ‘префикс отрицания’, таб. *d-* id., *dar* ‘отрицательная связка’ и т. д.; хин. *-n-dä-* ‘суффикс отрицательных причастий’). Вариант с абруптивным *ṭ* представлен в арчинском отрицательном суффиксе *-ṭ(u)* и в ПЦ **-лṭ(л)* > гунз. *-aṭ*, *-iṭ* ‘суффикс отрицания’⁵⁰. Из абхазо-адыгского материала сюда можно отнести ПАТ **-də-ʔa* ‘привативный суффикс’ (абх. *-da*, абаз. *-dʔa*), где *ʔa*, очевидно, основа глагола ‘быть’. Ср. также ПТБ **ta* ‘запретительная частица’ [Benedict 1972: 97].

⁵⁰ Напротив, придыхательное *t^h* отражают уд. *te-* ‘префикс отрицания’ и хварш. *-ate* ‘суффикс отрицания’. Нерегулярное развитие ларингальных признаков нередко в служебных морфемах.

(117) ПЕ **dar-* ‘грязь’ (кот. *aran*): ПД **t^h/ərl* ‘грязь’ (тинд. *tira* ‘помет (собаки)’; бежт. *tār* ‘помет (овечий)’).

(118) ПЕ **dl* ‘основа личных местоимений 3-го лица’ (кет., юг. *da-*, *di-*, ср. *da-ŋa* ‘ему’, *di-ŋa* ‘ей’ и т. д.): ПД **tl* ‘тот’ (ПЛ **tl* > арч. *to-w*, аг. *ti/te*, рут. *ti* ‘тот’; лак. *ta* ‘тот (в стороне от говорящих)’; дарг. *i-t* ‘тот (отдаленный)’). Сюда же примыкает (с нерегулярной абруптивностью) лезг. *a-ta* ‘тот (более отдаленный)’ и, возможно, уд. *te* ‘тот’). Ср. также сино-тибетские формы: бирм. *thaw* ‘этот’, ДК **tə* ‘указательное и личное местоимение 3-го лица’ (интересно, что в древнекитайском, как и в енисейских языках, данное местоимение употребляется только в объектной функции).

(119) ПЕ **de-s* ‘глаз’ (см. [28]). В ПЕ корнем является собственно **de-*: ср. кот., ар. мн. ч. *tie-ŋ*, кот. *te-gan*, *te-kan* ‘свет’ (сложное слово = ‘глаз’ + ‘свет’, см. (52))⁵¹. Элемент *-s в форме единственного числа, очевидно, является показателем единичности (ср. *-sa в *xu-sa* ‘один’, а также противопоставление **pa* ‘раз’ — **pa-s* ‘один раз’ > кет. *hās*, юг. *fa*, *fas*, кот. -*fa*): ПСК **ʔ^wilhi* ‘глаз’ > ПД **ʔ^wilhi* (ав. *ber*; ПА **harʔl* > год., ботл., чам. *haj*, анд. *har-ku* и др.; ПЦ **Hərл* / **Həzrl* (< **Hər-zl*) > цез. *ozuri*, гуыз. *hare*, бежт. *hare* и др.; лак. *ja*; дарг. *ʕule* / *huli* / *uli*; хин. *pil*; ПЛ **h^wil* > арч. *l-ur* (форма мн. ч., в современном языке означает как ‘глаз’, так и ‘глаза’), таб. *ul*, лезг. *vil*, крыз. *ʕiil* и т. д.); ПН **bʕa* / **bʕar-iḳ* (чеч. *bʕa*, *bʕärg*, инг. *bʕa*, *bʕarg*, бцб. *bʕarḳ*); ПАА **b-lä* (уб. *bLa*; ПАТ **(bə)la* > абх. *a-bla* / *a-la*, абаз. *la*; назализация неясного происхождения представлена в ПАК **na* > ад., каб. *na* ‘глаз’). В ПЕ произошла редукция первого слога с ларингалом; соответствие ПЕ **d-*: ПСК **l* закономерно (см. ниже).

(120) ПЕ **doʔn* ‘нож’ (кет., юг. *doʔn*, кот. *ton*, ар. *ton*): ПСК **wls/ü/nl* ‘нож’ > ПД **wlsanl* / **wlpls* (ав. *nus*; ПА **besun* > ахв. *bešun*, анд. *besun*, тинд. *besun* и др.; хин. *vaz*); ПН **mārs* ‘серп’ (< **wān/l/s*; чеч., инг. *mars*); ПАА **š^wa* ~ **š^wa* (уб. *š^wa* ‘серп’). К соответствию ПЕ **d*: ПСК **s*, **š* ср. еще (68), (121); см. также с. 241.

(121) ПЕ **de(?)n* ‘молоко, сосок’ (кот. *ten* ‘сосок’, ар. *teŋul* ‘молоко’, пумп. *den*): ПСК **šinwl* ‘молоко, вымя’ > ПА **šinwu* ‘молоко’ (ахв. *šin* / *šjo*, анд. *šim*, тинд. *šīw*, чам. *šiw* и др.); ПН **šim* ‘вымя’ (чеч. *šin*, инг. *šim*, бцб. *šī*); ПАА **čä* ‘молоко, вымя’ (ПАТ **čä* ‘вымя’ > абх. *a-č-rə-g^w*, абаз. *čä*; уб. *čä* ‘молоко’). К соответствию ПЕ *d*: ПСК *s* ср. еще (68), (120).

(122) ПЕ **ʔad* ‘кость’ (кет. *aʔt*, pl. *aʔeŋ*, *adeŋ*, юг. *aʔt*, pl. *adiŋ*): ПД **hɪəmdl* ‘кость, сустав’ (ав. *hod* ‘позвоночник, хребет’; ПЦ **hod* > гуыз. *hod*

⁵¹ Ср. типологически тождественное обозначение понятия ‘свет’ в абхазо-адыгских языках (абх. *a-la-ša-ra*, ПАК **na-x^wa* < ПАА **bla-l^wa*).

‘сустав, локоть, колено’, бежт. *hod* ‘сустав; позвонок’; дарг. *ʒaInd* ‘колени’; цах. *ad* ‘трубчатая кость’).

(123) ПЕ *ʔiʔn ‘игла’ (см. [35]): ПД *ʔiml ‘шило’ (ПА *himi > авх. *himi*, тинд. *himi*, год. *himi* и др.; ПЦ *ʔeti > цез. *iti*, инх. *ети*, бежт. *ето*).

Маловероятно предположение [Bouda 1957: 76] о тюркском (**igna*) источнике енисейских форм. Ср., с другой стороны, самодийское **ejmä* ‘игла’ [Janhunen 1977: 22], которое может иметь енисейский источник (при условии позднего перехода *-m* > *-n* в ПЕ), усиливая, таким образом, вероятность сопоставимости дагестанского и енисейского материала.

(124) ПЕ *ʔan- ‘кто’ (кет. *anej*, *ana*, юг. *anet*): ПСК *nl ‘основа вопросительных местоимений’ > ПД *nl (ПА *in- (например, год. *in-daqi* ‘когда’, *in-ʒa* ‘почему’ и др.); ПЦ *ni- > цез. *ne-ti* ‘когда’, гунз. *ni-jo* ‘где, куда’; ПЛ *ni > арч. *ha-n(i)* ‘что’, аг. (erg.) *na* / *hi-na* ‘кто’, лезг. (erg.) *ni* ‘кто’, таб. *naʔan* ‘где’, цах. *nen* ‘какой’ и др.); ПН *-n (чеч. *hu-n*, инг. *fu* < **fu-n* ‘что’, бцб. *te-n* ‘кто’); ПАТ *-anə- ‘когда’ (инфикс в глагольных формах, ставится после субъектного показателя) > абх., абаз. *-an(ə)-*; ср. еще *-n* в местоимениях *darba-n*, *jarba-n* ‘кто’. Ср. также тиб. *na* ‘когда’, ДК **nāj* ‘как, что’. Сравнение тибето-бирманского (кхамти *an-nan* ‘какой’), северокавказского (таб. *naʔan*) и енисейского материала см.: [Bouda 1957: 86].

(125) ПЕ *-nl ‘суффикс множественного числа’ (кет. *-n*, *-ń*, юг. *-n*, кот. *-n*): ПД *-nl ‘суффикс множественного числа’ (ПЦ *-nl > гунз., бежт. *-na*, гин. *-ni*; дарг. *-ni*; хин. *-in* ‘суффикс множественного числа одушевленных имен’).

Интересно сравнить данный формант с выделяемым П. Бенедиктом в ПТБ суффиксом «коллективного множественного» *-n [Benedict 1972: 99–100]. Существует и ностратическая параллель; ср. н. *-Na* ‘суффикс множественного числа имен одушевленного класса’ [ОСНЯ I: 11].

(126) ПЕ **sin-* ‘дряхлый, старый’ (кет. *šin*, юг. *sin*). От этого же корня, очевидно, произведено ПЕ название года **s/i/Ga* (см. [71]) < **s/i/n-Ga* (ср. аналогичное образование **siG* < **sim-G* ‘ночь’, см. (27)): ПСК **šüno* ‘год’ > ПД **š/ü/no* (ав. *son*; ПА **re-šin* > авх. *rešen*, анд. *rešin*, тинд. *rehan* и др.⁵²; лак. *šin*; ПЛ **sän* > арч. *san*, рут. *sän*, цах. *sen* и др.); ПН **šo* ‘год’ (чеч., бцб. *šo*, инг. *šu*); ПАА **š^wl* ‘год’ (уб. *š^wa*; возможно, также **šə-* в ПАТ **šə-k^wəšə* ‘год’ > абх. *a-š^kš*, абаз. *sk^wšə*). Ср. ПТБ (с назальным суффиксом) **snij*

⁵² Начальный *re-* ПА формы — результат контаминации с другим ПСК корнем (**ris^wl*/**s^wirl* ‘год, старый’), к которому восходят ПЛ **jis*, дарг. *dus* ‘год’, ав. *b-asra*, авх. *b-ašara*-ла-б, таб. *jersi-*, бцб. *širi-n* ‘старый’ и т. д. Не исключено, что ПН **šo* ‘год’ (ср. косвенную основу **šari-*) также следует относить сюда, а не к корню **šüno*.

‘год’ [Benedict 1972: 79], ДК **nīn* < *(s)*nīn* id. Ср. также ностратический корень **šml* (~ *š-*) ‘год, старый’ [МССНЯ: 337].

(127) ПЕ **sen-* ‘шаман’ (кет. *šep-əŋ*, pl. *šep-in*, юг. *sepəŋ*, ср. еще кет. *šep-am* ‘шаманка’, кот. *šəpaŋ* ‘шаманство’, *šəpaŋ hit* ‘шаман’): ПСК (с метатезированным порядком фонем) **nīwɕ^{hw}/al* ‘князь; бог’ > ПД **nīwɕ^{hw}l* ‘князь; жених’ (ав. *niscal* ‘князь’; ПА **nuso* > ахв. *niša*, анд. *nuso*, кар. *nusa* ‘зять’ и др.; бежт. *nuzo* ‘муж’; арч. *nus-du* ‘зять’); ПН **nōwɕ* ‘зять, жених’ (чеч. *nuc*, инг. *najc*); ПАТ **nəɕ^wa* ‘бог’ > абх. *a-nč^wa*, абаз. *nč^wa*. Интересны также некоторые дагестанские формы с обратным порядком согласных: дарг. *ustij* ‘князь, правитель’, цах. *suta* / *sīta* ‘жених’ (хотя в этих формах не вполне ясна причина появления *m* вместо *n*).

(128) ПЕ **sin-* ‘полынья; источник’ (кет. *šíní*, юг. *sinir* ‘полынья’, кот. *šīpaŋ* ‘источник’): ПД (с обратным порядком согласных, как и в предыдущем примере) **ʔ^win(i)ɕ^hl* ‘источник’ (ПА **ʔinɕi* > анд. *inɕi* и т. д.; ав. *iɕ*; хин. *mic*; дарг. *ʕiniz*); ПН **hast* (< **hanc*) ‘источник’ (чеч., инг. *hast*). Ср. также ДК **ceŋʔ* ‘колодец’.

(129) ПЕ **rɔs* ‘vulva’ (см. [99]): ПД **rəɕ^wl* ‘anus’ (ав. *roɕ*; ПА **riɕ^wi* > ахв. *roɕi*, анд. *ruɕu*, тинд. *roɕi* и др.; сюда же, вероятно, нужно относить ПЦ **rɔs* ‘фундамент’ (< ‘зад’)). Ср. также ПТБ **ryes* ‘зад’ (тиб. *rʒes*, бирм. *raɕ*). Неприемлемо сравнение енисейских форм [Bouda 1957: 93] с тиб. *lhums* ‘Mutterleib’ (где *-s* — суффиксальный элемент).

(130) ПЕ **ɕur-* ‘медь, руда’ (кет. (Castr.) *tulā* ‘медь’, ас. *šur* ‘руда’): ПСК **corl* (**/roɕl*) ‘медь’ > ПД **corl* / **roɕl* (ПЛ **ɕor* ‘красная медь’ > лезг. *ɕur*, рут. *zír*, ав. *rez* ‘желтая медь’ и др.); ПАК **ca-(x^wə)* ‘олово, цинк’ > ад. *cafə*, каб. *zax^w* (**-x^wə* = ‘белый’).

Вопреки К. Боуде [Bouda 1957: 74], сельк. *tola*, *tula* ‘медь’ нужно считать заимствованием из кетского.

(131) ПЕ **sērie* ‘олень’ (см. [83]): ПСК **wlms^w/ilr^l* ‘олень, тур’ > ПД **wlms(w)l/r^ll* ‘тур’ (ав. *bis*; дарг. *murs*; ПЛ **wi(r)ɕ* > арч. *bos* (erg. *baša*), рут. *vasi*, цах. *vis*); ПН **masor* ‘серна, тур’ (чеч. *masar* ‘тур’, инг. *mosar* ‘серна’); ПАА **š^wl/r^ll* ‘олень’ (ПАТ **š^wlr^l* ‘олень, дикий зверь’ > абх. *a-š^vara-x*, абаз. *š^warax* ‘олень’, *š^wər* ‘зверь; дикий’; ПАК **šə-ħl* ‘олень’ > ад. *šəħa*, каб. *šəħ*; уб. *la-š^wa* ‘на охоту’ (*la* ‘олень’)).

(132) ПЕ **saʔr^l* ‘острие’ (кет. *šáʔl*, юг. *saʔr*, кот. *šal*): ПСК **ɕəwli* ‘стрела, острие’ > ПД **ɕəwli* ‘стрела’ (ав. *ɕor* ‘стрела, шомпол, черенок’; лак. *ɕila* ‘нож’; ПЦ **ɕulu* / **ɕuru-* ‘стрела’ и др.).

Самодийские формы, приводимые К. Боудой [Bouda 1957: 72], следует считать имеющими енисейский источник.

(133) ПЕ **ʔir^l* (~ *-r^l*) ‘дух, дыхание’ (кет. *il*, юг. *ir*): ПД **hal/ɕl^l* ‘дыхание, дух, пар’ (ав. *hal-ize* ‘кипеть’; тинд. *hā* ‘пар’ и др.; ПЛ **hel-* > арч.

hil 'пар, выдыхаемый воздух', таб. *el* 'пар', рут. *il* 'запах', лезг. *jal* 'дыхание, запах', крыз. *ʕal* 'выдыхаемый воздух' и др.); ПН *ʕ/i/ 'пар' > инг. *ʕi*, чеч. *ʕä*.

(134) ПЕ **sir*- 'лето' (кет. *šīli*, юг. *sīr*, кот. *šil-paŋ*, ар. *šil*): ПСК **ʕhow/i/llh* ~ **ʕh/i/wolh* 'осень' > ПД **ʕhowllh* (ПА **ʕibllh* > авх. *ʕibera*, анд. *sibiri*, тинд. *ʕibar* 'зима' и др.; ПЦ **ʕibər* 'осень' > цез. *sebi*, гунз. *sibər* и др.; лак. *su-t* 'осень'; хин. *cuvaz̧*; ПЛ **cowol-* 'осень' > арч. *soṭ-aqI*, таб. *čʕul*, цах. *ciwí* и др.); ПН > бцб. *ʕtabo* 'осень'; ПАА **b-ʕl* 'осень, зима' (уб. *bʕa* 'зима'; ПАК **bʕa-ħa* 'осень' > ад. *bʕaħa*, каб. *bʕaħa*). Ср. также ДК **čhiw* 'осень'. Сравнения с китайским и СК материалом у К. Боуды [Bouda 1975: 91] недостоверны.

(135) ПЕ **ʔa(?)l* 'половина' (кет. *al* / *aʔl*, юг. *al* / *aʔl* 'половинный' (аттр.), кот. *āl-iχ*, *āl-iġ* 'полдень' (*iχ*, *iġ* 'день'); ср. еще кет. *d-ala*, юг. *d-ala* 'половина', где *d-* — скорее всего префиксальный (классный? формант): ПСК **-eʕ/i/* 'половина, середина' > ПД **-eʕl* (ав. *b-aʕ-l* 'посредине'; ПА **-oʕi* (~ *-a-*) 'половина, середина' > авх. *b-aʕi-s* 'половина', кар. *baʕi* 'между', тинд. *b-aʕi* 'посредине', *r-aʕa-ʕila maḳʷa* 'середина' (*maḳʷa* = 'место'); ПЦ **-aʕl* > цез. *r-oʕo* 'середина', бежт. *-aʕo* 'середина', *-aʕo-kos* 'половина' и др.; лак. *-ači* 'половина'; дарг. *-ajʔ* / *-aγ* / *aγ* 'середина'); ПАА **bā-La* 'между' (уб. *bLa-* (преверб) 'между, среди'; ПАТ **bāza* > абх. *bʕa-*, абаз. *bʕa-* (преверб) 'между', абх. *a-bʕa-ra*, абаз. *bʕa-ra* 'между', возможно, также ПАК **bLa-* > ад., каб. *bLa-* (преверб) 'мимо'). Данный корень принадлежит к числу именных корней с переменными классными показателями (ср. еще кетскую форму *d-ala* при *al*). Ср. ПТБ **lāy* 'центр, середина' [Benedict 1972: 65].

(136) ПЕ **cu(?)* (/ **cuc*) 'тетива' (юг. (Castr.) *tuť* (< **tuť* в результате регулярной диссимиляции) 'тетива лука', ас. *gij-tu*, ар. *kej-tu* 'тетива'. В первой части ассанского и аринского сложений представлен ПЕ корень **χiʔʕ* 'лук' (см. [182]): ПСК **ʕlʔl* 'лук, стрела' > ПД **ʕlʔl* (таб. *ʕeʔ*; ПЦ **ʕaʔ* 'лук' > гунз. *ʕaʔa*, бежт. *ʕaʔ*, цез. (*ʕeru-*) *ʕa* и др.); ПН > бцб. *ʕa-ḳ* 'стрела'; ПАА [**ʕə*] 'лук, стрела' (ПАТ **xə-ćə* 'лук, стрела' (**xə* 'стрела') > абх. *a-xə-ć*, абаз. диал. *χə-c*).

(137) ПЕ **ʔaz* 'я' (см. [64]): ПСК **zo* 'я' > ПД **zo-* (ав. *du-n*; ПА **de-n* > анд. *den*, авх. *de-ne*, тинд. *de* и т. д.; ПЦ **də* > цез. *di*, гунз. *də* и др.; лак. (косв. основа) *tu-*; дарг. (косв. основа) *di-*; хин. *zā*; ПЛ **zo-n* (арч. *zon*, таб. *uzu*, лезг. *zun*, рут. *zi* и т. д.); ПН **so* (чеч., инг., бцб. *so* 'я'); ПАА **sɹ* 'я' (уб. *sə-vʷa*; ПАК **sa* > ад., каб. *sa*; ПАТ **sa-ra* > абх. *sa-ra*, абаз. *sa-ra*).

(138) ПЕ **ʔes* 'бог, небо' (см. [77]): ПД **ʔamʕl* 'небо, облако; достоинство, совесть' (ПЦ **ħaʕ* 'небо, облако' > цез. *as*, бежт. *has*, гунз. *has* и др.; ПА **ʔasi* 'достоинство, совесть, уважение' > анд. *aʕi* и др.; ав. *aʕ* id.; ПЛ

*ʔam̥s- ‘туман, облако’ > таб. *ams* / *am̥s*, рут. *asaj*, уд. *asoj*). ПД значение ‘моральное благородство (достоинство, совесть)’ прямо соотносится с ПЕ ‘бог’, а ПД ‘небо, облако’ — с ПЕ ‘небо’.

(139) ПЕ *-se ‘суффикс субстантивированных прилагательных и причастий’ (кет. -ś, юг. -s, кот. -še и др.): ПД *-s̥l- ‘суффикс прилагательных и причастий’ (ав. -se- ‘суффикс производных прилагательных’; ПА *-s̥l- > анд. -s̥i, ботл. -s̥u-, тинд. -s̥a- и др.; лак. -sa ‘суффикс прилагательных и причастий’; дарг. -si / -s̥i / -ze; ПЦ *-s̥(l) > цез. -si ‘суффикс производных прилагательных’, инх. -so и др.).

(140) ПЕ *b/i/s ‘брат’ (кет. *biś-εʔp*, юг. *bis-εʔp* ‘брат’, кот. *porēš* ‘брат’, *porēša* ‘сестра’, пумп. *bič* ‘брат’). В кетском, югском и коттском сложение с *-beʔp/*-beʔb, ср. кет. *beʔp* ‘зять, муж старшей сестры’, т. е. *bis-εʔp* < **bis-beʔp*; ср. мн. ч. юг. *bisen-befən* ‘братья’, кет. *biśn-imin*): ПСК **μič^{hw}/il* ‘брат’ > ПД **μič^{hw}l* (ав. *wac*; ПА **woci* > анд. *woci*, авх. *waci*, тинд. *waci* и др.; ПЦ **iš* > цез. *esu*, инх. *is*, бежт. *is* и др.; лак. *ušu*; дарг. *uce* / *uzi* / *uci*; хин. *ci*; ПЛ **č^wij* (< **μlčij*) (арч. *uś-du*, таб. *č^wi*, аг. *č^wij* / *ču*, уд. *wiči* и др.); ПН **waša* (чеч. *waša*, инг. *woša*, бцб. *waš*); ПАА **č^wə* (/ **š^wə*) (уб. *šə-ла*; ПАК **čə* > ад. *šə*, каб. *q^wa-š* (*q^wa* = ‘сын’)). В ПСК форме *μ*- — переменный классный показатель (ср. еще **r-ič^wl* ‘сестра’ и **w-ič^wl* ‘брат / сестра животного’).

Не исключена возможность сравнения (ср. особенно ПД **rič^wl* ‘сестра’) с ПТБ **dzar* ‘сестра (мужчины)’ [Benedict 1972: 28], ДК **čaj?* ‘старшая сестра’, если допустить возможность конечной позиции классного показателя в сино-тибетском⁵³.

(141) ПЕ *su- ‘половина’ (юг. *sū-*, кот. *šu-*, пумп. *tu-* в названиях полудня и полуночи): ПСК **hamç/iil* ‘половина, середина’ > ПД **hamçl* ‘половина; поясница’ (инх. *hīçe* ‘поясница’; таб. *haç* ‘половина’); ПН **ʔōç-iḳ* (чеч. *ōzig*, инг. *ezig* ‘сердцевина (плетки); остров; стержень нарыва’); ПАА **š^wa* ‘половина, середина’ (уб. *za(n)-š^wa* ‘половина, середина’, *š^wa* ‘задняя часть’); ПАТ **bə-ža* ‘половина, середина’ > абх. *a-bža*, абаз. *bža*; ПАК **š^wa-* в сложениях > ад. *š^wa-g^wə*, каб. *š^wa-g^w* ‘очаг’, ад. *š^wa-naq^w* ‘место перед очагом’ (*naq^w* = ‘середина’, *g^wə* = ‘сердце, середина’)).

(142) ПЕ *ʔas-/s̥al- ‘основа вопросительных местоимений’ (кет. *aśés* ‘какой’, *aś-ka* ‘когда’, юг. *asejs* ‘какой’, *asera* ‘кто (о женщине)’, *ās-kej* ‘когда’, *as-sa* ‘что’, кот. *ašix* ‘какой, как’, *ši-na*, *še-na* ‘что’): ПСК *s̥l ‘основа вопросительных местоимений’ > ПД *s̥l- (ав. (косв. основа) *sun-* ‘что’; авх. (косв. основа) *sun-* ‘кто, что’; ПЦ *s̥i- > гин. (ном.) *se* ‘что’, гуنز. (косв.

⁵³ Ср. также особый вариант (с конечной позицией классного показателя *j*?) в ПД **č^{hw}ijl* ‘сестра’ (откуда ПЦ **išju* > бежт. *isi* ‘сестра’ (при *is* ‘брат’), лак. *su* ‘сестра’, ПЛ **čij* ‘сестра’ > таб. *či*, аг. *či* и т. д.).

основа) *sin-* ‘что, какой’, *sej-* ‘кто, какой’; лак. (косв. основа) *sa-* ‘что’; дарг. *se* ‘что’; хин. *jaza* ‘что’); ПН (косв. основа) **sʎl-* (чеч. *ste-*, бцб. *sʎi-* ‘что’); ПАА **sl* ‘что’ (уб. *sa*; ПАК **sə-* > ад. *sə-d*, каб. *sə-t* ‘что’; возможно, также ПАТ **zʎ-* в **zʎ-ʎa* ‘сколько’ > абх. *zaʎa*, абаз. *zʎa-ra*). Отметим еще (в качестве альтернативного кандидата для сравнения) ПСК **šʎl* ‘основа вопросительных местоимений’ > ПД **šʎl* (ав. (ном.) *šʎi-w*, *šʎi-b* ‘кто, что’; лак. (косв. основа) *šʎi-* ‘кто’; ПЛ **šʎi-* > таб. (erg.) *š-li*, ар. *še* ‘кто’ и т. д.); ПАТ **-šə-* > абх. *-š(ə)-*, абаз. *-š(ə)-* ‘как’. Ср. также ПТБ **su* ‘кто’ (тиб. *su*, бирм. *a-su* и др.). Сравнение енисейской, тибетской и адыгской форм см.: [Bouda 1957: 91].

(143) ПЕ **sisa(l)-* ‘легкие’ (см. [75]): ПСК **[ʎ]ʎ[ʎ]ʎ* ‘почка’ > ПД **[ʎ]ʎ[ʎ]ʎ* (дарг. *ur-ces*; хин. *çiçin*); ПАА **çāçā* (/ʎ*ç^waç^wa?) (ПАК **zázajə* > ад. *zázəj*, каб. *zázaj*; ПАТ **çāçā* > абх. *a-çāçā*, абаз. *çāçā*; уб. *çāçā*). Точная реконструкция ПСК формы затруднена различными диссимилятивно-ассимилятивными процессами, имевшими место в языках-потомках.

(144) ПЕ **seʎs* ‘лиственница’ (см. [72]): ПСК **cасл* ‘колючка’ > ПД **cace* (ав. *zaz* ‘терновник; колючка’; ПА **zaza* > авх. *žāža*, анд. *zaz*, тинд. *zaza* ‘колючка’; гунз. *ziza* ‘колючка, шип (растения)’; лак. *cas* (gen. *ciçul*) ‘шиповник’; дарг. *caçe* / *zanzi* / *cañci* ‘колючее растение, колючка’; ПЛ **caça* (арч. *cas*, таб. *zaz*, цах. *zaza* ‘колючее растение, шиповник’ и др.); ПН **zēz* (чеч. *zez* ‘лиственница’); ПАА **caça* ‘вертел’ (< *‘колючка, шип’) (уб. *casā*; ПАК **caça* > ад. *cāca*, каб. *zāsa*). Тот же корень налицо в ПК **zezw-* ‘колючник (растение)’ [ЭСКЯ: 234–235].

СК параллель енисейскому **seʎs* представляется вполне надежной; нельзя, однако, исключить и возможность заимствования енисейского корня из каких-либо соседних языков (самодийских или тунгусо-маньчжурских, где также имеются сходные корни, см. [Bouda 1957: 79]). Возможность этого усиливается еще и тем фактом, что в общей енисейско-северокавказской лексике практически отсутствуют названия растений.

(145) ПЕ **(ʎ)suʎ* ‘луна’ (кот. *šui*, ар. *ešuj*, *išuj*, пумп. *tuj*): ПСК **wəmtço* ‘луна, месяц’ > ПД **wəmtço* (ав. *moç*; ПА **birç^wi* > авх. *boço*, анд. *borçi*, тинд. *boçi* и др.; ПЦ **boçə* > цез. *buci*, инх. *bucu*, гунз. *boco* и др.; лак. *barz*; дарг. *baç* / *baʎ* / *baz*; хин. *vaç*; ПЛ **warç* > арч. *bac*, таб. *vaz*, лезг. *varz* и др.); ПН **butt* (чеч., инг., бцб. *butt*); ПАА **maza* (ПАК **maza* > ад., каб. *māza*; ПАТ **məzʎ* > абх. *a-mza*, абаз. *mzə*; уб. *məza*). Интересно отметить также ДК **η^wat* ‘луна’, где **-t* может восходить к **-c*.

(146) ПЕ **ʎise* ‘мясо’ (см. [79]): ПСК **jəmtço* ‘бык’ > ПД **jəmtço* (ав. *oc*; ПА **ʎutco* > анд. *unso*, авх. *unça*, тинд. *musa* и др.; ПЦ **ʎōç* > цез. *is/os*, инх.

ēs, гунз. *ōs* и др.; лак. *nic*; дарг. *unc/uc*; ПЛ **jamc* > арч. *ans*, таб. *jiс*, аг. *jac^w*, лезг. *jac* и др.); ПН **jēt* ‘корова’ (чеч., инг., бцб. *jett*); ПАА **c^wə* ‘бык’ (ПАК **c^wə* > ад. *c^wə*, каб. *və*; ПАТ **c^wə* > абх. *a-c^v*, абаз. *č^wə*; уб. *c^wə*). Интересно отметить ностратическую параллель: **Homsa* ‘мясо’ (в сем.-хам. также ‘корова’) [ОСНЯ I: 252].

(147) ПЕ **xu-sa* ‘один’ (см. [80]; налицо сложение, первый компонент которого имеется в другом композите: кет. *qəʔk*, юг. *xəʔk* ‘один’ (одуш.). Второй компонент (**-sa*) со значением ‘один’ — по всей видимости, тот же, который можно выделить в кот. *al-šep* ‘один раз’, а также в ПЕ **de-s* ‘(один) глаз’ и **pa-s* ‘один раз’, см. (119)): ПСК **c^hə* ‘один’ > ПД **c^hə* (ав. *co*; ПА **ce-* / **se-* > авх. *ce-be*, анд. *se-b* / *ce-b*, тинд. *se-b* и др.; ПЦ **hə-s* (прямая основа), **sⁱ-* (косв. основа) > цез. *sis*, инх. *hos*, гунз. *həs* (прямая основа), *sⁱ-* (косв. основа) и др.; лак. *ca*; дарг. *ca*; хин. *sa*; ПЛ **sa* > арч. *os*, *sej-tu*, таб. *sa-b*, аг. *sa-d* / *sa-r*, лезг. *sa* и др.); ПН **c^hə* (чеч., инг., бцб. *čha*); ПАА **z^l* (уб. *za*; ПАК **zə* > ад., каб. *zə*; ПАТ **zə* > абх. *z-nə* ‘один раз’, абаз. *za-ḳə* ‘один’).

В СК языках наряду с рефлексами простой формы **cə* представлены рефлексы, восходящие, видимо, к сочетанию типа **c-ḥə* (ср. ПН **c-ḥə*; нерегулярная звонкость **z* в ПАА также может указывать на исходное сочетание в ПСК). Интересно отметить также существование двух параллельных форм в сино-тибетских языках: ПТБ **it* ‘один’ [Benedict 1972: 94], ДК **?it* (*?it* может восходить к **?ic*) и ПТБ **kat* ‘один’ [ibid.] (может восходить к **qac*). Сравнение кот. (*al*)-*šep* с тиб. *g-čig* ‘один’ [Bouda 1957: 93] неприемлемо.

(148) ПЕ **?ēs-* ‘ремешок для крепления лыж’ (кет. *ε:še*, юг. *ε:s*): ПСК **?larš^w/al* ‘веревка (кожаная), ремень’ > ПД **?larš^wl* (ав. *ʎarš* ‘ремень’; ПА **?aši* (~ *-o-*) ‘кожаная веревка’ > кар. *aše*, тинд. *aši*); ПН **?āso* ‘ремень’ (чеч. *āsa*, инг. *osa*, бцб. *aso*); ПАА **š^wa* ‘веревка’ (ПАТ **ša*, **ša-qa* > абх. *a-ša*, *a-ša-ḳa*, абаз. *ša-qa*; возможно, также уб. *-ša* в *(n)d^wa-ša* ‘веревка’).

(149) ПЕ [**su*] (~ *č-*) ‘земля, почва’ (кот. *šu*): ПСК **h^wenš^wi* ‘земля, глина’ > ПД **h^wenš^wi* (ав. *harš* ‘грязь, глина’; ПА **?unši* ‘земля’ > авх. *ūši*, анд. *onši*, тинд. *unši* и др.; лак. *alrši* ‘земля’); ПАА [**nəš^wə*] (ПАТ **nəš^wə* ‘земля, глина’ > абх. *a-nəš^v*, абаз. *nəš^w*).

(150) ПЕ **čəʔ* ‘соль’ (кет. *tɪʔ*, юг. *čɪʔ*, кот. *ši-* в *šinčēt*): ПАА **čə* / **žə* ‘соль’ (уб. *žə*; ПАК **čə-b^wə* (**b^wə* = ‘сухой’) > ад. *šəb^wə*, каб. *šəb^w*, ПАТ **žə-ḳa* > абх. *a-žə-ḳa*, абаз. *ž-ḳa*). Ср. также ПТБ **(m)tsi* ‘соль’ [Benedict 1972: 121]. Неприемлемо непосредственное сближение енисейской формы с сельк. *šəäk*, *s(e)ak* ‘соль’ [Bouda 1957: 73].

(151) ПЕ [**žə-n*] ‘гость’ (кот. *čən*; исторически, вероятно, форма мн. ч. на *-n*): ПСК **ž^wl(ḥl)* ‘гость’ > ПА **č^e-* (анд. *ce*, год. *ce-ji*, тинд. *ce*

и др.); ПН *hāša (чеч., инг. hāša); ПАА *(b)-čā (уб. pčā ‘гость’; ПАК *ha-čā > ад. hā-čā, каб. ha-ša).

(152) ПЕ *žer-η ‘люди’ (см. [95]; -η — суффикс мн. ч.); ПСК *č^hiw(i) ‘человек, мужчина’ > ПД *č^hwij(i) / *č^hiw(i) (ав. čī; лак. čiw; дарг. sub; ПЛ *š^wij > таб. žvi, аг. švij / š^vij / šuj и др.); ПАА *čā (*/čā) (уб. čāca ‘люди’; вероятно, также ПАК *čā-x^wə ‘человек’ (-x^wə < *λ^wλ ‘рождать(ся)’) > ад. çəfə, каб. çəx^w). В сложении с другим ПСК корнем (*herk^wi ‘человек’) данный корень представлен также в лак. čiw-ark ‘люди, мужчины’; ПЦ *š-ik^wə ‘человек, мужчина’ (цез. žeku, хварш. žik^wa, гунз. siķu и т. д.); ПН *st-ak ‘человек’ (чеч. stag, инг. sag, бцб. štaķ).

(153) ПЕ *žar₁ (~ -l) ‘холод, холодный’ (см. [88]): ПСК *reč/ül/ ‘холод, холодный’ > ПЦ *rčəl ‘холод’, *-čč/el ‘холодный’ (цез. -očiju, гунз. -čči, гин. -oči и т. д.); ПАА *č^wə (уб. čā ‘холод’; ПАК *čā-za > ад. čāza, каб. šāza ‘холод, холодный’). Как и в некоторых других примерах, в ПСК налицо обратный порядок фонем по сравнению с ПЕ.

Список примеров можно было бы продолжить. Однако уже на приведенном выше материале можно попытаться установить соответствия между енисейскими и северокавказскими языками.

Прежде всего вопрос о структуре корня. Две наиболее частые структуры именного корня в ПСК — CV(R)CV⁵⁴ и H/RVRV(R)CV⁵⁵. Первая из них регулярно соответствует в ПЕ структуре SVC(V); вторая после редукции первого слога также сводится в ПЕ к структуре SVC(V). При этом в ПЕ происходит регулярное упрощение сочетаний типа -RC- за счет выпадения сонанта (ср. № 4, 6, 10, 13, 37, 39, 51, 57, 58, 73, 82, 91, 98, 101, 103, 110, 122, 138, 145, 146, 148)⁵⁶. Просодическим вариантом типа SVC(V) в ПЕ является тип CV?VC.

⁵⁴ С редкой разновидностью — CVHV(R)CV. Здесь и ниже С — любой согласный, H — постулярный (ларингал или фарингал), R — сонант, V — любой гласный.

⁵⁵ Следует помнить, что речь идет о ПСК; в отдельных подгруппах ситуация может быть иной. Так, ПАА регулярно утрачивает слоги с ларингалами и, за сравнительно редкими исключениями, сонантами (кроме начального *m*-); здесь, следовательно, структура корня наиболее часто представлена типом C_mV или C_mV_mCV (где C_m — любой шумный согласный). Другие подгруппы северокавказских языков более консервативны, однако и там возможны выпадения сонантов и ларингалов и редукция конечных гласных.

⁵⁶ Только в двух случаях ПЕ сохраняет первый сонант в сочетании (№ 41, 42), а в одном случае (№ 55) он имеет носовой *-n*- в сочетании на месте *-l*- в ПСК; причины этого пока неясны. Особый случай — СК корни структурного подтипа CVRHV: в них сонант регулярно сохраняется, зато пропадает ларингал (ср. № 25/67, 72, 105–107, 134). Аналогично обстоит дело с редким подтипом CVRRV; здесь в ПЕ сохраняются плавные и носовые при выпадении *-V*- (ср. № 121, 432).

Структура *CV* в ПСК встречается в немногих именных корнях (числительных и местоименных), и ей обычно также соответствует структура *CV* в ПЕ (ср. № 16, 29, 30–32, 38, 47, 63, 104, 116, 142, 147). Во многих из этих случаев, однако, в ПЕ налицо варианты *CV/?VC* (№ 16, 30, 32, 47, 116, 142), возможно, отражающие старые парадигматические особенности соответствующих корней (ср. еще № 99, 124, 137, где ПСК структуре *CV* соответствует только *?VC*).

В ПСК встречаются также некоторые иные виды именного корня. Например, есть тип *-V(R)CV* (т. е. корни, начинающиеся на гласный, перед которым стоит переменный классный показатель), характерный для прилагательных и немногих существительных с семантикой «измерения»⁵⁷. Такие корни имеют в ПЕ структуру либо *?VC(V)* (ср. № 65, 111, 112, 135), либо *CV-* (ср. № 77, 88, 102)⁵⁸. Иногда выступает вариант корня с редупликацией (№ 74, 85, 114 и, видимо, 75, хотя в данном случае нужно скорее говорить об исконной глагольной, а не адъективной семантике); характерно, что эти же корни подвержены редупликации и в северокавказских языках.

Наконец, в ПСК встречается некоторое количество трехсложных корней другого типа, нежели *H/RVVRV(R)CV* (о нем см. выше). Это тип *H/RV(R)CVRV*, дающий в ПЕ (с нормальной утратой первого слога с *H-* или *R-* в трехсложной структуре и упрощением сочетаний типа *-RC-*) тип *CVR(V)* (ср. № 28, 34, 52, 120, 131); тип *CVH/RV(R)CV*, дающий в ПЕ тип *CVC(V)* (№ 3, 5, 6, 17, 134; выпадение срединного сонанта в № 134 обусловлено общей рефлексацией **w > ∅* в ПЕ; см. с. 238); тип *HV(R)C_шVC_шV*, дающий в одном случае (№ 60) в ПЕ тип *?VCCV*.

Теперь перейдем к выяснению соответствий между ПЕ и ПСК в области вокализма и консонантизма.

Вокализм

Как для ПСК, так и для ПЕ реконструируются богатые вокалические системы (по девять гласных). Несмотря на отдельные неясности,

⁵⁷ Классные показатели имеют и некоторые термины родства, а также отдельные названия «плоских» частей тела («лицо», «живот», «спина» и т. п.). Из этих корней нам пока известен лишь один, обнаруживающий енисейскую параллель (№ 140), где исконный классный показатель отражается в ПЕ как часть корня.

⁵⁸ В трех случаях (№ 119, 141, 149) структуру *CV* в ПЕ получают корни, имеющие в ПСК структуру *HV(R)CV*; причины этого не вполне ясны.

между ПСК и ПЕ в целом устанавливается довольно хорошая система соответствий⁵⁹:

ПСК	ПЕ	№ примеров
*i	*i, *e	4, 10, 92, 96, 121, 123, 131, 152
*ü	*i	46, 126
*e	*ə, *i ^{a)}	3, 8, 51, 52, 56, 64, 66
*i	*i, *e ^{a)}	21, 45, 110, 127, 128, 140
*ə	*a ^{b)}	15, 53, 122, 132, 147
*u	*u	65
*o	*a ^{b)}	18, 32, 34, 87, 137
*a	*a, *e ^{a)}	37, 73, 88, 138, 144, 148

а) В соседстве с лабиализованным или губным согласным в ПЕ может наблюдаться также рефлекс *u* (№ 12, 25, 36, 48, 50, 62, 98). Кроме того, в двух случаях (№ 33, 135) ПСК **e* соответствует ПЕ **a* (возможно, это как-то связано с соседством латеральных аффрикат).

б) В одном случае ПСК **ə* соответствует ПЕ **i* (№ 146; по-видимому, в результате упреждения после аналутного **j*-). Окказионально встречаются также рефлекс **i* (№ 103) и **e* (№ 99).

в) Спорадически (только рядом с переднеязычными согласными) наблюдаются рефлекс **i* (№ 106), **u* (№ 111, 130).

Остаются неясными енисейские соответствия ПСК гласному **a*. Можно отметить, что перед переднеязычными согласными ПЕ в трех случаях отражает данный гласный как **u* (ср. № 17, 61, 105); в остальных случаях налицо рефлекс **a* (№ 71, 97), **i* (№ 63, 100), **e* (№ 67) с невыясненным распределением. Также неясны северокавказские соответствия ПЕ гласным **ä*, **o* и **ɔ*.

Консонантизм

Система ПСК консонантизма отличается исключительной сложностью и насчитывает (даже если не принимать во внимание лабиализованных коррелятов) более 80 фонем. Для ПЕ восстанавливается менее богатая система — из 28 фонем.

⁵⁹ Из рассмотрения, естественно, исключаются те случаи, когда в ПСК либо в ПЕ реконструкция гласного не определена (т. е. восстанавливается неизвестный гласный, обозначаемый символом *l*. Кроме того, мы не рассматриваем здесь соответствий ауслутных гласных.

Ниже мы попытаемся прокомментировать соответствия ПСК и ПЕ согласных.

Сонанты

ПСК **w* в ПЕ регулярно соответствует \emptyset (отсутствие согласного); ср. № 131, 134, 145, 152. Напротив, ПСК глайду **u* в одном случае соответствует ПЕ *b* (*bis* ‘брат’, № 140), а в одном — *w* (*ʔaw* ‘ты’, № 32); вероятно, эти соответствия распределены по позициям, хотя материала слишком мало для окончательного суждения.

ПСК *m* обнаруживает несколько соответствий в ПЕ: *b* (№ 15, 17, 21), *m* (№ 24–26, 28), *w* (№ 29, 30–32), *ŋ* (№ 66–70, 72)⁶⁰.

Нетрудно заметить, что первые два рефлекса распределены по позициям: *b* — в анлауте (в ПЕ носовые сонанты в анлауте не встречались), *m* — в прочих случаях. Рефлекс *w* обнаруживается только в односложных служебных морфемах; в таких морфемах в ПЕ наблюдалось только *w* и отсутствовало *m*. Что касается причин двоякого соответствия в ПЕ в инлауте ПСК *m* (либо *m* — № 24–26, 28, либо *ŋ* — № 67–70, 72), то они пока не вполне ясны. Поскольку в ПСК отсутствует сонант *ŋ*, то можно было бы думать, что *ŋ* дал ПСК *m*, вызвав тем самым появление второго ряда соответствий. Однако нужно отметить, что сино-тибетские параллели в указанном ряду также имеют *m* (редко — *n*), но не *ŋ*. Что касается сино-тибетского *ŋ*, то (в тех случаях, когда этот согласный не суффиксальный) он обычно соответствует ПСК *n* и ПЕ *n/r* (о распределении этих рефлексов см. с. 239). В анлауте сино-тибетский *ŋ* соответствует ПСК *n*- и ПЕ *b*- (очевидно < **m*-); ср. № 16⁶¹. Поэтому скорее нужно думать, что исконный *m* в ПЕ в инлауте дает двоякие рефлексы: *m* или *ŋ*. Есть основания считать, что переход *m* > *ŋ* в ПЕ происходил преимущественно при наличии после *m* какого-либо поствулярного согласного, однако многое здесь еще продолжает оставаться неясным.

ПСК *r* в анлауте могут соответствовать ПЕ *t*- (№ 56, 62, 109) или *ʔ*- / \neq \emptyset / (№ 92, 93, 97, 98), *r* в ПЕ в анлауте отсутствует. Распределение пока неизвестно. В одном случае (№ 129) ПЕ показывает в анлауте уникальный *ʔ*; отметим, что ПТБ имеет в этом корне весьма редкий

⁶⁰ В одном случае (№ 123) ПЕ имеет *n* при ПСК *m*; это, очевидно, вызвано ассимиляцией *m* > *n* после переднего *i*.

⁶¹ На такое соответствие есть еще несколько примеров; ср., е. г., ПТБ *ŋan* ‘гусь’ [Benedict 1972: 99], ДК **ŋrān-s* (**r-ŋān-s*): ПЕ **bəʔn* ‘утка’ (кет. *blʔn*, юг. *blʔn*, кот. *pin*, ар. *poŋa*, пумп. *ban*) и др.

комплекс — *ry*. В других позициях ПСК *r* могут соответствовать ПЕ *r*, *r*₁ или *ř* (№ 53, 81, 117, 130, 131).

Редкому ПСК *j* в ПЕ соответствуют *j* (№ 49, 113) или *ʔ*- (№ 146). Распределение очевидно: *ʔ*- имеет место перед гласным *i*, где в ПЕ не встречается *j* (**ʔise* ‘мясо’).

ПСК *n* в большинстве случаев соответствует ПЕ *n* (ср. № 34, 45, 52, 120, 124–128)⁶². Однако в примерах № 61, 105–107 ПСК *n* соответствует ПЕ *r* (или *r*₁). Это, очевидно, вызвано наличием в ПСК после *n* поствулярных согласных (ларингалов), присутствующих во всех четырех случаях и отсутствующих во всех тех примерах, где ПЕ имеет *n*.

ПСК фонемам *l* и *l̥* в анлауте соответствует ПЕ *d*- (№ 83, 119); в других позициях налицо ПЕ *r* или *r*₁ (№ 33, 59, 64, 132–134). Характерно, что нет ни одного примера соответствия ПСК латеральных сонантов *l*, *l̥* ПЕ латеральному *l*.

Ларингалы и фарингалы (поствулярные согласные)

Выше уже отмечалось, что в трехсложных (редко — в двусложных) структурах первый слог с ларингалом в ПЕ отпадает. В остальных случаях всем ПСК ларингалам и фарингалам соответствуют в ПЕ *ʔ*- /≠ *∅*⁶³ в начальной позиции (ср. № 11, 22, 60, 72, 82, 122, 123, 133, 138, 148), а в других случаях — *j* (№ 21, 71, 80) или *ʔ* (№ 2, 90, 109, 136, 150, 151). Рефлексы эти, возможно, распределены в соответствии с соседними гласными (*ʔ* при ПЕ *i*, *a*, *ɔ*, *u*; *j* при ПЕ *e*, *ä*), однако материала слишком мало для окончательных выводов.

Заметим, что это — единственный тип случаев, когда ПЕ *ʔ* соответствует сегментной единице в ПСК. Вероятнее всего, первоначально ПЕ имел здесь *∅* (как в анлауте, так и в ауслауте); впоследствии, однако, корни, начинавшиеся либо кончавшиеся на гласный (при структуре CV), получали в ПЕ автоматическую гортанную смычку (в начале или в конце корня соответственно)⁶⁴. В тех же случаях, когда фонема *ʔ* в ПЕ встречается в середине корня (структуры CVʔC(V) и CVʔVC(V) > кетские

⁶² В одном случае (№ 27) ПЕ имеет *m* при ПСК *n*. Обращает на себя внимание, что в ПСК в соседнем слоге присутствует лабиализованный согласный (*ɕ^w*); можно поэтому думать, что исходной формой в данном случае было **hiɕ^wimə*, а ПСК *-n-* — результат вторичной диссимиляции *-n-* < *-m-* при соседнем лабиализованном согласном.

⁶³ В каких-то случаях, возможно, и *h-*; к сожалению, о наличии в ПЕ *h-* в анлауте можно судить только по коттским рефлексам, которые представлены далеко не всегда.

⁶⁴ В ПЕ имеется очень небольшое количество корней структуры CV (без *-ʔ*); внешних соответствий им пока не обнаружено.

второй и третьей тоны соответственно), она не соотносится ни с какими ПСК сегментными единицами⁶⁵; ср. № 3, 4, 6, 9, 36, 40, 48, 51, 52, 54, 73, 80, 83, 88, 91, 115, 144.

Наконец, как уже отмечалось выше, в некоторых случаях (в частности, в сочетаниях с предшествующими сонантами) ПСК постулярные хотя и не отражаются в ПЕ непосредственно, но влияют на развитие соседних фонем (ср. развитие типа $-n\acute{t}-, -n\grave{t}- > r$).

Взрывные согласные

В ПСК имелись лабиальные, дентальные и велярные взрывные, соответствующие тем же трем рядам в ПЕ. Они участвовали в оппозициях по придыхательности, абруптивности и глухости-звонкости⁶⁶. Сразу же отметим, что звонкие взрывные были исключительно редкими фонемами в ПСК и енисейские соответствия им не вполне ясны. ПСК * g в одном случае соответствует k (№ 38); ПСК * d в двух случаях соответствует t (№ 96, 110), а в одном — d (№ 122; особый рефлекс после ларингала?). Остальные оппозиции в дентальном и велярном рядах находят интересное соответствие в ПЕ, а именно: глухие непридыхательные отражаются в ПЕ как глухие (t, k), а придыхательные

⁶⁵ Вероятно, это свидетельствует в пользу гипотезы о наличии тональных оппозиций уже в ПЕ и о позднейшем развитии ларингальных элементов в определенных тонах; однако сравнение ПЕ тонов и тонов, которые возможно восстанавливать для ПД и ПСК, — дело будущего.

⁶⁶ Противопоставление типа $t-t^h-t-d$ восстанавливается только для ПСК и ПД. В ПАА и ПН оно заменилось на $t^{(h)}-t-d$ в результате перехода $t > d$ (в ПАА тоже возник новый ряд сильных взрывных, по-видимому, под влиянием некоторых акцентологических факторов). Сходные изменения произошли в аваро-андийских языках (т. е. также в результате перехода $t > d$ возникла система $t^{(h)}-t-d$). В ПЛ, лакском и даргинском произошло усиление $t > t^h$, в результате чего возникла система $t^{(h)}-t-d$ (в ПЛ, помимо того, произошел еще и переход $d > t$). Наконец, в ПЦ глухие непридыхательные тоже усилились, но, кроме того, и озвончились (т. е. $t > d$) (исключение — глухой непридыхательный p , дающий в ПЦ b), в результате чего возникла система $t^{(h)}-t-d-d$. Как видно из изложенного, придыхательные и абруптивные согласные обычно никаким изменениям не подвергались; но если противопоставление по абруптивности везде остается релевантным, то противопоставление по придыхательности фактически во всех системах-потомках было утрачено из-за трансформации глухих непридыхательных согласных. Сложилась ситуация, типичная практически для всех современных северокавказских языков, где глухие согласные всегда являются придыхательными при отсутствии, однако, фонологического противопоставления по аспирации. В транскрипции, естественно, аспирация в таких случаях не обозначается, что необходимо учитывать при оценке енисейско-северокавказских соответствий.

и абруптивные — как звонкие (*d, g*); ср. № 7, 36, 37, 40, 41, 44, 57, 94, 104, 108, 116; 19, 23, 25, 43, 48, 50–54, 56, 58, 60, 117, 118. Небольшое количество отступлений от этого правила наблюдается при наличии в корне двух взрывных (или шумных) согласных, когда становятся возможными различного рода ассимилятивные и диссимилятивные процессы (№ 39, 43, 76, 95, 103, 114, 115)⁶⁷.

По-другому выглядят соответствия в лабиальном ряду. Здесь ПСК абруптивным также соответствуют ПЕ звонкие (ср. № 20, 23, возможно, также 9), однако ПСК придыхательным — ПЕ глухие (ср. № 1, 2, 4, 6, 8). ПСК глухим непридыхательным могут соответствовать в ПЕ как глухие, так и звонкие, причем распределения между этими двумя типами рефлексов пока найти не удается.

Спиранты

В ПСК имелись свистящие, шипящие, свистяще-шипящие, велярные, латеральные и увулярные спиранты. Они образовывали двоичные противопоставления (на основе оппозиции по силе–слабости), при этом все являлись глухими (лишь в ряде «периферийных» случаев — в некоторых местоименных корнях — восстанавливаются звонкие спиранты *z, ž, v*).

В ПЕ налицо лишь глухие спиранты (*s, x, χ*): оппозиции по ларингальным признакам и силе–слабости, имеющиеся в ПСК, таким образом, никак не отражаются в ПЕ.

ПСК свистящим, шипящим и свистяще-шипящим спирантам в подавляющем большинстве случаев соответствует ПЕ *s* (ср. № 14, 20, 50, 84, 126, 131, 138, 139, 142, 148, 149). Однако в трех случаях (№ 68, 120, 121) ПСК сибиллянты соответствуют ПЕ *d*. Если учесть, что рефлекс ПЕ **den* 'молоко' в кетском и югском отсутствует и, следовательно, в ПЕ возможна и реконструкция **deʔn*, то напрашивается вывод, что ПСК сибиллянтам соответствует ПЕ *d* при наличии в корне глоттализации (= второй кетский и югский тон; ср. № 68 **doʔna*, № 120 **doʔn*, № 121 **deʔn*); напротив, во всех перечисленных выше примерах, где имеется ПЕ *s*, глоттализация отсутствует.

Соответствия ПСК увулярным спирантам в ПЕ также раздваиваются: с одной стороны, представлен ПЕ *χ* (№ 88, 89, 96, 101), с другой — ПЕ *q* (№ 6, 42, 80, 81). Распределение здесь, очевидно, то же, что и для

⁶⁷ Отметим, что процессы ассимиляции–диссимиляции по ларингальным признакам в подобных корнях довольно распространены и в северокавказских языках, что зачастую очень затрудняет реконструкцию.

сибилянтов: *q* налицо при соседней глоттализации (втором тоне), *χ* — при отсутствии таковой⁶⁸.

Единственный известный нам случай соответствия в ПЕ ПСК веллярному спиранту (**χ*, № 61) показывает в ПЕ *χ*, а единственный пример соответствия в ПЕ ПСК латеральному спиранту (*λ*, № 110) демонстрирует в ПЕ сонант *l*. В данном корне — ПД **λirdl* ‘женщина’ — можно было бы предполагать и ПСК **χ* из-за отсутствия нахских и абхазо-адыгских параллелей; внешние соответствия, однако, делают такое предположение маловероятным.

Наконец, специфические соответствия представлены для ПСК «периферийных» звонких спирантов: ПСК *z* соответствует ПЕ *з* (№ 137), а ПСК *в* — ПЕ *g* (или *k*, № 47; ввиду отсутствия коттских данных определить глухость или звонкость согласного в данном корне в ПЕ несколько затруднительно).

Аффрикаты

В ПСК были представлены те же локальные ряды аффрикат, что и спирантов, т. е. свистящие, шипящие, свистяще-шипящие, веллярные, латеральные и увулярные. Система аффрикат в ПСК была исключительно богата. Они образовывали, как и взрывные, четверичную систему противопоставлений по ларингальным признакам (придыхательные — непридыхательные глухие — абруптивные — звонкие), но, кроме того, участвовали еще в оппозиции по силе-слабости; таким образом, в каждом локальном аффрикатном ряду (помимо дефектного веллярного) имелось по восемь аффрикат. Отметим, однако, что частотность различных аффрикат была далеко не равномерна: в частности, как и в случае со звонкими взрывными, звонкие слабые аффрикаты были очень редкими фонемами.

ПСК аффрикаты обнаруживают сложные соответствия в ПЕ. Общим для всех аффрикатных рефлексов является, однако, полная нейтрализация противопоставлений по ларингальным признакам, а также по силе-слабости в ПЕ (аналогичная ситуация для спирантов описана выше). В ПЕ имеется, правда, противопоставление

⁶⁸ Надежные примеры: № 6 (ПЕ **poʔq*), 80 (ПЕ **qāʔj*), 89 (ПЕ **χij(e)*), 96 (ПЕ **tix*). В примере № 88 (ПЕ **χeʔ*) глоттализация явно вторична (см. с. 239 о развитии в ПЕ CV > CVʔ). Напротив, в примере № 42 (ПЕ **kāʔq-*), где ожидаемая гортанная смычка отсутствует, это, очевидно, позднее явление (в ПЕ действует правило о недопустимости ? перед сочетанием двух согласных). В примерах № 81 и 101 представлены, к сожалению, только коттские слова и нет возможности определить наличие или отсутствие ? в ПЕ.

глухих-звонких аффрикат (*c-ʒ, ʃ-ʒ, q-G*), но оно как будто бы не находит прямого соответствия в ПСК (особый случай — с увулярными *q* и *G*; см. ниже).

Свистящие аффрикаты

Среди енисейских слов, имеющих СК параллели, не встретилось слов с фонемой *ʒ*⁶⁹, а также с фонемой *c* в неначальной позиции⁷⁰.

ПСК свистящие аффрикаты имеют двоякие рефлексy в ПК.

1) В анлауте — *c* или *s*, в остальных позициях — *s*. При этом *c* в анлауте наблюдается при наличии в ПСК абруптивной аффрикаты (№ 66), во всех остальных случаях ПЕ имеет *s*; ср. для анлаута № 67, 73, 127, 128, 144, 147, для других позиций — № 141 (исконно инлаутная позиция, см. выше), 79, 129, 144, 145, 146.

2) Во всех позициях — *t*; ср. № 4, 18, 102, 105, 106, 107, 111, 113.

Надежного распределения между этими двумя типами рефлексов не находится.

Шипящие аффрикаты

Среди енисейских слов, имеющих СК параллели, не встретилось слов с фонемами *ʒ* и *ʃ* в неначальной позиции⁷¹.

ПСК шипящие аффрикаты обнаруживают следующие соответствия в ПЕ: *ʃ/ʒ* в начальной позиции, *t* или *s* в остальных случаях; ср. для анлаута № 10, 87, 150, 151, 153⁷², для других позиций — № 37, 46, 51, 55, 112.

Между двумя типами рефлексов в неначальной позиции также нельзя найти дополнительного распределения.

⁶⁹ Единственный случай — ПЕ *ʒaʒ 'я' — обнаруживает в ПСК звонкий спирант *z* (см. выше).

⁷⁰ Этот факт сам по себе интересен: он позволяет для таких слов предполагать неисконный (заимствованный) характер. Впрочем, их очень немного: *xāʒʒ 'верхняя одежда', *ʒal 'ребенок', *ʒāʒc- 'скоро'; ауслатный -ʒ(л) представлен также в нескольких словах структуры CVCVC, где он, вероятно, имеет суффиксальный характер (в основном это слова, являющиеся названиями частей тела): *boqaz 'правый'. *slGʒl 'пятка' (см. № 84), *ulaz 'ребро', *puGʒz 'хвост' и др.

⁷¹ Вот список таких ПЕ корней: *xīʒi 'весна', *diʒa (/ʒida) 'глухарь', *fiʒʒ 'гора', *ʃiʒ / *ʃiʃ- 'корень', *xiʒʒ 'лук (оружие)', *ʒaʃis 'напильник', *beʒé 'снег', *giʒʒ 'цена', *xūʒa 'щука' и др. Семантика этих слов такова, что легко допускает заимствованное (субстратное?) происхождение, хотя конкретный их источник пока неизвестен.

⁷² Сюда же, очевидно, примыкают и № 71, 130 (ПЕ *ʃal/ʒaŋ, *ʃur-), хотя в них ПСК имеет свистящие аффрикаты вместо ожидаемых шипящих.

Свистяще-шипящие аффрикаты

В анлаутной позиции СК свистяще-шипящим аффрикатам соответствуют (с не вполне понятным распределением) ПЕ \check{z} - (№ 28, 152), s - (№ 136) или s - (№ 100, 132, 143). В остальных случаях налицо единообразный рефлекс s (№ 27, 36, 40, 101, 140, 143).

Характерно, что здесь полностью отсутствует рефлекс t , часто встречающийся как соответствие СК свистящим аффрикатам (и реже — как соответствие шипящим).

Велярные аффрикаты

Велярные аффрикаты — сравнительно редкие фонемы в ПСК, и на первый взгляд их енисейские соответствия не обнаруживают единообразия. Так, имеем ПЕ x (№ 62), ПЕ χ (№ 94 и, очевидно, 93), ПЕ q (№ 73). Можно вспомнить, однако, что инлаутный x встречается в ПЕ только после узких гласных u или i (**tuxlŋ* ‘гребень’, **?ux-* ‘длинный’, **pŋxe* ‘мужчина’, **huxl-* ‘кричать’ — вот все известные нам корни с ПЕ **-x-*). Слова, содержащие в данном случае χ (т. е. **tāχlr* ‘выдра’, кет. *ak* (если < **?ax*) ‘Springhase’), как раз показывают перед этим согласным широкие гласные, отчего кажется вполне правдоподобным, что $-χ$ здесь вторично из $-x-$ после широких гласных (т. е. для наиболее раннего этапа нужно предполагать **tāχlr*, **?ax*). В таком случае в слове ‘белка’ (№ 73) ожидалось бы также $-χ$ (**sa?χa*), но здесь, вероятно, действовало правило аффрикатизации спиранта $x > q$ при соседней глоттализации (см. с. 241 — разбор рефлексов спирантов)⁷³.

Таким образом, несмотря на скудность материала, представляется оправданным предположить, что велярные аффрикаты давали в ПЕ спирант x , впоследствии развивавшийся в x , χ или q в зависимости от позиции.

Латеральные аффрикаты

ПСК латеральные аффрикаты регулярно соответствуют в ПЕ в анлауте глухому k - (№ 33, 34), а в других позициях — сонорным l , l' (№ 3, 5, 17, 78, 135). Три раза встретились особые рефлексы: j - в

⁷³ Это правило, однако, должно было действовать еще до спирантизации (при пока невыясненных условиях) старых аффрикат, поскольку развитие $q > \chi$ происходит и при соседней глоттализации (см. ниже); ср. № 91, 98, 99, 100.

анлауте (№ 8), -χ- в инлауте (№ 92, 97). Неясно, можно ли считать эти случаи основанием для того, чтобы предполагать для латеральных двойные рефлексы в ПЕ (аналогично свистящим и шипящим аффрикатам).

Увулярные аффрикаты

ПСК увулярные аффрикаты обнаруживают три типа соответствий в ПЕ.

1) ПЕ *q* в анлауте, *G* в остальных позициях; ср. № 9, 24, 74–79, 82–87 (при редупликации в инлауте может оставаться *q*, ср. № 74).

2) ПЕ *χ* во всех позициях; ср. № 85, 90, 91, 95 и, вероятно, 98, 99, 100.

Как и в случае с ПЕ соответствиями ПСК переднеязычным аффрикатам, распределения между этими двумя типами рефлексов найти пока не удается.

3) ПЕ велярные *k* (№ 12, 13, 45, 46), *g* (№ 49, 54, 57–59), *x* (№ 63–65).

Во всех этих примерах ПЕ обнаруживает рефлексы, типичные для велярных согласных (см. с. 241). В СК же соответствиях везде присутствует фарингализация соседнего гласного. Можно поэтому думать, что здесь мы имеем дело с исконными велярными (взрывными в № 12, 49, 54, 57–59 — ср. ПЕ рефлексы *k*, *g* — и аффрикатами в № 63–65 — ср. ПЕ рефлекс *x*⁷⁴), сдвинувшимися в ПСК назад в результате воздействия фарингализации соседнего гласного. Этот вывод поддерживается еще и тем фактом, что в северокавказских языках исключительно редки корни с велярными согласными при соседних фарингализованных гласных.

Аффрикатные ряды (свистящий, свистяще-шипящий, шипящий, увулярный, возможно, латеральный и велярный) демонстрируют, таким образом, двойные рефлексы (аффрикатно-спирантные vs. взрывные) в ПЕ. Это явно не случайно, хотя пока еще неизвестно,

⁷⁴ Особый случай — примеры № 13, 45, 46. Здесь нужно также предполагать исконные велярные аффрикаты (*ḡ*, *kʰ*), но ПЕ показывает не *x*, а *k*. Возможно, в правило рефлексации исконных велярных аффрикат в ПЕ, сформулированное на с. 244 (т. е. «велярные аффрикаты > ПЕ *x*»), следует внести уточнение: в ПЕ *x* дают лишь лабиализованные велярные аффрикаты (действительно, все слова, разобранные на с. 244, а также слова из приведенного выше списка, имеющие в ПЕ *x* (№ 63–65), содержат лабиализованные согласные в ПСК), в остальных же случаях ПЕ имеет *k*. Не исключено, однако, что это распределение случайно (количество примеров невелико) и реально мы сталкиваемся с тем же «дроблением» рефлексов аффрикатного велярного ряда в ПЕ, что и других (переднеязычных, увулярного) аффрикатных рядов.

какие особенности исторической фонетики рассматриваемых языков отражает данное явление.

В заключение остается констатировать тот факт, что енисейские и северокавказские языки обнаруживают довольно большое количество общих корней с базисной семантикой, на множестве которых удастся установить в целом достаточно регулярные (и интересные) фонетические соответствия. Как кажется, это вряд ли может свидетельствовать о чем бы то ни было, кроме генетического родства рассматриваемых языковых семей.